

Н.И.Сарджвеладзе

ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДОЙ

Тбилиси: "Мецниереба", 1989

Предисловие

Разработка методологически обоснованного концептуального аппарата структуры и динамика личности предполагает изучение тех связей и отношений, в которые вовлечен индивид и устанавливаются им в процессе своей жизнедеятельности. Именно так поставлен вопрос в представленной монографии, посвященной исследованию возможных образцов взаимодействия личности с социумом, отношения к внешнему миру и самоотношения, а также механизмов перехода виртуальных состояний, свойственных целостной системе "личность – социальный мир", в реальное, манифестированное поведение.

Проблема виртуальных образцов отношения человека к предметному миру, миру людей и самоотношения, а также возможных вариантов взаимодействия личности с социумом – фактически проблема резервов человеческой жизнедеятельности, резервов его адаптивной и преобразовательной активности. Их актуализация и адекватная реализация – цель, которая ставится всей системой воспитания, а также практикой психологического консультирования и психокоррекции. Без опоры на резервы личности воспитуемого, обучающегося и консультируемого, на возможные образцы ее межличностного и внутриличностного взаимодействия и перспективы их расширения или трансформации – трудно рассчитывать на полноценный эффект воспитания, психологической помощи. Поэтому практическая работа с личностью, учитывающая ее виртуальные особенности, прежде всего требует теоретического осмысления и определенной классификации возможных образцов жизнедеятельности субъекта в социальном мире. С другой стороны, феноменологическое описание и поиск механизмов реализации виртуальных состояний в реальном поведении осуществимы лишь путем практической психоконсультационной и психокоррекционной работы с отдельной личностью или с малой социальной группой (семейное психологическое консультирование, социально-психологический тренинг, психодрама, групповая динамика и др.). В этом контексте связь методолого-теоретической разработки с конкретной практической деятельностью психолога представляется не только и не столько достаточным, но и необходимым условием исследовательской работы. Опора на указанное условие определила общий характер данной работы, ее форму и содержание.

Автору выпала огромная честь обсудить ряд положений монографии с выдающимся психологом современности К. Роджерсом во время его рабочего визита в Институт психологии АН ГССР в 1986 г. Высказанные им пожелания обнадежили автора в том, что выбранный в работе способ концептуализации имеет перспективу развития. Мы глубоко признательны проф. В. Г. Норакидзе, В. П. Трусову, М. Г. Колбая, Н. Н. Обозову, М. С. Балиашвили, Д. А. Чарквиани, Г. Я. Чаганова и В. В. Столину, которые читали рукопись и высказали конструктивные замечания по целому ряду пунктам исследования. Отдельные критические замечания и пожелания, высказанные проф. У. Хентшел и В. Матеус (ФРГ), К. А. Абульхановой-Славской, Г. В. Дарахвелидзе, П. Н. Шихиревым, Н. Г. Адамашвили, и многими другими во время официальных докладов автора или частных бесед, позволили внести в текст необходимые коррективы. Мы глубоко благодарны Г. Ш. Лежава за его усердную работу над текстом, а также Л. Е. Мгалоблишвили, которая в течение ряда лет внимательно следила за работой и тем самым участвовала в развертывании замыслов автора.

Глава I

ЛИЧНОСТЬ: ТРУДНОСТИ И ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В современной психологии вряд ли найдется понятие, определение которого было бы более многозначным, а попытки четкого определения – более многочисленными, чем понятие "личность". Уже стало тривиальным, что авторы учебников или специальных работ указывают на разнообразие подходов, отмеченных Г. Олпортом в 40-е годы, когда он приводил свыше 50 различных определений личности. Как отмечает Р. Мейли, "Эти различия касаются не столько самого объекта исследования, сколько его концептуализации и отражают, таким образом, теоретические разногласия авторов" [34]. С выводом Р. Мейли частично можно согласиться. Действительно, методологические и идеологические позиции теоретика в области психологии или социальной психологии личности дают некоторый толчок для построения такого понятийного аппарата исследования, который еще более утверждал бы (а порой и оправдывал бы) методолого-идеологические установки автора. Более того, общественное сознание и господствующая идеология "моделирует" личность, преподносит "фабрикуемые" ими "образцы" личности, а сознание отдельного исследователя, пронизанное общественным сознанием, следует такой моде-ля и в научных терминах описывает то, что уже "смоделировано" и описано. Так, например, отдельные теоретические построения, рассматривающие личность как "атомарное" существо или особую субстанциональность, которой присущи изначальная автономность и самодостаточность, фактически реализуют идеологические установки буржуазного индивидуализма, разобщающего человеческие индивиды и провозглашающего единственно верным принципом человеческого существования "бытие-для-себя". Сказанное рисует интересную картину соотношения между общественно-моделируемыми образцами личности, научными теориями о личности и конкретной личностью: с одной стороны, в соответствии с общественно моделируемыми образцами происходит социализация конкретного индивида, а с другой – создаваемые философами, психологами, педагогами или социологами концепции о личности имплицитно или эксплицитно следуют этим образцам, научно их обобщают и концептуализируют. Тем самым поддерживается функционирование этих образцов и существующих идеологических установок. Однако тут же следует отметить, что такого рода детерминация не является абсолютной и жестокой: конкретная личность никогда не является пассивным "слепок" существующего социального образца, а теоретические построения не полностью воспроизводят эти идеологически обусловленные модели личностного бытия, отклоняются от такого буквального их воспроизводства. Поэтому всегда налицо определенное расхождение между общественными образцами, теоретическими построениями и реальным бытием конкретной личности, что является выражением процессов роста персонализации человеческой природы.

Но вернемся опять к вопросу о многозначности определения понятия личности. Следует ли нам ограничиваться упоминанием роли разнообразия методологических и идеологических позиций как определяющего фактора разногласия в дефинициях понятия "личность"? Нет ли оснований искать причину таких разногласий в самом объекте определения, т. е. в специфике той области реальности, которая семантически обозначается как "личность"? Думается, что не только различие теоретико-методологических позиций является определяющим фактором упомянутой разноречивости, но и сам объект определения включает в себя специфику, постоянно отражающуюся в разнообразии теоретических концепций и, соответственно, в различных подходах его эмпирического изучения. Иначе чем объяснить тот факт, что исследователи одной и той же методологической ориентации порой совершенно по-разному определяют личность? Разве не очевиден тот факт, что советские психологи, которых объединяет

твердый фундамент марксистско-ленинской научной методологии, не так уж редко выдвигают достаточно отличающиеся определения понятия личности, тогда как объект определения один и тот же? Попытаемся ответить на вопрос, в чем же состоит такая специфика. Представляется излишним доказывать, что эта специфика кроется в глубокой диалектической природе человеческой личности. Вряд ли найдется другой такой объект изучения, при описании которого столь часто обнаруживались бы полярности, как это наблюдается при построении теории личности. "Индивидуальное и общественное в природе личности", "природное (биологическое) и социальное в личности", "уникальное и всеобщее в структуре личности", "структура и динамика личности", "сознание и бессознательное в личности", "внешнее и внутреннее в деятельности личности" и т. п. – вот далеко не исчерпывающий перечень тем, привлекающих внимание ученых. Но дело не в простом противопоставлении отдельных полярных качеств или пластов в единой системе личности. Диалектическая природа личностного бытия раскрывается в глубокой антиномности тех методолого-философских построений, в которых "моделировалась" связь индивида с миром. Так, согласно объективно-идеалистическим теориям или метафизическому материализму, исходным пунктом для понимания взаимоотношений между человеческим индивидом, вселенной и историей выступает некий абстрактный, оторванный от человеческой практики универсум. Типичным примером могут служить гегелевские рассуждения, согласно которым личность человека растворяется в историческом движении всеобщего духа. Как пишет К. Маркс, у Гегеля "не субъекты нуждаются во "всеобщем деле" как в своем настоящем деле, а "всеобщее дело", нуждается в субъектах для своего формального существования" [1, с. 263]. С другой стороны, в экзистенциалистических концепциях в качестве исходного пункта взаимоотношения индивида и внешнего мира берется самосознание, внутреннее переживание личности "затерянности в мире". Эти полярно различные концепции объединяет общее положение, согласно которому этот мир человеку "задан извне". Марксизм преодолевает односторонность указанных воззрений. Если согласно марксистскому учению в многостороннем отношении между человеком и природой – материальный мир, "мир в себе" – преобразуется человеческой практикой в "мир для нас", то и наш мир нельзя считать просто "данным извне"; он является продуктом исторической человеческой практики. При таком понимании преодолевается абсолютизация противопоставления человека и мира, индивида и общества, а личность представляется не "придатком" общества или, растворенная во всеобщности, некая абстрактная единичность, субъективно относящаяся к этому миру как чуждому и враждебному, но действующим индивидом, совместно с другими созидаящим и свой мир и самого себя. В процессе человеческой практики происходит гуманизация, очеловечение природы – её преобразование деятельностью людей и приспособление ее к их потребностям. Как пишет Т. Ярошевский, лишь марксизм открывает "новые познавательные перспективы, позволяющие преодолевать, характерные для домарксистских концепций человека, "неразрешимые противоречия", таящиеся за последующими утверждениями: 1. О постоянной изменчивости духовной жизни индивидов (являющейся результатом присущих человеческому индивиду свободы, открытости, восприимчивости к новым идеям и ценностям, стремления к самозиданию "собственного внутреннего мира") и о постоянстве их духовной жизни (позволяющем признать наличие у них определенной личности, проявляющейся в их делах и начинаниях). 2. О субъективности психической жизни человеческих индивидов и об объективном характере содержания научного познания... 3. О личной ответственности за все, что он совершил и чего не совершил; о самодетерминированности его выборов и об общественной обусловленности его стремлений, выборов и мечтаний" [70, с 63]. В этих рассуждениях известного польского философа представлены оппозиционные суждения, касающиеся характеристик природы личности и ее научного изучения.

Важность такого рода рассуждения определяется не только их содержанием, но и способом или формой, которыми они формулируются. Имеется в виду их оппозиционность. Как можно убедиться из литературы по методологии науки, формулировка научной проблематики через противопоставление основных понятий и положений является одним из наиболее плодотворных способов научного мышления. Следуя такому подходу, мы предпримем попытку охарактеризовать основные на наш взгляд, оппозиции в теориях личности, которые могут быть представлены в виде противоположных друг другу формулировок (тезиса и антитезиса).

1. ОППОЗИЦИЯ I: ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ

Тезис: "Внешнее действует через внутренние условия" (С. Л. Рубинштейн). Антитезис: "Внутреннее действует через внешние условия" (А. Н. Леонтьев).

Одна из традиционных и методологически центральных проблем психологии – это проблема внешней и внутренней детерминации. Если радикальный бихевиоризм абсолютизировал момент внешней детерминации, то во многих персоналистически ориентированных теоретических построениях личность представлена как в некоторой степени самодовлеющая, автономная и самодетерминированная целостность. Допущение разобщенности внешнего и внутреннего в личности ведет свое начало от картезианского дуализма. В истории психологического познания известны многочисленные попытки преодоления метафизического дуализма. Вспомним теорию конвергенции внутреннего и внешнего в персоналистической концепции В. Штерна [6], в которой до конца не преодолены все трудности указанной разобщенности, ибо конвергенция подразумевает допущение изначальной обособленности двух начал или двух субстанций, которые конвергируют друг с другом. Однако если поставить вопрос о том, как мыслить личностную целостность, если она является результатом встречи, сближения двух изначально взаимообособленных сторон действительности, то в любом случае на этот вопрос получим неудовлетворительный ответ, поскольку такая постановка вопроса сама по себе является неверной: неправомерно ставить вопрос об образовании некоей целостности, если метафизически мыслящим разумом заранее разобщены те "инстанции", которые должны быть рассмотрены в их изначальном единстве. Поэтому весьма плодотворным и монистически обоснованным представляется тезис Д. Н. Узнадзе о коинциденции внутреннего и внешнего [6] о чем более детально будет говориться на последующих страницах этой работы, а сейчас, несколько опережая основной ход мысли, вкратце сформулируем понимание вопроса в общепсихологической концепции Д. Н. Узнадзе на примере критики им теорий психофизиологического (психофизического) параллелизма и взаимодействия, эмпиризма и нативизма. Эти взаимоотрицающие теории опираются на один и тот же ложный постулат, согласно которому душа и тело, внешнее и внутреннее являются самостоятельными и по своей природе разнопорядковыми явлениями; установление любого из типа связей между ними, будь то параллелизм, взаимодействие (взаимовлияние) или конвергенция, невозможно и, вообще, бессмысленно ставить задачу поиска такой связи между явлениями, которые разъединены невосполнимой пропастью дуализма. Поэтому следует допустить существование особой сферы реальности, в которой внутреннее и внешнее едины, "коинцидентированы". В поисках такой реальности и сформировалась теория установки основателя грузинской школы психологов.

С. Л. Рубинштейн, выдвигая в качестве ведущего принципа в психологии принцип детерминизма, дал его классическую формулировку как преломления "внешнего через внутреннее". С. Л. Рубинштейн подчеркивал значение личности как целого, характеризуемого как совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия на человека [43, с. 307]. Это положение получило признание не

только в работах учеников и последователей С. Л. Рубинштейна, но и в некоторых работах представителей теории установки. Так, А. С. Прангишвили [40], А. Е. Шерозия [67] и др. считают, что понятие установки в понимании Д. Н. Узнадзе фактически реализует принцип преломления "внешнего через внутреннее". Однако же это положение представляется не до конца верным, если функцию установки видеть лишь в одностороннем процессе, в котором "внешние причины действуют посредством внутренних условий" Установка действительно представляет собой внутреннее условие, через которое преломляется внешнее воздействие, однако ее сущность не ограничивается такой опосредующей функцией. Анализ основополагающих положений психологической концепции Д. Н. Узнадзе может показать, что когда функция установки ограничивается опосредствованием "внешних причин", преломлением внешних воздействий через внутреннюю "призму", то в таком случае имплицитно или эксплицитно придерживаются линейной схемы "внешнее – внутренние условия – действие (деятельность)". Такая схема фактически повторяет необихевиористическую схему S-P-R, где Р представлен как комплекс промежуточных переменных. Однако можно сказать, что тем самым, вовсе не преодолевается основной порочный постулат, объединяющий ортодоксально-бихевиористические теории с необихевиористическими, согласно которому организм и среда, субъект и объект, внутреннее и внешнее дуалистически разъединены. Бихевиоризму и необихевиоризму остается допустить, что связь между такими разобщенными реалиями осуществляется путем эмпирического принципа "пробы и ошибок", положительного или отрицательного подкрепления, функционированием разнопорядковых промежуточных переменных (когнитивные карты по Толмену, ожидания, цели, эмоции и т. д.), промежуточность которых не то что не предполагает единство внутреннего и внешнего, а еще более подчеркивает их дуалистическую разъединенность. В концепции же Д. Н. Узнадзе, в которой дается попытка преодоления картезианского дуализма и вытекающих из него постулата непосредственности и эмпирического постулата, а также постулатов созерцательности и "фиктивности" индивида [36], установка выступает первичной целостностью и модусом единства внутреннего и внешнего. Поэтому установка является не простым "посредником" между внешним воздействием и действием организма или деятельности субъекта, и не простой "призмой, через которую преломляется внешнее воздействие, но представляется как диалектическое единство потребности и ситуации, организма и среды, субъекта и объекта, т. е. некоторым целостным состоянием системы, в которой сняты полюса внутреннего и внешнего.

Такой точки зрения Д. Н. Узнадзе придерживался на всех этапах развития своей научно-психологической концепции. В своих ранних работах для обозначения вышеуказанного целостного состояния субъекта он пользовался терминами "биосфера" [57], "подпсихическая сфера" [56] и "ситуация" [51]. Существует некоторая разница между ранними и последними его работами в плане понимания онтологического статуса установки: в ранних философских и психологических произведениях Д. Н. Узнадзе установка мыслится в качестве вне психологической, подпсихологической реальности, олицетворяющей единство физического (физиологического) и психологического, тогда как в последний период им ставился знак равенства между установкой и бессознательным психическим. Несмотря на такую разницу, основная научно-методологическая задача, теории Д. Н. Узнадзе – задача преодоления картезианского дуализма и вытекающих из них постулатов (постулат непосредственности и эмпирический постулат) – была им решена, а основная парадигма мышления – парадигма единства внешнего и внутреннего – оставалась инвариантной и последовательно развивалась.

Интересно отметить, что сходные идеи были выдвинуты К. Левиным [94] и венгерским психологом А. Ангьялом [73]. Левиновское понятие жизненного пространства, близкое к

понятиям "биосферы", "ситуация" и "установки" по Д. Н. Узнадзе, отражало единство потребности и ситуации ее удовлетворения, внутреннего и внешнего. В области психологии личности А. Ангьял придерживался холистической точки зрения. В своей концепции в качестве центрального понятия он ввел понятие "биосфера". Так же, как и Д. Н. Узнадзе, он опирался на корень "био", означающее "жизнь" ("жизненное пространство" К. Левина здесь напрашивается в качестве аналога) и наподобие существующего в немецкой научной литературе термина "Lebenskreise", понимал "биосферу" как "обитель" жизни. Биосферой "я хочу назвать сферу, в которой имеют место все жизненные процессы" – писал А. Ангьял [73, с. 329] и продолжал: "Биосфера – это область или сфера жизни. Биосфера включает и индивида и среду, обоих вместе, но в понятии биосферы индивид и среда рассматриваются не как взаимодействующие части, не как самостоятельно существующие единицы, а как отдельные аспекты единой реальности, которую можно делить лишь только путем абстракции; само по себе же биосфера представляет собой неразъединяемую целостность". Далее А. Ангьял пишет, что несмотря на неразделимость, биосфера определенным образом структурирована. Она включает в себя два типа направленности: автономную детерминацию и гетерономную детерминацию. В этом пункте этот автор соприкасается с проблемой внешней и внутренней детерминации. Автономная детерминация это внутренне обусловленный процесс, процесс самоуправления и самодетерминации, а гетерономная детерминация означает процессы внешней детерминации, когда жизненные процессы управляются факторами среды. Автономная и гетерономная тенденции представлены в концепции А. Ангьяла как два потока, имеющих взаимопротивоположное направление, и они составляют органическое единство в целостно-динамической организации биосферы.

Теперь опять вернемся к формуле С. Л. Рубинштейна. Известны несколько критических высказываний в ее адрес, среди которых можно выделить критику В. С. Тьютина [50], М. Г. Ярошевского [69] и А. Н. Леонтьева [31]. По мнению М. Г. Ярошевского, тезис – "внешнее через внутреннее" неэффективен, так как "1) Не показывает своеобразие различных уровней психической регуляции поведения, взаимосвязи и взаимопереходы между ними... Объясняя любые порядки явлений, он... не раскрывает детерминационные основания ни одного из них (ведь и в неорганической природе эффекты любого воздействия зависят от "внутренних" свойств испытываемого его тела). 2) Этот тезис исключает возможность понять результаты действия как важнейшую детерминанту процесса. 3) При отнесении психического к разряду лишь "внутреннего" оно трактуется как своего рода "призма", "преломляющая среда" внешних воздействий. Но именно преодолевая эту презумпцию, развивалась и крепла детерминистская мысль о том, что внутренняя работа ума представлена во внешних телесных действиях, в производственной деятельности, в объективных процессах общения между людьми" [69, с. 98].

А. Н. Леонтьев, подмечая, что формула С. Л. Рубинштейна неспособна раскрыть сущность "возникновения личности как особой целостности", впал в другую крайность, выдвигая антитезис, согласно которому следует "с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет" [31, с. 181]. Следует утверждать, что А. Н. Леонтьев указанным антитезисом сформулировал новый принцип детерминизма в психологии? Думаем, что формула А. Н. Леонтьева, скорее полемический выпад, нежели научный постулат. Антитезис "внутреннее через внешнее" ставит акцент на имманентное самодвижение человеческой предметной деятельности, которая для такого самодвижения нуждается во внешних условиях, а его результатом является самоизменение. Если в формуле С. Л. Рубинштейна внешнее выступает в качестве причины, а внутреннее – в качестве условий преломления этих причин, то в формуле А. Н. Леонтьева, напротив, внешнее выступает как условие, а действующим

(активным и, в некотором смысле, самоактивным) началом представлено внутреннее (субъект).

В результате анализа вопроса мы приходим к выводу, что взаимодействие человека с миром является той сферой реальности, в которой "внешние причины действуют через внутренние условия" и одновременно "внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет". Модусом такого взаимодействия является установка в том его понимании, в каком она представлена в большинстве работ Д. Н. Узнадзе. По нашему мнению, методологически верным представляется постулирование первичности установки (как модуса взаимодействия внутреннего и внешнего, субъективного и объективного) относительно отдельных взаимодействующих сторон (субъекта и объекта). Это обстоятельство можно выразить формулой: "Взаимодействие субъекта с миром (субъект-объектное и субъект-субъектное отношение по Б. Ф. Ломову [30] и Ш. А. Надирашвили [36] конституируется не действительным "соприкосновением" внешнеположенных и отдельно существующих взаимодействующих сторон, а напротив, на взаимодействия выводятся его отдельные стороны – (1) субъект и (2) объект". В связи со сказанным тут же хотелось бы высказаться по поводу одного, ставшего стереотипным, выражения; "установка – целостное состояние субъекта". Это выражение лишь тогда отражает истинное положение вещей, когда его смысл до конца и полностью раскрывается в плане того, что установка как целостное состояние субъекта является модусом отношения (именно отношения и взаимодействия) человека с миром. То, что в онтологическом плане важнейшим моментом феномена установки является ее "отношенческая" природа, это хорошо показано в работе М. А. Гелашвили, который, применяя логический аппарат семантики пропозициональных установок, говорит о системе "субъект-ситуация", (где знак "тире", по нашей интерпретации, может выражать связь через установку) и в качестве самой общей черты установки выделяет то, что она есть отношение между организмом (субъектом) и средой (ситуацией)" [17].

Итак, не односторонность "действия внешнего через внутреннее" или "действия внутреннего через внешнее", а взаимодействие субъекта с миром, вернее, модус такого взаимодействия – установка является тем детерминантом, в котором внешняя и внутренняя детерминации диалектически едины. Нам и далее предстоит затронуть эти вопросы, а теперь перейдем к анализу следующей оппозиции.

2. ОППОЗИЦИЯ II: ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ

Тезис: "Изучение личности предполагает выявление общих и типологических черт характера, установок и т. д., поиска тех основных стабильных факторов, которые образуют структуру личности. Соответственно наука о личности относится к "номотетическим" наукам, которые нацелены на поиски общих закономерностей и следуют принципу объяснения изучаемых явлений". Антитезис: "Личность, как уникальное образование, невозможно втиснуть в рамки установленных всеобщих черт, понимание ее структуры неоднозначно к ее сведению на неизменные факторы. Соответственно она не подвергается объяснению, ее можно лишь описать, понять и к ней применимы принципы т. н. "идиографических" наук".

В истории психологии не раз ставилась проблема природы закономерности в психологии, соотношения естественнонаучного и феноменолого-понимающего подходов в изучении психики человека. Критика традиционной психологии шла в общем русле противопоставления наук о природе и о духе. Противопоставление и непримиримость "номотетического" способа мышления к "идиографическому", "объяснительной" психологии "понимающей" ("герменевтической", "феноменологической" и т. д.), особо остро чувствовалось и чувствуется в области психологии личности, имеющей своей

задачей понять сущность такого интегрального образования, каким является личность человека.

"Номотетический" подход к изучению личности должен опираться, как нам представляется, на следующие базовые положения:

Личность *in princip* полностью объективируемое образование, поэтому она в той же мере может выступить в качестве объекта научного исследования, как и другие явления мира (физические, биологические...).

Личность человека является носителем определенных всеобщих качеств и типологических особенностей, а это означает то простое обстоятельство, что конкретную личность также можно соотнести с некоторой общностью или причислить к определенной общей категории личности, как и какой-то конкретный предмет мы можем соотнести с обобщенной категорией данного вида предметов. В этом смысле личность имеет свою объективную сущность (эссенцию – *essencia*), которая опережает способ бытия, экзистенции данной личности, ее конкретной жизнедеятельности. Глагол "опережать" здесь означает не временное опережение, а то обстоятельство, что конкретный способ бытия, модус конкретной деятельности конкретной личности является осуществлением той общей "программы", которая "задана" определенной общей сущностью или типологическими особенностями, присущими некоторой общности людей.

Как объект научного изучения личность выступает в качестве предмета наблюдения внешнего наблюдателя. Объективная точка зрения внешнего наблюдателя способствует тому, чтобы личностные проявления рассматривались как вещи, если перефразировать методологическую формулу Э. Дюркгейма – "социологические явления следует изучать как вещи". Такая точка зрения особо рельефно представлена в работах структуралистически ориентированных ученых, в которых факты сознания (индивидуального или коллективного) рассматриваются не как вещи, а как включенные в определенную структуру элементы (К. Леви-Стросс, М. Фуко). Провозглашаемая Ж. Лаканом формула о том, что мы являемся "говоримыми, а не говорящими" [92], красноречиво подчеркивает растворяемость субъекта в особых, знаково-психологических структурах. В целом тот подход, согласно которому личность рассматривается как вещь, либо растворяется в определенные структуры, олицетворяет один из аспектов того положения, которое выражено формулой "человек умер" [62].

"Идиографический" подход к изучению личности должен предполагать в качестве базовых прямо противоположные вышеупомянутым положения:

Личность – необъективируемая данность, её обитель – самосознание, понимаемое как декартовское *cogito*. Личность – это субъективное образование; если её представляем в качестве объекта изучения, то тем самым мы ее "умерщвляем". "Познание умерщвляет предмет познания" – этот тезис, выдвинутый экзистенциалистически ориентированными философами, в первую очередь, относится к познанию личности человека. Личность как субъект деятельности и экзистирующее существо не следует превращать в предмет познания (имеется в виду позитивистски ориентированный способ познания), ибо в таком случае субъект теряет свою субъективность, превращается в свою противоположность (К. Яс-перс, Ж. П. Сартр, М. Хайдеггер, Г. Марсель, Э. Мунье и другие). Объективное рассмотрение субъекта аналогично тому, если бы мы реальные жизненные процессы конкретного живого существа изучали не в процессе его реальной жизнедеятельности, а путем его рассмотрения как мертвого тела.

Личность человека не категоризуема, она не является выражением какой-либо общей сущности; она уникальна, ее невозможно типизировать и рассматривать в рамках причинно-следственных связей. Ей присуща недетерминированная, абсолютно спонтанная активность. По Ж. П. Сартру [105] не только личность, как определенная целостность, является абсолютной спонтанностью, но и отдельные акты сознания личности не выводимы друг из друга, не подвергаются объяснению, недетерминированны, уникальны. Не человеческое существование (экзистенция) является выражением определенной человеческой сущности, а наоборот экзистенция предшествует эссенции; в процессе бытия и жизнедеятельности (экзистирования) фундируется сущность конкретной личности.

Сущность личностного бытия постигается тем способом, что оно предстает перед постигающим "взором" в качестве субъекта жизнедеятельности (а не объекта), а такое постижение осуществляется внутренним наблюдателем. Под внутренним наблюдением здесь не обязательно имеется в виду акт интроспекции. Напротив, в традиционной психологии, основывающейся на декартово-локковской традиции изучения сознания в его непосредственной данности и тождественности психике, интроспекция выступала неким аналогом естественно-научного метода наблюдения. Она же, несмотря на неоднократные критические нападки и отмечаемые критиками непреодолимые трудности, служила идеалом объективности классической науки, объективности в двух смыслах: с одной стороны, рассматривала отдельные психические явления (оторванные от их носителя – целостного субъекта) в качестве объектов наблюдения, и с другой стороны, претендовала на объективность добытых путем интроспекции знаний. Итак, внутреннее наблюдение несводимо к интроспекции. Его нельзя отождествлять с отдельными актами самосознания в рамках декартовского *cogito* или с процессами самоанализа и самосознания, а внутреннего наблюдателя невозможно сводить к субъекту самосознания, самопознания и самоанализа, ибо акты самосознания, самоанализа и самопознания сами нуждаются для своего постижения в определенном внутреннем наблюдателе. Под внутренним наблюдением, например, в понимающей психологии, имеются в виду особые акты понимания, интуитивного постижения и т. д. Таким образом, для внутреннего наблюдателя не является обязательным условием то, чтобы субъект наблюдал свои внутренние психические процессы, чтобы наблюдатель и наблюдаемый были одним и тем же лицом: субъект как внутренний наблюдатель может выступать и в том случае, если он посредством особых понижающих (герменевтических) методов постигает чужой внутренний мир; можно встать на позицию внутреннего наблюдателя, фактически оставаясь вне наблюдаемого.

Мы перечислили базовые положения "номотетического" способа психологического мышления и контрположения "идиографического" методологического подхода. Что можно сказать по поводу этих противоположных позиций? Насколько они несовместимы? Можно ли преодолеть односторонность одного из подходов и встать на более синтетическую точку зрения? Г. Олпорт, например, считал, что следует сохранять равновесие между "номотетическим" и "идиографическим" подходом и синтезировать их противоположные точки зрения [72]. Однако истинным ключом искомой точки зрения является диалектический способ мышления, согласно которому общее и единичное, типическое и индивидуальное, сущность и существование (экзистенция), гносеологические позиции внешнего и внутреннего наблюдателя не "покоятся" метафизически на разных полюсах, а диалектически "взаимопереходят" и взаимопределяют. Мы тут не будем касаться вопроса о диалектике общего и единичного, абстрактного и конкретного, типического и индивидуального, а также сущности и существования, ибо традиция их освещения в нашей философской литературе слишком сильна и вряд ли можем тут что-либо добавить. Отметим лишь то, что конкретная

личность, являясь существом единичным и уникальным по своим качествам, воплощает в себе общечеловеческую сущность и социально-типические особенности: индивидуальность является выражением конкретизации и индивидуации общего. Что же касается отношения сущности (эссенции) и существования (экзистенции), то можно предложить формулу: "сущностные силы" (К. Маркс) человека "самоосуществляются" в процессе его экзистенции, но экзистенция не является простой реализацией этих сущностных сил, а сама их создает и воспроизводит. Человеческие "сущностные силы" не являются неким абстрактом, которые человеку механически присущи, а напротив, каждая конкретная личность в процессе и посредством своего бытия заново в себе порождает, воспроизводит, обнаруживает и открывает эти "сущности".

3. ОППОЗИЦИЯ III: УСТОЙЧИВОСТЬ И СТАНОВЛЕНИЕ

Тезис: "Личность – это относительно устойчивая и стабильная, фиксированная система установок и черт характера. Она является олицетворением взглядов и убеждений той общности людей, репрезентантом которой она является". Антитезис: "Личность – это постоянная самореализация своих возможностей. Ей свойственно постоянное становление. Она уникальна и автономна".

Итак, в этой оппозиции момент устойчивости и стабильности, завершенности, фиксированности и обобщенности личностных черт, взглядов и социальных установок, противопоставляются изменчивости и становлению, незавершенности и "открытости". Такое противопоставление хорошо просматривается при сопоставлении многих определений и теоретических конструктов о сущности личности. Так, большая часть психологов определяет личность как устойчивое, стабильное образование, имеющее свою системную организацию.

Традиционная характерология исходит именно из того положения, что характер личности является фиксированным, устойчивым качеством. Понятие диспозиции в психологии наряду с другими моментами (готовность, предрасположенность, направленность и т. п.) включает и момент фиксированности, устойчивости, стабильности. Момент завершенности и устойчивости акцентируется в разного рода типологических концепциях, в которых понятие личности фактически сводится к понятию индивидуальности.

Определение личности через момент устойчивости связано еще и с тем, что она выступает в качестве обобщенной сущности репрезентантом определенного социального типа и человеческой общности. Такое понимание сущности личности реализовано, например, в исследованиях этнопсихологических особенностей и национального характера. Понятие "базовой личности", введенное Кардинером [72], представляет собой наиболее известную попытку обоснования идей о том, что существует некоторая обобщенная конфигурация личностных качеств, которые присущи членам общества и формирование которых является результатом социокультурных факторов. Е. Фромм [84; 85] и В. Райх [96] говорят о социальном характере, имея в виду обобщенность и социальную репрезентативность структуры характера личности.

В целом этот подход является выражением общей тенденции типизации, "стандартизации" [7; 44]. Однако такая тенденция свойственна не только разного рода теоретическим построениям, но и (а может быть, даже в первую очередь) обыденному сознанию, "здоровому смыслу" и общественному сознанию. Типизируясь, "стандартизируясь", общественное сознание, во-первых, моделирует желательные, ожидаемые и нормативные личностные качества; во-вторых, опираясь на повторяемость, реализует свойственный ему способ антиэнтропийного функционирования; в-третьих, способствует социальному регулированию и управлению индивидуальным поведением отдельных членов

сообщества. Такое типизирование общественным сознанием индивидуальных форм человеческого бытия является результатом работы того общего механизма функционирования сознания, которое удачно названо Мамардашвили М. К., Соловьевым Э. Ю. и Швыревым В. С. "схематизмами сознания" [32]. "Схематизмы сознания" являются особыми системами значений, которые могут служить формой осмысления или переосмысления человеком своего места в мире, событий собственной жизни, особенностей окружающих людей. В схематизмах "на уровне индивидуального сознания предстают определенные компоненты общественной идеологии и психологии" [15, с. 186]. Итак, в "схематизмах сознания" наряду с другими аспектами человеческой жизни могут быть сгруппированы типы личностей, смоделированы и стандартизированы индивидуальные формы бытия. В этом смысле схематизмы служат деиндивидуации личностного бытия. Деиндивидуация в данном случае обеспечивается двумя взаимосвязанными механизмами, одна из которых относится к тому, что требует социальная среда от конкретной личности, а вторая – к чему может стремиться та же конкретная личность в мире социального взаимодействия.

В самом общем смысле можно было бы сказать, что требование социальной среды в условиях такой деиндивидуации может выражаться в том, чтобы "подстроить" личность под социальные стереотипы, нормы и предписания посредством постоянного воспроизводства индивидом в своих поступках, представлениях, образе жизни этих же стереотипов, норм и предписаний. Стремлением личности при такой деиндивидуации может быть стремление (1) "подстроиться" под указанные "схематизмы" путем реального их воспроизведения в индивидуальном поведении и (2) самопрезентироваться, либо показаться среде в качестве воспроизводящего установленных стереотипов, норм и предписаний. Следовало бы конкретизировать эту мысль. Для этого вначале попытаемся разобраться в том, что и как требует социальная среда от личности, а затем коснемся вопроса о стремлениях личности в процессе движения "в социальном пространстве и времени". Социальная и культурная среда, действуя негэнтропическим образом [33], вырабатывает определенные личностно-характерологические стереотипы для эффективного упорядочения опыта межлических связей, коллективного сосуществования и индивидуальных поступков, а также для эффективного управления деятельностью отдельных членов сообщества. Однако социум не удовлетворяется созданием стереотипов. Помимо этого социум "заинтересован" в том, чтобы каждый член сообщества эти "схематизмы" воспроизводил и лично осуществлял в своем образе жизни, видении мира, в своих установках и поступках. "Заинтересованность" социума в том, чтобы "схематизмы" общественного сознания были не только просто инкорпорированы в индивидуальное сознание, но и воспроизведены и заново "разыграны" в реальной деятельности конкретных индивидов, объясняется тенденциями самоподдержания и самосохранения. Такое самоподдержание помимо того, что имеет негэнтропическую природу, не может осуществляться без своего реального функционирования, а такое функционирование обеспечивается благодаря постоянному воспроизведению конкретными индивидами в своих конкретных поступках тех образов и предписаний, которые зафиксированы в тех или иных "схематизмах". Указанное воспроизведение образов и предписаний со стороны индивида – либо свершившийся факт, либо же объект стремления, тогда как со стороны социума этот тип индивидуального воспроизведения представляется как требование, а в некоторых случаях даже как принуждение. Во всяком случае социум осуществляет разного рода социальное влияние на индивида с тем, чтобы этот последний определял линию своего поведения по тому образцу, который зафиксирован в системе указанных "схематизмов".

Теперь рассмотрим вопрос о стремлении самого индивида – "подстроиться" под "схематизмы". Такое стремление можно выразить краткой формулой; "стремление быть

как другие". Оно является выражением более общей потребности в принадлежности к определенной общности людей. Мы уже отмечали, что такая потребность формируется и интенсифицируется самим социумом в процессе осуществления социальной задачи самосохранения и самоподдержания. Однако можно доказывать и то, что стремление к такой принадлежности имманентно присуще человеку как социальному индивиду. Индивидуальные черты, личностные качества человека типизированы в "схематизмах" общественного сознания, однако конкретный человеческий индивид отличается от обыкновенных вещей, которые эффективно могут быть сгруппированы и классифицированы. Такое отличие заключается в том, что человек не является наподобие вещей пассивным объектом манипуляций; он хотя и типизируется, но одновременно вырабатывает свое отношение к социуму, выражая свою волю принадлежности к нему или отделения от него, стремится либо соответствовать, либо не соответствовать своей деятельностью и своими человеческими качествами стандартам социального окружения. Мы говорили о деиндивидуальном социальном влиянии со стороны социума, теперь же подчёркиваем субъектный момент стремления к деиндивидуации.

Стремление индивида "быть как другие", принадлежать к определенной общности людей, или, как это сейчас принято обозначать, иметь социальную идентичность – многоаспектное явление. Оно находит выражение во множестве конкретных проявлений. Анализ социально-психологических особенностей человека в условиях разных социальных формаций и положения современного человека в мире, исследования процессов этнической принадлежности показывают, насколько важную функцию в человеческом бытии выполняет его изначальная потребность в принадлежности к определенной социальной общности. Многочисленные исследования социальных психологов о том, как человек ищет подобия с другими и насколько он испытывает стремление ассоциироваться с ними [46], данные из детской психологии о роли потребности в симбиозе, принадлежности, безопасности, нежном уходе и общении в психологическом развитии ребенка, изучение социально-ролевой идентичности в плане анализа межгрупповых отношений и группового членства, половой самоидентичности и полового диморфизма, – с разных сторон демонстрируют первостепенность потребности в принадлежности и поиска идентичности с другими. В последующих главах этой работы мы более детально проанализируем социально-психологические механизмы стремления личности "быть как другие", а теперь обратимся к оппозиционному стремлению "быть самим собой", ибо оно наиболее ярко отражает то, что зафиксировано в том антитезисе, к рассмотрению содержания которого мы сейчас приступаем.

Итак, при разборе тезиса и антитезиса анализируемой нами сейчас оппозиции в тезисе личность определялась через характеристики устойчивости, зафиксированности, обобщенности, типизированности и т. п., а в антитезисе – предлагалось определение через характеристики становления, изменения, открытости, самореализации, автономности, уникальности. Как отмечается многими авторами – философами и психологами – личностный способ бытия базируется на определенной особенности, уникальности личностных качеств, на автономности поведения и резистентности влияниям окружения. При этом подчёркивается, что личность – развивающаяся система, она находится в постоянном становлении. Так, Г. Олпорт [71] настаивает на понимании сущности личности с учётом неповторимых и уникальных черт; вместе с тем, критикуя теории "закрытых систем" в психологии, представляющие личностную активность в рамках модели поддержания равновесия, Г. Олпорт предлагает рассматривать личность как "открытую" систему. По Г. Олпорту, личности присуще не стремление к поддержанию гомеостатического состояния и восстановления нарушенного равновесия, а скорее, тенденции к нарушению равновесия, "открытость" в плане взаимодействия со средой и личностного становления [72]. В современной зарубежной психологии многочисленные

исследования посвящены изучению феномена стремления к индивидуации [97; 107], стремлению к оригинальности [93], к особенности и единичности [87], к социальному различию и дифференциации [75], к поиску максимального соответствия (конформизма) с самим собой [75], и в целом тенденции "быть самим собой", к самореализации и самоактуализации [80; 98; 104]. Сквозь призму осознания собственных личностных особенностей и стремления повышения уровня персонализации рассматривают личностный способ бытия И. С. Кон [28] и В. В. Столин [48]. В. В. Столин, например, различая социально-индивидуальный и личностный уровни считает, что на социально-индивидуальном уровне человеческой жизнедеятельности налицо стремление быть подобным другим, тогда как на личностном уровне первостепенное значение приобретает поиск и обнаружение в себе особых, отличительных человеческих качеств. Если на социально-индивидуальном уровне решается жизненная задача социальной принадлежности, то на личностном уровне на передний план выступает личностный выбор и самореализация. В связи со сказанным мы считаем нужным сформулировать здесь несколько положений, которые на конкретном теоретико-эмпирическом уровне будут эксплицированы в последующих главах работы:

Анализ психологической сущности личности можно вести не только (и, наверное, не столько) посредством поиска и обнаружения в ней неповторимых, уникальных качеств и диспозиций, что обычно является результатом познавательной активности внешнего наблюдателя и олицетворяет точку зрения, согласно которой понятие личности неправомерно отождествляется с понятием индивидуальности; наряду с этим, существенным моментом психологического анализа сущности личности служит субъективный момент – стремление самой личности индивидуироваться, быть или стать отличной от других; здесь делается акцент не на констатации наблюдателем индивидуальных качеств человека, не на его индивидуальности, а на его стремление к индивидуации.

Личность представляется не только как нечто находящееся в процессе развития, но и как субъект, осознанно стремящийся к развитию, становлению.

Личностный способ бытия означает не только и не столько то, насколько человек автономен, но и насколько он стремится к автономности и самостоятельности.

Личность не только совокупность определенных потенциальных возможностей, которые так или иначе реализуются в ходе жизни, но и субъект, сам стремящийся к реализации этих возможностей.

4. ОППОЗИЦИЯ IV: СОСТОЯВШЕЕСЯ И ВИРТУАЛЬНОЕ

Тезис: "Личность – это состоявшая и завершенная система, имеющая чётко определенные характеристики". Антитезис: "Личность – постоянная виртуальность. Она никогда не достигает своей полной завершенности и в этом смысле представляется как возможность своего осуществления".

В предыдущем разделе мы рассмотрели оппозиции "устойчивость" и "становление", "всеобщность" или "типизация" и "уникальность", "автономность". Родственной с ними является оппозиция завершенности и виртуальности, которая заслуживает особого внимания. Значимость рассмотрения этой оппозиции определяется тем, что во многих психологических теориях личности такие базовые понятия, как диспозиция, направленность, конфигурация личностных черт, система фиксированных установок и другие, кроме фиксированности и устойчивости включают также момент завершенности. Что понимается под завершенностью? Здесь имеется в виду то, что выражается

экзистенциальными или эссенциальными суждениями, т. е. о чем можно применить глагол "есть", что рассматривается как состоявшееся и наличествующее. Однако, как это часто отмечается, общественные науки (и в том числе психология) не могут ограничиться изучением состояния "есть", а должны заниматься и тем, "как это могло (или может) быть". Фактически здесь мы сталкиваемся с проблемой отношения между действительностью и возможностью, о природе которого философы размышляли с античных времен.

Еще Аристотель, противопоставляя свой взгляд философам мегарской школы, которые утверждали, что только действительное возможно, а недействительное невозможно, указывал, что "такие утверждения отвергают и движение и возникновение" [9, IX, 3, 1047, 10-15]. Различив возможность от действительности, Аристотель мыслил эти фундаментальные категории в контексте понимания сущности движения, а движение он понимал как переход возможности в действительность. В своей "Метафизике" он писал: "Осуществление того, что существует в возможности, есть движение" [9, XI, 9, 1065В, 15-25]. Вместе с тем, он считал, что возможность есть нечто существующее, а не только мыслимое. Создав формально-логическую классификацию суждений по модальностям, Аристотель выделил суждения возможности (проблематическое суждение), действительности (ассерторическое суждение) и необходимости (аподиктическое суждение). "Всякая же посылка есть посылка или о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще" – писал он [10, 1, 25а]. Сказанное о взглядах великого Стагирита в контексте рассмотрения нашей проблемы представляется достаточным, и мы не станем дальше детализировать вопрос о понимании им взаимоотношения между возможностью и действительностью, а также то, как он пытался выяснить сущность этих взаимоотношений путем привлечения понятий материи и формы, цели и энтелехии. В связи с нашим вопросом достаточно рассмотреть несколько важных моментов функционирования системы "личность-среда" в свете указанного понимания Аристотелем категорий возможности и действительности. Во-первых, личность – это система, находящаяся в определенном движении, становлении, развитии. Такое движение и становление происходит не в вакууме, а в определенных социально-исторических условиях, в определенной социальной и культурной среде. Этот процесс движения, становления и развития можно мыслить как переход возможности в свою действительность, как самоосуществление человеческих "сущностных сил" (К. Маркс).

Понимание сущности личностного становления как "осуществление того, что существует в возможности", приводит к более углубленному анализу личностного бытия, нежели его рассмотрение только сквозь призму завершенных форм и фиксированных или наличествующих человеческих черт и качеств. Во-вторых, уяснение положения Аристотеля о том, что возможность это нечто существующее, а не только мыслимое, приводит нас к онтологизации возможных состояний системы "личность – социальная среда", возможных образцов (patterns) взаимодействия личности со средой. Дело в том, что если возможность относить лишь к сфере мыслимого и ею ограничивать, то такое понимание окажется сходной с позицией представителей метафизического материализма, например, Гоббса, согласно которой объективное существование случайности и возможности отрицалось, признавалась лишь необходимая причинная связь между явлениями, а допущение возможности связывалось с недостаточностью познания необходимых каузальных связей между явлениями. Между тем, как часто отмечается, эта точка зрения приводит к фатализму. Характер связи личности с социальной средой было бы ошибочно представить фатально обусловленным. Соответственно, методологически было бы неправомерно не онтологизировать момент возможности в личностном бытии и не рассматривать возможность в качестве реально существующего. В-третьих, в плане модальностей суждений относительно научного исследования системы "личность –

социальная среда" успешно применимы все три вида суждений, которые были выделены Аристотелем. В деле изучения конкретной личности и ее взаимодействия с социальной средой необходимо ставить вопросы и "о том, что присуще, и "о том, что необходимо присуще", а также "о том, что возможно присуще". Аподиктические суждения в теоретических работах по проблемам психологии личности часто выражаются посредством формулировок общеметодологических принципов, таких как например, принцип социальной обусловленности психики человека. Суждение о социальной обусловленности психики человека и усмотрение сущности личности в ее социальной природе – можно отнести к аподиктическому типу суждения, ибо в нем указан признак, необходимо присущий человеческой личности. Однако опора лишь на такие суждения необходимости и некоторого рода ограничение ими, как это часто имеет место в методологических работах в области психологии личности, не способствует дальнейшему углублению в сущность явлений изучаемой сферы действительности, а приводит лишь к повторению многократно сформулированных общих положений. Поэтому следует ввести ассерторические суждения, т. е. суждения действительности, в которых утверждается или отрицается существование чего-либо. Ассерторические суждения в области психологии личности фактически всегда имеют место при анализе результатов эмпирических исследований, когда констатируется или отрицается наличие того или иного признака, например, статичности или динамичности установки, экстравертированности или интровертированности у той или иной категории людей, либо когда по данным проективной техники, клинико-психологической беседы и других методов дается психологическая характеристика отдельного человека [37]. Здесь фактически реализуется поиск конкретных показателей того, что "есть" (или "не есть") и как "есть", т. е. то, о чем мы выше упоминали, когда говорили об экзистенциальных и эссенциальных суждениях. Однако ограничение ассерторическими суждениями так же, как и аподиктическими, явно недостаточно для постижения структуры и динамических сил конкретной личности. Это определяется по крайней мере двумя причинами. Во-первых, за любыми наличествующими проявлениями и признакам", личности таится огромный "возможный мир" – потенциальные состояния, неиспользованные ресурсы, нереализованные установки, готовые к актуализации образцы поведения и межличностного взаимодействия и т. д. Во-вторых, сам процесс познания внутреннего мира личности с необходимостью требует "прорвать" границы действительного и проникнуть в мир возможных состояний. Поэтому развертывание суждения возможности, в котором "утверждается возможность чего-либо", совершенно необходимый момент в научном постижении внутреннего мира личности и функционирования системы "личность – социальная среда".

Категории возможности и действительности, идея о возможных формах существования привлекала внимание философов нового времени. Известно, какое большое влияние оказало на развитие философского осмысления мира и логической науки идея Лейбница о "возможных мирах".

Современная логическая наука успешно разрабатывает вопросы логики "возможных миров". Особо продуктивным в этом направлении являются работы известного финского логика Я. Хинтикка [64]. Этот автор трактует возможные миры как "возможные направления развития событий". Интересным для психологической науки представляется идея автора о разработке семантики пропозициональных установок с использованием понятия "возможный мир". Пропозициональными установками Я. Хинтикка называет высказывания, включающие такие выражения, как "А (знает, верит, надеется, хочет, помнит), что Р". Как пишет Я. Хинтикка, "наиболее характерной чертой использования пропозициональных установок является то, что употребляя их, мы рассматриваем сразу несколько возможных состояний нашего мира" [64, с. 73]. Опираясь на эти работы, можно попытаться формализовать теоретические суждения в области психологии личности,

выражающие как действительные, так и возможные ее состояния. В вышеупомянутой работе М. Гелашвили [17] дана попытка логической формализации теоретических положений психологической концепции установки Д. Н. Узнадзе на основе работ Я. Хинтика о семантике пропозициональных установок и логики возможных миров.

С гносеологической точки зрения вопрос о "возможных мирах" рассмотрел И. Кант. В "Критике чистого разума" возможность и действительность представлены в качестве априорных категорий модальности [24]. Не вдаваясь в детали изложения кантовских взглядов, подчеркнем лишь то, как им был поставлен и решен вопрос о возможных видах и способах познания. В "Критике способности суждения" [25] И. Кант попытался осмыслить, насколько возможно найти тот общий признак, на основе которого можно было бы охарактеризовать основную структуру человеческого суждения, а также на основе такой структуры и найденного признака установить отличие человеческого познания от других возможных видов познания. И. Кант после тщательного анализа проблемы приходит к выводу, что таким отличительным признаком является различие в человеческом суждении возможности и действительности вещей. "Для человеческого рассудка безусловно необходимо различать возможность и действительность вещей. Основание для этого лежит в субъекте и в природе его познавательных способностей" [25, с. 430]. Мысль Канта о том, что для человеческого суждения необходимым моментом является различие между возможностью и действительностью вещей, относится не только к специфике теоретического, но и практического разума. Нравственность всегда включает в себя моменты возможности и невозможности, действительности и ирреальности, а также отношения между этими моментами. Специфическая черта человеческого разума – различие возможности и действительности – позволяет, как отмечает неокантианец Э. Кассирер [26, с. 99], "определить место человека в общей структуре бытия", ибо ни нижестоящие, ни вышестоящие (гипотетически допускаемые) существа не обладают такой способностью; лишь в человеке и перед человеком возникает проблема возможности. Э. Кассирер связывает эту человеческую особенность с общетеоретическим положением о том, что человек это существо, бытие которого проходит в особом символическом мире. Другой неокантианец Г. Файхингер, выдвинувший концепцию фикционализма, попытался обосновать принцип "как если бы" (als ob). С одной стороны, этот принцип означает доведение до фикции идей возможности, а с другой стороны, полагается, что человек создает особые фикции, не имеющие место в действительности, но имеющие определенную познавательную ценность: с их помощью можно лучше представить окружающий мир. Принцип "как если бы" довольно часто применяется в современной науке в качестве способа познания состояний определенного объекта. Наглядным примером тому служит эволюция футурологических исследований и деятельности т. н. "Римского клуба", имеющих целью прогнозирование общечеловеческих, глобальных процессов.

Что же следует из только что сказанного применительно к нашей проблеме исследования возможных состояний системы "личность – социальная среда"? Во-первых, если человеческому познанию присуще по И. Канту различие между действительностью и возможностью, если человек в своем суждении постоянно "прорывает" границы налично существующего и познавателью соприкасается с "возможными мирами", то из этого следует, что научное изучение сущности личности и ее взаимодействия с социальной средой с необходимостью требует привлечения категории возможности. При этом возможность и действительность выступают не только как существующее или мыслимое (Аристотель), но и как средства или способы познания. Даже доведенный до своей крайности познавательный принцип допущения возможных состояний личности, сформулируемый в качестве принципа "как если бы", представился бы весьма эффективным; однако же такая Эффективность имела бы место тогда и лишь

тогда, когда моделируемые по этому принципу возможные состояния системы "личность-социальная среда" соотносились бы с её действительными проявлениями – настоящими или имевшими место в прошлом. Во-вторых, коль скоро сама познавательная активность выступает в качестве одного из конституирующих факторов сущности человеческого бытия, специфическая черта человеческого познания – различие возможности и действительности – определяет "место человека в структуре бытия" (Э. Кассирер), то из этого можно сделать еще один эвристически ценный вывод: дело не только в том, что исследователь, познающий сущность конкретной личности, должен смотреть на объект изучения сквозь призму категории возможности и ее отношения к действительности, но и в том, что сама изучаемая конкретная личность в своей познавательной активности и вообще, в своем реальном бытии постоянно смотрит на мир сквозь призму "что могло (может) быть" или "как если бы". Иными словами, объект изучения (вернее, субъект) – личность в своей реальной жизнедеятельности сама применяет указанный инструментарий. Более того, личность не только постоянно сталкивается с возможностью, но и как отмечают философы-экзистенциалисты М. Хайдеггер [89], Ж. П. Сартр [105], К. Ясперс, сама является "возможностью своего осуществления". Личность постоянно находится в процессе становления и, как отмечает М. М. Бахтин [13], она никогда не "дана" как нечто завершенное, состоявшееся. С одной стороны, мы как внешние наблюдатели-исследователи можем изучать личность, применив познавательный метод допущения определенных возможных состояний и событий, а с другой стороны, сама изучаемая личность предстает перед нами как существо, постоянно сталкивающееся с проблемой разграничения возможности от действительности в своей жизнедеятельности. Она сама является носителем определенных виртуальных схем взаимодействия с окружающим миром. Изучение этих виртуальных схем или возможных образцов взаимодействия личности с социальной средой – одна из важных задач науки о личности. Этой задаче и посвящается одна из частей представленной работы, изложенная в последующих главах.

Вопросы диалектического перехода возможности в действительность в домарксистской философии тщательно были разработаны Гегелем, а К. Маркс, фундаментально переработав и переосмыслив идеалистическую философию Гегеля, в своем "Капитале" дал наиболее глубокое понимание соотношения возможности и действительности в связи с исследованием капиталистического способа производства. Мы не будем здесь излагать марксовый анализ капиталистического общества с применением категорий возможности и действительности, ибо в марксистско-ленинской философской литературе этот вопрос тщательно изучен. К сказанному о категории возможности хотелось бы добавить лишь несколько положений, имеющих важное значение для дальнейшего изложения нашего понимания проблемы возможных состояний системы "личность – социальная среда" и путей ее разработки.

Сначала сформулируем положение, которое гласит: "возможность есть то, что может стать, но может и не стать действительностью. Поэтому если в одной плоскости возможность противоположна действительности, то в другой плоскости она противоположна невозможности (тому, что не может стать действительностью) и необходимости (тому, что не может не стать действительностью). Возможность есть то, что, с одной стороны, не невозможно, а с другой – не необходимо. В пределах от невозможности до необходимости заключены различные как по качеству, так и по количеству виды возможности" [11, с. 270]. В качестве таких видов можно выделить абстрактную, формальную и конкретную, реальную возможность. Абстрактная возможность может осуществиться только при отсутствии других возможностей, она рассматривается как возможность только при отвлечении, абстрагировании от других возможностей; она же является формальной возможностью т. к. мыслится в согласии с

законами формальной логики. Конкретная возможность осуществляется при наличии всех других возможностей и при учете всех их рассматривается как возможность; она же предстаёт в качестве реальной возможности, ибо согласуется с закономерностями объективной реальности. Относительно изучения характера взаимодействия личности с социальной средой в свете сказанного следует предполагать, что обнаружение механизмов превращения абстрактной возможности в конкретную возможность и через неё в действительность может иметь фундаментальное научное значение. Например, адаптация к социальному окружению или стремление личности к такой адаптации может выступить в качестве абстрактной возможности. Её превращение в конкретную возможность зависит от того, как и насколько она осуществляется при наличии других возможностей, насколько широк тот контекст возможностей, в рамках которого мыслится данная абстрактная возможность (устремленность на адаптацию с окружением). Конкретной возможностью в этом контексте может быть, например, стремление личности приспособиться к среде с одновременной устремленностью приспособить к себе, к своим нуждам саму среду (т. н. адаптивно-адаптирующая деятельность по Э. С. Маркаряну) и тем самым пытаться повысить уровень самопрятия – приспособиться к самой себе, к результатам своей деятельности. В последующих главах мы попытаемся, основываясь на марксистском принципе восхождения от абстрактного к конкретному, проследить превращение абстрактных возможностей взаимодействия личности со средой в конкретные возможности. Если учесть, что количественная сторона возможности выражается в понятии вероятности, а различия между абстрактными и конкретными возможностями по количественным признакам отражают разные степени вероятности превращения возможности в действительность, при которой вероятность перехода конкретной возможности в действительность значительно выше, чем при абстрактной возможности, то мы приходим к следующей схеме исследования системы "личность – социальная среда": абстрактная возможность – конкретная возможность – вероятность превращения определенных конкретных возможностей в действительность – переход возможности в действительность.

Следует оговориться, что понятие возможности часто мыслится как будущее в настоящем. Тем самым вопрос о возможности, выраженной через определенную вероятностную степень, связывается с вопросом прогнозирования будущих событий. В таком случае говорят о вероятностном прогнозировании. Думается, что при исследовании проблем психологии личности было бы неправомерно связывать момент возможности лишь с будущностью событий и их представленностью в настоящем. Более правильным представляется взгляд на прошлые события или состояния не только сквозь призму того, что свершилось, что и как состоялось, но и под углом зрения "что могло случиться, что и как могло иметь место". Вопрос о возможных линиях поведения личности и возможных вариантах ее взаимодействия с окружением должно относиться как к анализу ее актуальных и будущих состояний, так и психобиографических фактов из ее прошлой жизни. Это положение становится еще более очевидным и аргументированным, если учесть тот простой факт, что люди в реальном жизненном общении (а соответственно и в психоконсультационной беседе) во время рассказа о прошлом не только констатируют и припоминают те или иные события, но и приводят возможные варианты поведения. Порой настолько увлекаются "расчётом таких вариантов", что строят целую конструкцию возможных поведенческих линий в прошлом. Внутренний диалог (монолог) личности часто проходит также под знаком подобной внутренне-когнитивной работы.

Последующее положение связано с осмыслением бросающегося в глаза обстоятельства: когда говорят о том, что личность это возможность своего осуществления, что в ней следует видеть не нечто уже состоявшее, а постоянную виртуальность, то обычно подобное рассуждение о превалировании момента возможности вписывается в общий

контекст понимания личности через категории становления и стремления "быть самим собой". Абсолютизация момента становления и возможности в личностном бытии, основывающееся на провозглашение того, что "существование предшествует сущности", связано с тем, что дается разграничение подлинного и неподлинного существования. Подлинное существование помимо прочего характеризуется еще и тем, что лаконично можно выразить формулой "быть самим собой", а неподлинное существование включает помимо других характеристик все то, что можно выразить словами "быть как другие". При этом, такие философы, как М. Хайдеггер и Ж. П. Сартр, признаки устойчивости и завершенности соотносят с природой вещей и в конечном итоге, с "ничто", со смертью. Духовная жизнь личности мыслится как процесс постоянного становления, что можно было бы удачно выразить словами П. Валери: "Дух есть бесконечное сопротивление тому, чтобы быть чем либо вообще. То, что не установилось, не является и чем-то. То, что установилось, мертво".

В сфере изучения процессов и механизмов взаимодействия личности с социальной средой виртуальные схемы и образцы поведения личности проанализированы в транзакционной теории межличностных отношений Э. Берне [74], в которой возможные варианты межличностных взаимодействий описываются как своеобразные игры, базирующиеся на трех ситуационных и преходящих состояниях человека, состояний Родителя, Взрослого и Ребенка. На момент личностного становления, реализации личностных возможностей и достижения самости ("быть самим собой") опирается теория личности К. Роджерса и разработанный им психотерапевтический и психоконсультационный метод недирективного общения [104]. В заключение хотелось бы высказать мысль о том, что хорошие возможности снятия противоречий, представленных в обсуждаемом тезисе и антитезисе, содержит в себе теория установки, разработанная Д. Н. Узнадзе и развитая его учениками. Так, эту мысль можно эксплицировать на примере соотношения моментов возможности и завершенности (фиксированности) в структуре установки поведения. Установка является готовностью к определенному рода поведению и тем самым возможностью данного поведения. Вместе с тем, как подчёркивал Ш. Н. Чхартишвили [66] и как ныне отмечает Ш. А. Надирашвили [36], в возникновении установки поведения вместе с потребностью и соответствующей ей ситуацией необходимым фактором выступает фактор возможностей субъекта (инструментальные возможности по Ш. Н. Чхартишвили и операциональные возможности по Ш. А. Надирашвили). По теории установки Д. Н. Узнадзе, после многократного повторения установка фиксируется, она может перейти в латентное состояние как возможность актуализации, а переход этой возможности в действительность, актуализация определенной фиксированной установки и ее реальное развертывание в поведении зависит от первичной установки, являющейся результатом "чрезвычайного акта встречи" [31] потребности с соответствующей ситуацией. Отмечается также, что в случае блокирования реализации установки, она хранится как нереализованное, потенциальное состояние, стремящееся к своей реализации при соответствующих внешних и внутренних обстоятельствах.

Далее мы опять вернемся к поставленным здесь вопросам, а теперь перейдем к изложению последующей оппозиции.

5. ОППОЗИЦИЯ V: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА

Тезис: "Мотивационная сфера – потребности, влечения, цели, намерения и т. п. – образует структуру личности. Личность выводится из её мотивационных особенностей; динамические силы составляют целостную структуру личности". Антитезис: "Мотивационная сфера сама выводится из структуры личности, "динамика приурочена структуре" (И. П. Павлов); потребности, влечения, цели, устремления субъекта становятся понятными на основе изучения структурных особенностей личности, либо структуры

интеракции личности со средой; не потребности порождают активность личности, а наоборот, активность личности порождает определенные потребности и обуславливает их функционирование".

При осмыслении взаимоотношений структурных и динамических аспектов целостной системы личности данная оппозиция не может не выступить на передний план перед взором познающего разума. Самое простое, что бросается в глаза, это то, что одни теоретические конструкции в области психологии личности делают акцент на структурную, другие же – на динамическую стороны исследуемого объекта. К категории "структурных" можно отнести те теории, которые представляют личность сквозь призму индивидуальных признаков, черт и характерологических особенностей (например, высокий уровень тревожности, сензитивность, ригидность и д. и т. п.), и дают ответы на вопросы: каково строение личности? чем она характеризуется? К "динамическим" теориям следует отнести те теории, которые делают акцент на мотивационной стороне деятельности личности и дают возможность ответить на вопросы: почему и зачем действует личность именно таким образом? что движет ее деятельностью? Например, к психодинамическим теориям можно отнести психоаналитическую теорию личности, или теорию поля К. Левина.

В вышеуказанном тезисе представлено такое понимание соотношения структуры и динамики личности, когда структура личности выводится из мотивационной сферы, динамические тенденции структурируют личностные образования. Например, фрейдовское понимание строения структуры личности, как известно, предполагает взаимность систем Оно, Я и Сверх – Я, каждая из которых рассматривается в свете динамических сил, а их отношение мыслится как антагонистическое отношение, как процесс противоборства; Что же касается определенных индивидуально-психологических черт, например, пунктуальности, педантичности, скупости и т. д, в психоанализе они мыслятся как характерологические образования, основывающиеся на определенных (преимущественно либидинозных) влечениях инфантильного характера; определенные повторяющиеся признаки поведения или симптомы мыслятся здесь как фиксации, которые либо символично и косвенным путем удовлетворяют неосознаваемые потребности, либо же являются защитными средствами против натиска бессознательных импульсов.

В антитезисе сформулировано противоположное тезису положение, согласно которому динамические тенденции личности берут свое начало в структуре личности, мотивационные особенности и движущие силы деятельности личности исходят и выводятся из ее структурного строения. Если провести аналогию с организмом человека, то можно указать, что потребность, например, в пище возникает, функционирует и снимается в пищеварительном аппарате как определенной функционирующей структуре. В некотором смысле можно даже сказать, что возникновение и процесс удовлетворения данной потребности служит сохранению данной функционирующей структуры.

Для выработки синтетического взгляда относительно взаимоположенных положений, сформулированных в представленной оппозиции, мы сошлемся на некоторые идеи, развитые в работах Ш. Н. Чхартишвили [66]. Основываясь на положении о том, что основное свойство жизни заключается в ее самоактивности (интересно, что эту мысль впервые высказал еще Аристотель), Ш. Н. Чхартишвили заключает, что не потребности служат источником активности живого существа, а напротив, любая задержка активности (вернее, самоактивности организма) или помеха в ней обуславливает возникновение потребности, служащей цели продолжения активности. Потребность сама возникает в

лоне активности организма или субъекта деятельности, а не потребность приводит систему в активность; потребность служит цели продолжения прерванной (или находящейся под угрозой быть прерванной) активности живой системы. Когда же мы говорим о человеке и его потребностях, продолжает свою мысль автор, то следует учесть следующее: человек как целостная система в структурном отношении имеет биологическую, психическую и социальную подструктуры. При этом имеется в виду структура активности, вернее, как мы об этом писали [45], функционирующая структура и подструктура. В лоне активности биологической подструктуры человека возникают, функционируют и снимаются биогенные потребности. Соответственно, в психологической и социальной подструктуре человека возникают, функционируют и снимаются психогенные и социогенные потребности. Таким образом, Ш. Н. Чхартишвили не только попытался связать на основе понятия активности и самоактивности структурные и динамические стороны человеческого организма и психики, но и дал на этой основе интересную, на наш взгляд, классификацию потребностей человека. При этом автор был склонен рассматривать личностный уровень деятельности с функционированием социогенных потребностей.

В последующих главах мы попытаемся дать более детальный анализ взаимосвязи структурных и динамических сторон внутри системы "Личность – социальная среда".

* * *

Мы изложили основные, по нашему мнению, противоречия и трудности в построении психологической теории личности. Однако, указывая на специфику личности как объекта научного исследования и причины разноречивости определения ее сущности, следует подчеркнуть еще одно важное обстоятельство: научная отрасль – психология личности находится в процессе постоянного формирования. При этом объектом изучения данной области знания является система, которая сама по себе находится в процессе постоянного становления. Система же научных знаний о личности, с одной стороны, является выражением самоосуществления твердых и общепринятых методологических принципов социальной обусловленности психики человека, историзма и развития, формирующей роли деятельности, единства сознания и деятельности и т. п., а с другой стороны, сама находится в процессе постоянного становления и развития. В данном случае налицо уникальная ситуация, когда объект изучения определяет природу знаний об этом объекте: психология конкретной личности никогда не "задана" заранее, она формируемая система, а наука о личности, также находясь в процессе постоянного развития, сопряжена предмету своего исследования, т. е. формируется в соответствии с природой объекта своего изучения. В такой ситуации множество исследователей осмеливаются предложить свое понимание природы личности. Автор этих строк также хотел бы предложить свое понимание структуры и динамики личности, природы потребностей личностного уровня, процесс и механизм взаимодействия личности с социальным окружением.

В предложенном в последующих главах концептуальном аппарате будет дана попытка решения тех противоречий и трудностей, которые были отражены в вышеуказанных тезисах и антитезисах. Так, анализ оппозиции "внешнее и внутреннее" послужит для обоснования идей о целостном системообразовании "личность – социальная среда", преодоление оппозиционного противопоставления номотетического и идиографического методов будет выражаться во взаимодополняемости экспериментальных общепсихологических фактов и интерпретации отдельных случаев из психоконсультационной практики, противоречие между общим и уникальным, завершенностью и виртуальностью будет "сняться" путем поступательного "восхождения" от абстрактных форм взаимодействия личности с социумом к конкретным паттернам межличностного и внутриличностного взаимодействия, а на смену

оппозиционному противопоставлению структуры с динамикой будет предложена единая структурно-динамическая модель системы "личность-социум".

Глава II

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ

СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Излагаемые в этой главе теоретические соображения, сформулированы нами в 1976-1978 гг. Первая статья по предложенной концепции была опубликована в 1979 г, последующие работы появились в 1981-1982 гг., а также в 1985 г. [147].

Для начала представим в сжатой форме основные положения созданного нами концептуального аппарата, для того, чтобы далее иметь основание представить их в расширенном и эксплицированном виде. В качестве методологических основ концепции нам служили основополагающие принципы советской психологической науки, такие, как принцип социальной обусловленности психики человека, принцип единства сознания и деятельности и т. д. Что же касается основного метода исследования, то им в нашей работе являлся метод восхождения от абстрактного к конкретному, возможности которого раскрыты в фундаментальных трудах К. Маркса [2; 3; 4]. При этом восхождение от абстрактного к конкретному в равной мере относится как к определению действительных, наличных состояний личности или линий ее взаимодействия с социальной средой, выражаемых экзистенциальными и эссенциальными суждениями (что и как есть?), так и к возможным состояниям или возможным образцам взаимоотношения личности со своим окружением, выражаемых суждениями возможности (что могло или может быть?). Наиболее крайней абстракцией в представленных рассуждениях является понятие системы "личность – социальная среда", определяемое посредством положения о "совокупности всех общественных отношений" (К. Маркс). Восхождение абстрактного понятия системы "личность – социальная среда" к конкретным ее проявлениям осуществляется путем выделения структурных и динамических сторон этой системы. Конкретизация абстрактной возможности структурированности происходит путем выделения подструктур: а) социального статуса лица, б) аттитюдов и в) самоотношения в целостной структуре личности. Внутри каждой из подструктур выделяются еще более конкретные их проявления. Динамическая же сторона системы "личность – социальная среда" поступательно конкретизируется путем выделения отдельных динамических тенденций личности с учётом: а) модальности активности (какова активность – адаптивная или преобразовательная), б) источника активности (что движет активностью – потребности, исходящие из тенденции "Быть" или стремления "Иметь" и в) способа активности (как проходит активность – энтропийно, хаотично, дезорганизованно или негэнтропийно, организованно).

Преобразование абстрактной возможности в конкретную в нашем концептуальном аппарате осуществляется сначала путем выделения осей с противоположными полюсами. Это хорошо видно на примере анализа динамических тенденций личности с выделением осей Я – другие, адаптация – преобразование, быть – иметь (владеть), энтропия – негэнтропия и т. д. Далее, на втором этапе перехода от абстрактной возможности к конкретному путем взаимовращения этих осей выделяются отдельные, сравнительно конкретные виды динамических тенденций. Таковы, например, адаптация к среде, самоадаптация, преобразование среды, самопреобразование. На третьем же этапе такого перехода осуществляется выделение элементарными способами комбинаторики еще более конкретных видов – отдельных комбинаторных вариантов взаимодействия личности с социальной средой. Одним из таких вариантов является, например, стремление личности

приспособиться к самому себе путем и посредством осуществления последовательных актов адаптации к своему социальному окружению.

Дальнейший ход наших рассуждений служит выяснению природы взаимосвязи структурных и динамических сторон личности и вводится понятие диспозиционального ядра личности, понимаемого как взаимосвязь, с одной стороны, структурных единиц: а) социального статуса, б) аттитюдов, в) самоотношения, и, с другой стороны, динамических тенденций, характеризуемых параметрами: а) модальности (адаптация – преобразование), б) источника (быть – иметь) и в) способа (энтропия – негэнтропия) активности. Диспозициональное ядро как относительно устойчивая система постоянно находится в процессе своего становления. Оно структурируется и дифференцируется в процессе взаимодействия личности со средой и в этом плане проходит ряд этапов, отраженных в жизненных циклах или стадиях. Временной "горизонт" этого становления презентуется сознанию в виде образов актуального, ретроспективного и проспективного "Я". Отдельные диспозиции личности как виртуальные состояния конкретизируются и актуализируются в реальном поведении посредством механизма установки.

Разработанная нами теоретическая конструкция детализированно излагается посредством формулировки ряда отдельных, но одновременно взаимосвязанных положений, выступающих в качестве своеобразных ориентиров в ходе развития основных линий размышления. Содержание каждого положения подкрепляется, с одной стороны, конкретными теоретико-эмпирическими материалами психологической, философе-, кой и социологической литературы, а, с другой стороны, некоторыми собственными экспериментальными работами и данными из практики психоконсультационной и психокоррекционной работы.

1. ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ

Положение I. Сущность личности заключается не в её субстанциональной "данности", а в модусе социальных отношений.

Как известно, это положение является основополагающим в марксистском понимании личности человека. Одновременно оно представляется как наиболее общее и абстрактное положение, как исходный пункт, с которого следует начать поступательное восхождение к конкретным проявлениям конкретной личности, её деятельности. Для начала, однако, следовало бы раскрыть содержание данной абстракции.

Исходя из марксова учения о сущности человека, следует подчеркнуть, что личность и её индивидуальность не выводятся из мнимой монадичности индивидуальной жизни, понимаемой таким образом, что "моя личность" является продуктом какого-то изолированного от жизни других людей, человеческого сообщества и коллектива "чистого Я" – презентированного в *cogito*, в актах самосознания. Поскольку "сознание (*das Bewusste sein*), никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (*das Bewusst sein*), а бытие людей есть процесс их жизни" [3, с. 25], то и личность не дана в первичном акте самосознания как "чистое Я", как особая субстанция, искусственно вырванная из совокупности диалектических отношений между индивидом и обществом. Личность формируется в диалектическом процессе межличностных отношений. Только благодаря сложным процессам совместной деятельности и взаимного общения личность становится для себя самой самосознанием.

В противовес такому пониманию личность в разных персонологических учениях представлена в качестве особой субстанции, характеризующейся изначальной целостностью и направленностью. Типичным примером субстанционального понимания

личности является католический персонализм, признающий постоянство человеческого индивида и приписывающий ему субстанциональное существование, а также персонологическая концепция В. Штерна, представляющая универсум в качестве иерархической организации "персон", характеризующихся "психофизической нейтральностью" и качествами активности, целостности, индивидуальности и целенаправленности [6]. На уровне человека "персона" обретает качества личности, диспозициональным ядром которой является направленность на ценности. Персона представлена как отдельная монада, которая развивается по принципу возрастающей дифференциации. Однако источник её развития находится в ней самой в виде изначальной тенденции к саморазвитию. Той же субстанциональностью "страдают" некоторые теории т. н. гуманистической психологии (например, теория личности А. Маслоу), выдвигающие тезис о самореализации и самоактуализации имманентно наличествующих человеческих возможностей [98]. Порочность субстанционального понимания личности подчёркивается самими идеалистически мыслящими философами. Так, неокантианец Э. Кассирер, определяющий сущность человека (и личности) через создаваемые и потребляемые им символы (человек – это *animal symbolicum*), пишет: "Если существует какая-либо дефиниция понятия "человек" (подразумевается, что такая дефиниция возможна), то она может быть лишь функциональной, но не субстанциональной, т. е. человека мы не можем определить ни по тому имманентному принципу, посредством которого была бы установлена его метафизическая сущность, ни посредством какой-либо врожденной способности... Основное свойство человека заключается... не в его метафизической или физической природе, а в его деятельности. Это его дела, т. е. система человеческой деятельности, которая образует сферу человеческого бытия. Язык, миф, религия, искусство, наука и история – отдельные участки этой сферы... Их объединяет единая связь, которая является не "*vinculum substantiale*" в схоластическом смысле, а "*vinculum functionale*" (26, с. 117). В этих суждениях, отрицающих субстанциональный подход, деятельностная функция человека рассмотрена в абстракции от тех общественных отношений, в которые человек вовлечён в силу его истинной социальной сущности, а основное его свойство осмыслено в рамках допущения особой ипостаси – духовно-целостной организации, создающей символические формы человеческого существования (язык, миф, религия, искусство, история и наука – особые разновидности этих символических форм).

Марксистское понимание личности опирается на фундаментальное положение, согласно которому сущность личности заключается "в совокупности всех общественных отношений". Социальная обусловленность личности заключается именно в том, что модус ее существования – это модус связи, соотносимости с социумом в широком смысле. Именно в этом плане примечателен тезис К. Маркса о том, что в отличие от животного, которое тождественно своей жизнедеятельности, человек постоянно находится в определенных отношениях с внешним миром. "Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не "относится" ни к чему и вообще не относится; для животного его отношение к другим не существует как отношение. Сознание, следовательно, с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди" [3, с. 29]. Как видно из последней фразы приведенной цитаты, понятие отношения связывается с сознанием как с общественным продуктом, но если сформулированную в ней мысль рассмотреть в общем контексте марксова учения о человеке, то тут понятие отношения предстанет не как находящееся в непосредственной связи с сознанием, а как модус бытия личности – носителя сознания*. Постоянно прорывая границы своего "атомарного" бытия, личность конструирует себя, воспроизводит в своем бытии и жизнедеятельности модус общественного общежития, преобразует свое окружение, которое является "очеловеченным" по своей природе. Итак, исходя из сказанного, сущность личности следует видеть в модусе её отношений и задача

заключается в том, чтобы аналитически осмыслить его основные содержательные стороны. Необходимым этапом в решении этой задачи представляется краткое изложение того, как этот вопрос понимается в фундаментальных работах С. Л. Рубинштейна [42; 44], В. Н. Мясищева [35], А. Н. Леонтьева [31], Э. В. Ильенкова [23], А. Е. Шерозия [67]. * В этом контексте нельзя не сослаться на идеи Д. Н. Узнадзе, ибо положение о том, что отдельные сознательные акты и сознание в целом представляют "органы" целостной личности, что не сознание вступает в отношение с действительностью, а субъект – как носитель сознания, – наиболее последовательно развито и разработано в теории установки основателя грузинской психологической школы.

С. Л. Рубинштейн рассматривал "отношенческую" природу личности в свете социальной обусловленности ее природы. Это выражается в том, что личность человека выступает как единица в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений. Вместе с тем, человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему... Человек есть в максимальной мере личность, когда в нем минимум нейтральности, безразличия, равнодушия, максимум "партийности" по отношению ко всему общественно значимому. Поэтому для человека как личности такое фундаментальное значение имеет сознание не только как знание, но и как отношение [42]. Из этого высказывания видно, что можно выделить два аспекта отношений, которые рассматриваются С. Л. Рубинштейном в связи с определением сущности личности: первое это то, что личность является единицей и реальным носителем общественных отношений, а второе это то, что личность не только сознательно отражает мир, но и определенным образом к нему относится. Следует отметить, что первый аспект мало разработан как в трудах С. Л. Рубинштейна, так и в психологических теориях А. Н. Леонтьева и В. Н. Мясищева, в работах Э. В. Ильенкова, и А. Е. Шерозия, если исключить их отдельные и фрагментарные высказывания о социальных ролях личности, о принадлежности индивида к какой либо профессиональной группе и т. д. На самом же деле здесь говорится о весьма важном аспекте, а именно, о положении, занимаемом индивидом в "ансамбле" (К. Маркс) социальных отношений. В социологии и социальной психологии оно обозначается как социальный статус лица и представлено множеством своих проявлений (например, социометрический статус – занимаемое индивидом место в сети эмоционально-межличностных отношений, или социо-экономический статус – занимаемое индивидом положение в системе социально-экономических отношений и т. д.). Ниже мы отдельно будем говорить о социальном статусе как одной из подструктур целостной структуры личности, а на этот раз коснемся вышеупомянутого второго аспекта понятия отношения. Он, как мы уже отмечали, отражает момент "пристрастности" занимаемой позиции личности относительно тех или иных сторон действительности. Фактически именно этот момент отношения рассматривается в качестве фундаментального (по выражению А. П. Шерозия) как в трудах С. Л. Рубинштейна и в теории отношений В. Н. Мясищева, так и в работах А. Н. Леонтьева, Э. В. Ильенкова, А. Е. Шерозия. Однако в данном случае мы с уверенностью можем сказать, что в теоретических представлениях этих исследователей отношение выступает в качестве того психологического феномена, которое наиболее полно отражается в понятии социальной установки, аттитюда. Вопрос о том, каковы отношения личности к тем или иным сторонам действительности, фактически означает, каковы установки личности к тем же сторонам реальности. Поэтому когда, например С. Л. Рубинштейн и В. Н. Мясищев и их последователи говорят об отношении человека к действительности как об основополагающем моменте психологических особенностей личности, то под ним следует иметь в виду социальную установку с ее когнитивным (знание), оценочно-эмоциональным и конативным (поведение) структурным строением.

Выше, в приведенной цитате из работы С. Л. Рубинштейна было сказано, что не только и не столько знание действительности образует личность, а отношение личности к

действительности является таким конституирующим фактором. Эта мысль, выраженная словами "не только знание, но и отношение", довольно стереотипно повторяется в самых разных работах. Как общая фраза она правильна, но при строгом концептуальном рассмотрении она же оказывается не совсем верной. Попробуем обосновать нашу критическую позицию. Сам С. Л. Рубинштейн вопрос о связи знания с отношением рассматривал в контексте определения сущности сознания; а именно, он считал, что сознание человека является единством знания и переживания, понимая последнее как отношение субъекта к осознаваемому объекту. Схематически эта мысль выражалась следующим образом:

Однако из учения Д. Н. Узнадзе, да и из работ самого С. Л. Рубинштейна, мы хорошо знаем, что сознание нельзя мыслить без его реального носителя – субъекта деятельности, вовлеченного в разнообразные отношения с миром. Из сложной палитры отношений личности к реальности можно выделить познавательное, эмоциональное и действенное (поведенческое) отношения, образующие, компоненты целостной структуры установки личности и имеющие свое отражение в актах сознания, которые сами по себе являются отдельными "органами" личности. Поэтому взамен вышеприведенной схемы можно предложить на наш взгляд более адекватную (схема 2).

Теперь нам остается рассмотреть вопрос о том, какие виды отношений по объекту отнесенности возможно выделить, именно, по объекту, что выражается как "отношение к...". Выше мы говорили о том, что важным детерминантом личности является ее место в системе социальных отношений (социальный статус), что можно было бы выразить как "включенность в отношения". О соотношении в целостной структуре личности моментов "включенности и отношения" и "отношения к..." мы будем говорить ниже при обсуждении "Положения I". Теперь же укажем, что в плане выделения разновидностей "отношения к..." С. Л. Рубинштейн, В. Н. Мясищев, и Э. В. Ильенков перечисляют: а) отношения к вещам, б) отношения к другим людям и в) отношения к себе. А. Е. Шерозия предлагает более "персонифицированное" деление, согласно которому в качестве фундаментальных отношений выступают: (1) отношение к Себе, (2) отношение к Другому и (3) отношение к Супер-личности. Думается, что выделенную А. Е. Шерозия третью разновидность – отношение к Супер-личности можно отнести ко второму виду отношений как его подвид. А. Н. Леонтьев, имея в виду выделение уровней индивида и личности, говорит о жизненных отношениях на уровне индивида и об общественных отношениях на уровне личности, но такое деление слишком абстрактно. На основе этого краткого обзора можно считать, что предложенное С. Л. Рубинштейном, В. Н. Мясищевым и Э. В. Ильенковым деление, на которое мы далее будем опираться, богаче, чем деления, предложенные А. Е. Шерозия и А. Н. Леонтьевым.

Итак, человек, с одной стороны, может быть включен в производственно-экономические, профессиональные, семейные, формально-межличностные и неформально-межличностные и т. д. отношения и иметь в системе этих отношений определенный статус. С другой стороны, человек может иметь познавательные, эмоционально-оценочные, действенные отношения к вещам, другим людям и самому себе. Последующие рассуждения должны способствовать конкретизации этих положений. В данном случае же удовлетворимся тем, что на основе сказанного скорректируем и более развернуто сформулируем исходное положение, которое соответственно звучит следующим образом:

Положение I. Сущность личности заключается не в ее субстанциональной данности, а в модусе отношений, определяющимся, с одной стороны, тем, какое место занимает индивид в системе социальных отношений, и, с другой стороны, тем, каковы его отношения к внешнему миру и к себе.

Из этого положения непосредственно выводится последующее.

2. СИСТЕМА "ЛИЧНОСТЬ – СОЦИУМ"

Положение II. Поскольку модус отношений является конституирующим фактором личности, то оба полюса этих отношений – личность и социальную среду – следует рассматривать в их единстве, что позволяет считать более адекватным говорить о системе "личность – социальный мир", нежели оперировать выражением "личность и социальная среда".

В рамках этого положения можно еще раз затронуть вопрос об единстве внутреннего и внешнего в жизненном мире личности, еще раз вспомнить о том, что Д.Н.Узнадзе выводил особенности субъекта сознания и деятельности из особой, по его выражению, сферы реальности-установки, которая мыслилась как единство внутренних (потребности) и внешних (ситуация) факторов. А. Ангял развивал сходную с общепсихологической концепцией Д. Н. Узнадзе мысль. Так же, как и Д. Н. Узнадзе он оперировал понятиями "биосфера" и "установка". Основополагающее положение холистической концепции А. Ангял, как уже отмечалось при обсуждении I оппозиции, заключалось в том, что индивид и среда образуют органическое целое, а выражением такой целостности является особая сфера жизни – биосфера. Между индивидом и средой, продолжает автор, не существует четкой демаркационной линии. "Точка, где кончалось бы первое и начиналось второе, является воображаемым и условным, ибо индивид и среда являются отдельными аспектами одной и той же реальности. Поэтому, заключает А. Ангял, существует целостность "индивид-среда", а не индивид и среда" [73].

Можно сказать, что если мы будем оперировать выражением "личность и среда", то конъюнкция в данном случае может означать дуалистичность понимания связи личности с миром: на одном полюсе находится личность, на другом же – социальная среда, а взаимоотношение и взаимодействие между ними может пониматься как взаимосвязь "замкнутых" в себе "сущностей". Об органической взаимосвязи индивида и среды, о неразрывной связи личности с социальной средой говорит другой крупный представитель зарубежной психологии (и социальной психиатрии) Г. С. Салливен [106]. Опираясь на взятый из биологии принцип совместного (communal) существования, Г. С. Салливен пишет, что организм полностью зависит от взаимообмена со средой и другими организмами.

Автор считает, что живое существо находится в константных отношениях обмена веществ с "физико-химической вселенной и вымирает в случае его прекращения. Человеческий уровень жизни тем и специфичен, что требует взаимообмена с той средой, которая включает в себя культуру. Когда Г. С. Салливен говорит о том, что человек тем и отличается от других живых существ, что находится в отношении взаимообмена с миром культуры, то этим он подчеркивает мысль о том, что человеку необходимы интерперсональные отношения, т. е. межличностный обмен, ибо сама культура является абстракцией межличностных отношений. Исходя из этого, автор дает социально-психологическое определение личности: личность это "относительно устойчивый образец повторяющихся межличностных ситуаций, которые характеризуют человеческую жизнь-Слово "образец" (pattern) означает, что оно охватывает все повторяющиеся межличностные отношения, различия между которыми незначительны. В межличностных

отношениях значительные изменения происходят тогда, когда личность изменяется" [106, с. 150].

В рассматриваемой нами системе "личность – социальный мир" в качестве коррелята личности выступает именно социальная среда, а не физическая или биологическая среда. Это вполне понятно, если учесть, что при построении иерархических уровней человеческой активности личность всегда соотносится с социальной средой. Так, Ш. А. Надирашвили выделяет три уровня активности человека – индивидуальный, субъективный и личностный [36]. Индивидуальному уровню активности соответствуют те аспекты среды, которые релевантны биологическим потребностям человека (понятие "индивид" в этой концепции отождествляется с понятием "организм" или "биологическая особь") и его психофизическим операциональным возможностям. Активность на уровне субъект включает в себя проблемную ситуацию, т. е. те характеристики среды, которые способствуют приостановке актов импульсивного поведения и актуализации специфического акта объективации. Активность же на уровне личности нацелена на социальные нормы, ожидания, интерперсональные отношения и, таким образом, личностному уровню активности свойственно взаимодействие с социумом. Несколько отличную классификацию уровней предлагают И. С. Кон [28] и В. В. Столин [48]. Эти авторы выделяют уровни (а) организма (по Столину) и особи (по И. С. Кону), (б) социального индивида и (в) личности. Указанные уровни этими авторами выделены в контексте изучения сферы самосознания. Можно было бы дать обзор и других попыток построения иерархических уровней активности человека, но в контексте рассматриваемого вопроса в этом нет нужды, так во всех этих работах, несмотря на их несходство и, порой, принципиальные расхождения, инвариантным моментом выступает коррелятивность социальной среды с личностным уровнем активности.

Итак, понятие системы "личность – социум", является той абстракцией, с которой следует начать выявление конкретных форм жизнедеятельности личности. Путь такого восхождения к конкретному лежит через выделение отдельных структурных единиц и динамических тенденций личности.

3. СТРУКТУРНАЯ И ДИНАМИЧЕСКАЯ СТОРОНЫ СИСТЕМЫ "ЛИЧНОСТЬ – СОЦИУМ"

Положение III. Система "личность – социальный мир" имеет свое структурное строение и динамические тенденции, а единство структурных и динамических сторон этой целостной системы образует диспозициональное ядро личности.

Структурное строение системы "личность – социум" выводится из той характеристики человеческих отношений, которая была дана при определении I положения. Имеется в виду вышеупомянутое деление на два класса: 1) "включенность в систему отношений" и 2) "отношения к...". Первое означает занимаемое место в сети социальных отношений, т. е. социальный статус лица, а второе – отношение самой личности к тем или иным сторонам действительности, т. е. социальные установки (аттитюды). Как уже было сказано, социальные установки в свою очередь включают в себя два подкласса: отношения к (1) себе и (2) к внешней действительности. Последнее делится на отношения к вещам и к другим людям. На основе этой классификации вырисовывается структура, которую графически можно представить в следующем виде:

В этой схеме класс социальных установок ("отношения к...") делится на два подкласса по объекту направленности, которые образуют структурные единицы установок к внешнему

миру и к самому себе. Однако выше, при обсуждении I положения мы говорили о внутреннем, трехкомпонентном структурном строении отдельных установок личности. Этими компонентами являются познавательный (когнитивный) эмоциональный (аффективный) и действенный (конативный). Чтобы не вызвать путаницы, тут же следует подчеркнуть, что в плане социальных установок структурные единицы системы "личность – социальный мир" нами выделяются именно по объекту направленности, ибо выражение "отношение к..." фиксирует момент направленности на определенный объект, а не внутреннюю структуру отдельной установки. Однако, здесь все же уместно вкратце остановиться на вопросе о внутренней структуре установки, о взаимоотношении ее когнитивного, аффективного и конативного компонентов, поскольку это позволит сделать логический переход к вопросу о динамических тенденциях личности.

Известно, насколько остра в социальной психологии проблема взаимосвязи между отношением и реальным поведением [14; 79]. Мы не преследуем здесь цели дать детальный обзор литературы, существующей по этому вопросу и тем более далеки от притязания сказать окончательное слово по поводу его, решения. Нам хотелось бы лишь констатировать то обстоятельство, что в большинстве исследований по проблеме формирования и смены установок, хотя и признается их действенная природа, установка реально изучается как когнитивно-аффективное психологическое образование. Отсюда следует вывод, что исследуется взаимосвязь между блоками когнитивно-аффективного и действенного отношений.

Можно сказать, что когнитивно-аффективный блок образует оценочное отношение. Психический акт оценки тех или иных предметов или событий не является ни чисто рациональным процессом беспристрастного взвешивания их "хороших" и "плохих" сторон, ни оторванным от интеллектуальной активности эмоциональным состоянием.

Оценочное отношение является своеобразным "сплавом" гностического и эмоционального аспектов активности субъекта. Это обстоятельство отразилось в конкретных эмпирических исследованиях, в которых установки преимущественно были представлены в качестве оценочных суждений. Некоторые авторы [79; 99; 100] в определенной степени даже сужали понятие установки, провозглашая оценку его сердцевиной.

Сказанное позволяет выделить два основных блока во внутренней структуре установки ("отношения к..."), один из которых (оценочное отношение) в свою очередь делится на две компонентные единицы. При этом каждый из компонентов (познавательный, эмоциональный и действенный) может быть, направлен как на "Я", так и на внешний мир. Сказанное графически иллюстрируется следующим образом:

Далее считаем необходимым уточнить, что мы понимаем под структурой системы "личность – социум". Структурными единицами личности в нашей концептуальной схеме выступают (а) социальный статус, (б) самоотношение и (в) установка к внешнему миру. Новое уточнение касается самоотношения и установки к внешнему миру. Эти две структурные единицы выделены с учетом их когнитивной и эмоционально-оценочной сторон. Что же касается действенной стороны этих установок, то она в нашей концептуальной модели выступает как выражение динамических тенденций личности.

Динамические тенденции дают представление о том, как и почему (зачем) взаимодействует личность с социумом. Относительно активности субъекта в рамках системы взаимодействия "личность – социальная среда" мы вправе поставить три вопроса:

что? как? почему (зачем)? Вопросы что и как ставятся для того, чтобы составить представление об образе активности (взаимодействия), а вопрос почему (зачем) служит выявлению движущих сил активности, ее причинного или целевого источника. Вопрос что указывает на модельность активности, а вопрос как выявляет способ взаимодействия субъекта с окружением. Если представить только что сказанное графически, то получим такую схему (см. схема 5).

Мы представили в общем плане структурные единицы и динамические системы тенденции "личность – социальная среда". Теперь же в рамках III положения остается подчеркнуть, что структурные и динамические стороны системы образуют диспозициональное ядро личности, которая является точкой их "фокусировки", их органическим единством. О диспозициях личности нам предстоит еще рассуждать после прохождения длинного пути конкретизации отдельных проявлений структурных и динамических строя системы "личность-социум". На данном же этапе сказанное о диспозициональном ядре личности зафиксируем в виде следующего графического изображения.

Дальнейшую конкретизацию можно начать с анализа структурной стороны. Приступим к конкретному рассмотрению единицы социального статуса лица.

Глава III

СТРУКТУРНЫЕ СТОРОНЫ СИСТЕМЫ "ЛИЧНОСТЬ – СОЦИАЛЬНЫЙ МИР"

1. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЦА

Положение IV. Первая структурная единица, с которой следует начать анализ понятия личности, это социальный статус лица, т. е. "место" или положение, которое лицо занимает или стремится занять в системе социальных отношений. В плане взаимодействия личности со средой социальный статус функционально определяется как социальная роль.

Мы начали свой анализ с социального статуса лица. По этому поводу нельзя не вспомнить слова Б. Г. Ананьева: "Исходным моментом структурно-динамических свойств личности является ее статус в обществе... равно как статус общности, в которой складывается и формировалась личность" [8, с. 210]. Социальный статус лица – это "место", которое личность занимает в сложной сети социальных отношений. Некоторые авторы для обозначения такого "места" применяют термин социальная позиция, но как нам кажется, более подходящим является понятие "социальный статус лица", так как позиция представляется более интегральным свойством: она выражает направленность личности. В рамках сформулированного здесь положения нам предстоит определить понятия "социальный статус", "лицо" и "социальная роль".

Начнем с определения понятия "социальный статус". Термин "статус" образуется от латинского глагола *statuer*, означающего "расположить", "установить". Латинское слово *statutum* означало "установленные правила поведения", "устав и регламентацию". Понятие социального статуса в современной социологической и социально-психологической литературе включает оба указанных момента: (а) занимаемое положение и (б) права и обязанности, предъявляемые субъекту.

Наиболее детально понятие социального статуса впервые было разработано Р. Линтоном в связи с изучением сущности личности. Как отмечают Дж. Тернер [49, с. 228] или А. М. Рошеблав-Спенле [103, с. 52-53, 113], этот автор оказал большое влияние на последующую разработку вопросов связи между социальной ролью, статусом и личностью. Статус для Линтона представляет статический, а роль – динамический аспект личности: "Статус, в отличие от обладающей им личности, представляет собой просто-напросто совокупность прав и обязанностей... Роль представляет собой динамический аспект статуса. Личность специально наделяется статусом и обладает им по отношению к другим статусам. Осуществляя права и выполняя обязанности, составляющие ее статус, личность играет определенную роль" [цит. по Дж. Тернеру; 49, с. 228]. Как видно из этого определения, статус определяется как совокупность прав и обязанностей. В своих работах Линтон не забывал и о другом аспекте статуса – о социальной "позиции", о социальном "местонахождении". Но одним из главных моментов этого определения является то, что "личность специально наделяется статусом", а это означает "заданность" статуса (хотя такая идея о жесткой заданности в работах Линтона смягчается моментом играемости соответствующей роли, но она все же является ведущей в его концепции). Такая заданность определяет содержание соответствующей роли, которая является динамической стороной социального статуса. В последующих рассуждениях мы укажем, что статус не только "задается" лицу социальным окружением, но в определенной степени он "создается", овладевается и достигается самой личностью. О конкретных механизмах такого "создания" и овладения у нас речь пойдет чуть ниже, а пока вновь сосредоточим внимание на линтоновском понимании вопроса.

Статус по Линтону образует, структурную сторону культурно-поведенческого образца, а в содержательном плане он включает в себя взаимные права и обязанности, которыми обладают индивиды, занимающие определенные статусы (например, взаимные права и обязанности отца и сына). Г. Гурвич считает подобное определение статуса несколько ограниченным, ибо в таком случае "человек, который занимает статус представлен, как юридическое лицо" [87, с. 85]. Однако нельзя не отметить, что индивидуальные права и обязанности лица составляют весьма важные его признаки. Они пронизывают все аспекты человеческой жизнедеятельности в социальном мире, начиная от простых форм общения и кончая сложнейшими формами морально-нравственных поступков. Поэтому навряд ли является правильным мнение о том, что зафиксированный в определении социального статуса момент прав и обязанностей позволяет иметь в виду лишь те характеристики, которые свойственны лицу как субъекту юридических отношений. Юридические права и обязанности могут входить в более общий класс характеристик, свойственных лицу как социальному индивиду. Поэтому когда мы говорим о социальном статусе лица, то имеем в виду не его юридический аспект, а более широкое образование, которое условно можно назвать социальным лицом. Юридические права и обязанности при этом составляют лишь один из частных аспектов социального лица.

Социальный статус лица соотносится с личной определенностью. Чувство личной определенности, обусловленное статусной принадлежностью, в процессе социального взаимодействия формируется самим социумом, ибо без личной определенности отдельных индивидов система социальных отношений не может себя поддерживать [68]. Т. Шибутани справедливо пишет, что "многое в поведении человека в некотором смысле направлено на то, чтобы сохранить или повысить свой социальный статус" [68, с. 222]. Итак, в каждом человеке можно ответить две разные тенденции – а) сохранения и б) изменения статуса. Если говорить более обобщенно, можно назвать два противоположных полюса – (1) "заданность" и – (2) "создаваемость" (достижимость) статуса.

Неоспоримо, что человеку до его формирования в качестве личности (и даже до его рождения), в определенном смысле заранее отведено некоторое "место" в системе социальных отношений. Например, от рождения известна его национальная, семейная, половая и т. п. принадлежность. Также заранее человеку задается программа той культурной и ценностной среды, воспроизводство которой является одной из задач его дальнейшей жизнедеятельности. Безусловно, такая "заданность" социального статуса лица влияет на ход формирования личности, но процесс самодвижения личности в системе социальных отношений этим не исчерпывается. Являясь относительно "пассивным" компонентом личности, социальный статус лица меняется в ходе движения по "траектории жизнедеятельности" (термин Л. Сева), и активно преобразуется, можно даже сказать "производится", на разных этапах жизненного пути личности.

Как же происходит такое преобразование и на основе чего преодолевается ограничивающая функция вышеуказанной "заданности"? Этому вопросу уделено большое внимание в экзистенциалистических философских концепциях, согласно которым "человек брошен в чуждом для него мире" (М. Хайдеггер), превращается в безликое существо "das Man", выполняя заранее заданные предписания, функционируя в мире установлений и завершенных форм бытия, поглощаясь миром банальностей [89]. Однако, как отмечает Ж. П. Сартр [105], заданность социального "места" не представляется до конца фатальным, ибо "мое" "место" определяется моим отношением к нему. При более конкретном рассмотрении оказывается, что человек "соучаствует" с социальной средой в том, какое место будет он занимать в системе социальных отношений. Более того, не только личность проявляет определенную активность в плане овладения тем или иным социальным статусом, но во многих обществах сама социальная среда в определенной степени способствует индивидуальному движению в социальном мире, давая возможность индивиду (а в некоторых случаях даже требуя от него) самому определять свое место и овладеть им.

Итак, "заданность" социального статуса преодолевается на личностном уровне бытия. Можно сказать, что это происходит еще на ранних этапах онтогенетического развития. Для иллюстрации можно сослаться на механизм идентификации, который с раннего детства выполняет важную функцию в развитии человеческой личности. Правда, в этом контексте нам необходимо ограничиться выделением лишь нескольких аспектов этой широкой темы и рассмотреть механизм идентификации под углом зрения сказанного о "заданности" и "создаваемости" социального статуса.

Обратим внимание на роли идентификации в процессах половой дифференциации. Как показано в многочисленных исследованиях, анатомический или т. н. паспортный пол непрямолинейно определяет формирование соответствующего полу индивида репертуара психосексуального ролевого поведения. Важным фактором в этом процессе является адекватная половая аутоидентификация. Ребенок с раннего возраста начинает соотносить себя с мужским или женским полом. Однако этот процесс соотнесения не является простой констатацией принадлежности: ребенок путем идентификации себя с представителями мужского или женского пола усваивает тот репертуар маскулинного или феминного ролевого поведения, образцы которого существуют в ближайшем окружении. Психологический смысл такого уподобления заключается в стремлении подрастающего индивида внутренне овладеть желаемым статусом мальчика и будущего мужчины или девочки и будущей женщины. Статус, например, мальчика с соответствующими ролевыми предписаниями хоть и задается индивиду, однако этого недостаточно: лицо мужского пола должно проделать внутреннюю психологическую работу по овладению этого статуса и "вхождению" в соответствующую роль путем отождествления себя с отцом, со старшим братом или другим представителем мужского пола. Поведение может

служить внешним выражением внутреннего стремления к половой аутоидентификации. Это хорошо видно из нашего наблюдения над трехлетней девочкой Н., которая упорно сопротивлялась тому, чтобы мать надела ей брюки. При этом аргументация матери сводилась к указанию на то, что во дворе холодно, а девочка свое сопротивление мотивировала словами: "я же девочка, брюки одевают мальчики". В своем поведении Н. стремилась не только к тому, чтобы укрепить представление о собственной половой принадлежности, но и к тому, чтобы к ней относились как к девочке. В этом примере налицо не только процесс адаптации к той роли, которая статусно определяется, но и стремление приноровить поведение других относительно себя в соответствии с тем, как индивид определяет себя в плане половой принадлежности. Этот механизм статусного самоопределения, когда индивид не только приспосабливается к другим в плане своего ролевого поведения, но и приспосабливает других к себе и к своей социальной роли, выполняет важную регулятивную функцию на всех этапах жизненного пути личности в плане ее взаимодействия с социальным миром.

Воображаемое овладение иным статусным состоянием и преодоление статусной "заданности" в процессе идентификации в детском возрасте может иметь две функции: защитную и развивающую. Примером защитной функции идентификации может служить т. я. "идентификация с агрессором" [81]. Ребенок, стремясь преодолеть неприятные моменты, связанные с заданной ролью объекта агрессии, компенсирует такую заданность путем отождествления себя с тем, кто выступает в роли и статусном обличий агрессора (отец, старший брат, учительница и т. д.). Такое статусное "перевоплощение" может служить целям редукции страха и тревоги.

Примером развивающей функции идентификации в плане преодоления статусной заданности и воображаемым овладением роли взрослого могут служить многочисленные т. н. "иллюзорные игры", например, "мой дом" или "дочки-матери". В процессе этих игр внутренне усваивается ряд социально-ролевых функций (функции взрослого, родителя и др.) и поэтому подобные игры действительно служат, как говорил Гросс [53], "подготовительной школой жизни". Д. Н. Узнадзе относил игровую деятельность ребенка к интрогенным формам поведения и считал, что детские игры, в том числе "иллюзорные", движимы т. н. функциональной тенденцией.

Мотивационным источником "иллюзорных" игр выступает по Д. Н. Узнадзе стремление привести в действие находящуюся в процессе развития функцию воображения. Функционирование воображения для индивида в таких случаях является самоцелью, а источником такой активности выступает самоактивность. Учитывая правильность этого положения, мы хотели бы добавить следующее: в процессе "иллюзорных" игр развивается не только функция воображения, но и социально-ролевые функции. Более того, "иллюзорные" игры обусловлены не только внутренней функциональной тенденцией, лежащей в основе развития фантазии, но и тенденцией функционировать в режиме иных статусных (статуса родителя, взрослого и т. д.) состояний, реальным носителем которых субъект будет через несколько лет. Из сказанного можно заключить, что задолго до того, как человек реально в своей жизнедеятельности будет строить свое ролевое поведение на основе оформившегося и наличного социального или межличностного статуса (например, статуса родителя), он, опережая события в процессе идентификации с другими (например, с родителем) или игровой деятельности, заранее психологически овладевает данным статусным состоянием. Заданность реально-жизненной статусной позиции ребенка преодолевается психологически-воображаемой "создаваемостью" статуса взрослого.

Подытоживая сказанное, можно подчеркнуть, что не существует чистой заданности статусно-ролевых прав, обязанностей и экспектации так же, как немислима чистая

"создаваемость" своего статусного состояния; скорее всего их можно представить в качестве аналитических полюсов, которые служат своеобразными абстрактами. Эти абстракты составляют те исходные пункты, отталкиваясь от которых можно "высчитать" конкретно-возможные варианты отдельных статусных состояний. Об этом мы скажем подробнее несколько ниже, а теперь вкратце дадим определение рабочих понятий "роль" и "лицо".

Социальная роль, как отмечалось выше, выступает в качестве динамического аспекта статуса. Для марксистской социологии и социальной психологии в понимании социальной роли (соответственно и социального статуса лица) важнейшим моментом является акцент на ее надындивидуальную природу, ибо как писал К. Маркс, "...определенные общественные роли вытекают отнюдь не из человеческой индивидуальности вообще" [4, с. 78], а берут свое начало в структуре общественных отношений. Именно из этого последнего положения вытекает необходимость введения понятия "лицо", которое следовало бы, по нашему мнению мыслить как носителя определенных социально-статусных характеристик и общественных функций (ролей). В обыденной жизни понятия "лицо" и "личность" чаще употребляются как синонимы. Далеко не всегда эти понятия в их дифференцированных значениях представлены даже в научных текстах. Однако нужда в дифференцированном их употреблении явно ощущается. Более того, понятие "лицо" в социологии, общей и социальной психологии фактически не применяется в качестве рабочего понятия: понятие личности в этих отраслях "ассимилирует" те стороны человеческой деятельности, которые могут быть успешно соотнесены с понятием "лицо".

Термин "лицо" имеет множество значений. Он может означать социальное положение индивида (напр.; должностное лицо, доверенное лицо и т. п.), социальный облик человека (напр., гражданский облик человека), юридическую единицу (юридическое лицо), грамматическую форму (первое, второе и третье лицо). Однако в связи с философским, социологическим и психологическим изучением сущности человеком понятие "лицо" (лат. *Persona*, франц. *Personne*, англ. *Person*) приобретает особую смысловую нагрузку в связи с соотнесением с понятием "личность" (лат. *Personalitas*, франц. *Personalite*, англ. *Personality*, нем. *Persönlichkeit*). Анализ истории применения термина "лицо" представляется здесь излишним, так как этот вопрос неоднократно освещался в советской науке с привлечением богатого историко-философского и лингвистического материала.

Лицо в широком смысле часто определяют в качестве "...человеческого индивида как субъекта отношений к сознательной деятельности" [27, с. 578], а также подчеркивается, что оно означает целостного человека. В нашем рабочем определении мы хотим подчеркнуть, что лицо представляет собой ту сторону личности, в которой отражены ее относительно устойчивые, а также преходящие статусно-ролевые признаки. Лицо одновременно является носителем как тех социально-статусных качеств и общественных функций, которые присущи индивиду в течение всей жизни или, по крайней мере, на определенном долгом временном этапе жизненного пути, так и тех ситуационно-преходящих ролевых характеристик, которые по стечению определенных обстоятельств возникают в ходе жизни. Лицо – это то образование, составляющими которого выступают "Я" – образы (Т. Шибутани), и в котором отражаются ожидания и экспектации других к субъекту Лицо представлено как "зеркальное Я" (Кули) в том смысле, что человек может приобрести или потерять свое лицо лишь будучи отраженным в других как в зеркале. Однако же это зеркальное изображение не является пассивной копией объекта отражения, в нем не только зафиксировано то, как данное лицо выглядит в глазах других; скорее, более важным здесь является отражение того, каковы ожидания и предписания других относительно данного человека. Эти ожидания и предписания со своей стороны связаны с теми правами и обязанностями, которые свойственны статусному облику индивида. Итак,

отдельными, но взаимосвязанными сторонами индивида как лица является то, (1) как он отражен (или стремится быть отраженным) в других, (2) каковы предписания и ожидания других относительно него и (3) какими правами и обязанностями определяется его взаимодействие с социальным окружением. Почему же здесь мы употребили выражение "индивид как лицо"? Дело в том, что лицо иногда определяется посредством признака целостности, для чего вполне подходящим термином является "индивид", этимологическое значение которого указывает на неделимость. С таким семантическим значением понятия "человеческий индивид" связан основной присущий ему признак – признак единичности. Это понятие обозначает не только принадлежность к человеческому роду, но и то, что тот, о принадлежности к человеческому роду которого говорится, является единичным и неделимым. С понятием индивида соотносится понятие индивидуальности, которое обозначает совокупность унаследованных и выработанных в процессе онтогенеза особенности, отличающих данного индивида от всех остальных. В психологическом понятии индивидуальности отражаются дифференциально-психологические признаки и особенности, а индивид – это то единичное существо, которое является средоточием этих признаков и особенностей, их номинальным носителем. Если относительно индивидуальности формулируется вопрос "каковы отличительные черты данного человека?", то относительно индивида ставится вопрос "кто является носителем этих отличительных черт?" В этом смысле выражение "индивид как лицо" может быть эквивалентным выражению "лицо как целостность". Поэтому при пользовании понятием "лица" можно абстрагироваться от момента целостности или единичности. Взамен этого следует усилить акцент на тот пункт, в котором подчеркнуты (1) принадлежность индивида к данному социальному миру и (2) его наделенность статусно-ролевыми признаками, вытекающими из данного социального контекста.

Интересной представляется точка зрения Г. И. Цинцадзе о соотношении понятий "лицо" и "личность" [65]. Рассматривая этот вопрос в ракурсе оппозиции "осуществленное – возможность осуществления", автор считает, что "лицо есть единичный человек, который может находиться в отношении к самому себе и к миру и сделаться целостным, иметь самого себя и мир-бытие. Как таковое, лицо есть уже осуществленное существование (разрядка наша – Н. С.) человека. Соответственно, личность есть существо, находящееся в отношении с умислом и творящее себя в этом отношении: она намеренно относится к самому себе и к своему миру и в этом отношении творит свое Я как личность в результате признания не Я как Ты. Поэтому тот мир, признанием существования которого и в диалоге с которым рождается личность, есть личностный мир" [65, с. 231-232]. Автор считает, что "личность, как осуществленный самовыбор, существует как лицо. Это достигнутый вид существования...", а "...личность никогда не есть только то, что она есть, она есть возможность, находящаяся в становлении и опережающая себя" [65, с. 230]. Как видно из этих рассуждений, лицо мыслится как осуществленное бытие, к которому можно адресовать вопрос "что есть", а личность представляется как виртуальность, в отношении которой уместен вопрос "что может быть". Мы считаем, что такое кое понимание в целом может внести некоторые дополнения в осмыслении основных признаков, свойственных лицу и личности. Эти дополнения могут быть существенными для того варианта определения понятия лица, которое было предложено нами выше.

Лицо действительно мыслиться в качестве носителя зафиксированных статусно-ролевых признаков и в этом смысле как "осуществленное существование человека". Каков же смысл выражения "осуществленное существование" в данном контексте? Смысл этого выражения может заключаться в том, что программа статусно-ролевого поведения относится к надындивидуальной сфере. Ввиду завершенности форм своего функционирования, а также по причине того, что этими завершенными статусно-ролевыми признаками индивид либо наделяется извне, либо же стремится овладеть ими

как предуготовленными образцами, модус существования лица – это "осуществленное существование". Однако в определении, предложенном Г. И. Цинцадзе, с нашей точки зрения, можно обнаружить тенденцию некоторого преувеличения момента самовыбора при определении сущности лица ("Личность как осуществленный самовыбор, существует как лицо"). Если проанализировать это понятие не под углом зрения оппозиции "осуществленное – возможность осуществления", как это делает автор, а в ракурсе оппозиции "заданность – создаваемость" социального статуса лица, то мы обнаружим следующее: в этих рассуждениях "умалчивается" о том, что функционирование лица может проходить в режиме внешней заданности статусно-ролевых характеристик; что модус "осуществленного существования" лица может заключаться во внешней заданности программы действия в тех или иных ситуациях социального взаимодействия. За счёт такого "умалчивания" преувеличивается роль личностного самосоздания в плане достижения состояния собственной осуществленности. Если эксплицировать замысел автора, то получается, что личность как виртуальность выбирает модус своего существования и в результате такого самовыбора она переходит из состояния виртуальности в состояние осуществленности, приобретая собственное лицо. Для того чтобы стать определенным лицом, нужно осуществить соответствующий личностный выбор: моя определенность как лица ("я как осуществленное", "я – какой я есмь в данный момент") является результатом того, каким я себя выбрал. Если такую модель применить в отношении лица как носителя определенного социального облика, выражающего статусно-ролевое измерение человека, то легко можно впасть в крайность: статусно-ролевые признаки лица будут мыслиться исключительно как результат самовыбора и самосоздания. Однако такая интерпретация противоречила бы реальности: статус не только создается индивидом, но и задается ему. Существуют тонкие диалектические переходы Между такой "заданностью" и "создаваемостью". Мы попытаемся раскрыть их сущность, однако прежде кратко рассмотрим еще два вопроса.

Первый вопрос относится к выяснению того, в рамки какого рода межчеловеческих отношений "вписываются" статусно-ролевые структурные особенности лица. Обычно выделяют два вида этих отношений: (а) формальные и (б) неформальные. Соответственно, можно говорить о (а) формальных и (б) неформальных статусно-ролевых функциях.

Выделение двух разновидностей социального статуса лица – формального и неформального – позволяет описать некоторые качественные стороны системы "личность – социальный мир". Теперь перейдем к описанию ее количественных сторон. Когда выше описывались отмеченные качественные стороны, мы фактически пытались ответить на вопрос: в рамки какого рода межчеловеческих отношений "вписываются" статусно-ролевые особенности лица? Теперь же поставим вопрос иначе, акцентируя количественный момент: каковы размеры систем межчеловеческих отношений (социальных групп), в рамки которых "вписываются" статусно-ролевые особенности лица? По такому количественному признаку группы обычно делятся на большие и малые. При этом будем иметь в виду, что и большая и малая социальная группа может быть как формальной, так и неформальной.

Итак, подытожим сказанное. Описание такой структурной единицы системы "личность-социум", какой является социальный статус лица, может осуществляться путем выделения следующих показателей. (1) "заданность – создаваемость" статуса, (2) формальность – неформальность и (3) величина группы, в контексте которой статус конституируется (большая – малая социальная группа). Основываясь на этом делении можно предложить удобную схему того, как эти показатели выводятся друг из друга. В графическом изображении эта схема выглядит следующим образом (см. схему 7).

Из этой схемы видно, что описание природы социального статуса опирается на последовательное выделение полярно-противоположных признаков. Посредством такой процедуры, когда из более абстрактных признаков на основе последовательного дихотомического способа деления выводятся последующие биполярные измерения, мы вправе надеяться получить в содержательном смысле наиболее конкретизированную картину. Попытаемся эту идею проиллюстрировать на примере осуществления статусных функций отца.

Если ограничиться простой констатацией того, что, данное лицо имеет социальный статус отца и выполняет соответствующие предписания, предъявляемые отцу, то тем самым При выяснении своеобразия деятельности данного индивида мы останемся на уровне "сухой" абстракции. Нам предстоит собрать и учесть дополнительную информацию о конкретных проявлениях прав и обязанностей, свойственных статусу отца в данной социальной общности, и о функциях-ролях, сообразных конкретно-социальным требованиям и нормам. Приступая к подобной конкретизации, первым делом следует выяснить, какие социально-типичные статусно-ролевые признаки отца заданы лицу, а затем, что и как овладевается и "создается" лицом в плане своей статусной определенности как отца. Важно понять, как действует лицо по заданной программе или каким образом и посредством каких психологических механизмов происходит созидание своего статусно-ролевого облика. Дальнейшая конкретизация идет по линии выяснения того, в контексте каких типов отношений – формальных или неформальных – можно говорить о "заданности" и "создаваемости" статуса отца. Социально заданными могут быть предписания, исходящие как из формальных типов отношений. Ту же мысль можно высказать относительно "создаваемости" статуса: "созидаю" себя в качестве отца, индивид пытается добиться определенного положения и выработать в себе статусно-ролевой репертуар поведения, референтно относящийся как к контексту неформальных, так и формальных межличностных отношений. Еще более конкретно и полно статусно-ролевые особенности данного лица как отца представляются нам, если учесть, в рамках каких по величине (больших и малых социальных) групп функционирует лицо как носитель статусных функций отца. В итоге, мы можем перечислить восемь видов статусно-ролевых показателей: (1) права и обязанности лица, как отца рассматриваются в ракурсе того способа функционирования большой формальной социальной группы, согласно которому эти права и обязанности заданы как программа действия; (2) статус отца "вписывается" в контекст способа функционирования малых формальных групп, выражающего внешнюю заданность статусно-ролевого поведенческого репертуара; (3) статусно-ролевые предписания внешние заданы в сфере неформальных межличностных отношений в больших группах; (4) неформальные межличностные взаимодействия лица как отца с другими членами малой группы осуществляются сообразно внешне заданным образцам; (5) индивид сам "создает" свой статусно-ролевой облик отца, "вписывающийся" в контекст больших формальных социальных групп; (6) "созидание" своей статусно-ролевой определенности референтно соотносится со способом функционирования малой формальной группы; (7) статусные функции отца "созидаются" индивидом с учетом контекста неформальных межличностных отношений в больших группах; (8) "самосозидание" в качестве отца происходит на "сцене" неформальной малой группы.

Посредством перечисленных показателей можно описать не только отцовство, но и любые другие статусные функции. Жизненные наблюдения показывают, что одни люди как бы все время "стоят лицом" к обществу в целом и функцию отца осуществляют преимущественно по "расписанному порядку". Они действуют как бы "для других" и реализуют в своем поведенческом репертуаре достаточно формализованные нормативы и

стереотипы, которые значимы для самоподдержания образа жизни данной общности людей. Другие строят линию статусно-ролевого отцовского поведения сообразно заданному "проекту" неформальных межличностных отношений; часто встречаются и такие, которые отклоняются от заранее "расписанного" образца и пытаются выработать собственную стратегию отцовского поведения в сфере внутрисемейных отношений. Перечисление дополнительных примеров увело бы нас в сторону от главных линий рассуждений. Ограничимся поэтому лишь указанием на то, что выше предложенная схема с описанными восьмью видами статусно-ролевых показателей не является абстрактно-теоретическим конструктом: на ее основе в нашей психоконсультационной практике мы часто проводили и проводим анализ неадекватных родительских позиций с целью их коррекции.

Итак, путем последовательного дихотомического деления первичного абстрактного понятия социального статуса лица мы пытались вычленивать отдельные конкретные разновидности его показателей. Тем самым абстракция постепенно наполнялась конкретным содержанием. Однако этого недостаточно. Следует еще более углубиться в сущность конкретного.

Для того чтобы в первом приближении реализовать дальнейший ход восхождения от абстрактного к конкретному, в ракурсе описания характеристик социального статуса лица следует выделить отдельные виртуальные состояния системы "личность – социальная среда". Речь идет о задаче описания возможных состояний системы в рамках той оппозиции социального статуса, которая выражается как его "заданность" и "создаваемость". Эта задача выполнима путем выделения отдельных комбинаторных вариантов "предполагаемых виртуальных состояний". Однако такая задача в свою очередь заранее должна удовлетворять двум условиям: (1) логической доказуемости правильности выбора оппозиции "заданность – создаваемость" и (2) учёта тех сил, вернее, того источника, откуда исходит эта "заданность" или "создаваемость". По поводу первого условия коротко можно сказать, что логическую доказуемость правильности выбора данной оппозиции мы попытаемся искать посредством построения т. н. "логического квадрата", а относительно второго условия вполне определенно можно указать на два источника – (а) требование социума и (б) стремление индивида, откуда и исходят состояния, содержательно зафиксированные в указанной оппозиции. Тут необходимо хотя бы вкратце изложить суть названных условий и способов их удовлетворения.

А) логическая доказуемость правильности выбора оппозиции "заданность – создаваемость" социального статуса.

Для подобного доказательства мы предлагаем проделать следующую операцию: абстрагироваться от конкретного социально-психологического содержания указанной оппозиции и сфокусировать внимание на формально-логическую правильность ее выбора. При этом отвлечемся от какого-либо металогического обоснования этой операции и удовлетворимся лишь общим утверждением о том, что при научном оперировании понятиями не только необходимо следовать известным логическим правилам, но и целесообразно на уровне простой рефлексии знать, что эти правила соблюдены.

Для доказательства логической правильности выбранной оппозиции хорошим средством является построение т. н. "логического квадрата"*. Основными отношениями в "логическом квадрате", как известно, являются отношения *contrari* (контрарность, противность), *contradiction* (контрадикторность, противоречие) и подчинение. Попытаемся построить "логический квадрат" на основе базовых понятий "заданности" и "создаваемости" социального статуса. * Идею об использовании "логического квадрата" в

данном контексте предложил психолог и логик М. Гелашвили, за что мы ему глубоко благодарны.

То, что "заданность" социального статуса находится в отношении контрарности с его "создаваемостью", не вызывает сомнения. Совершенно очевидно также наличие отношения контрарности между полюсами – "социальный статус не создается" и "социальный статус не задан". Не вызывает сомнения и котрадикторность в парах – "статус задан – статус не задан" и "статус создается – статус не создается". Однако с первого взгляда правомерность представленных здесь отношений подчинения не бросается в глаза. Возникшие сомнения рассеиваются при специальном фокусировании внимания на природе представленных здесь вариантов подчинения. В результате такого специального рассмотрения можно прийти к следующим выводам: 1) состояние – "социальный статус не создается" – может быть в логическом подчинении относительно состояния – "статус задан"; однако статусная заданность не сводится к его простой "не создаваемости": состояние заданности более сложное явление, нежели простое отрицание "создаваемости"; 2) состояние – "социальный статус не задан" – логически включается в более обобщенное состояние "создаваемости" социального статуса. В самом деле, "создаваемость" личностью какого-то нового социального статуса в качестве своего элемента включает в себя отрицание "заданности" какого-то наличного статусного состояния, но сказать это еще недостаточно; следует добавить: для того, чтобы овладеть определенным статусом и "создавать" его посредством определенных усилий, субъект сначала психологически как бы игнорирует "заданность" наличного статусного состояния, внутренне от него освобождается, однако акт такого отрицания лишь первый этап для дальнейших сложных действий по овладению и созданию нового статусного состояния.

Итак, представленные здесь понятия удовлетворяют необходимым формально-логическим требованиям. Далее мы проделаем те же формально-логические процедуры относительно других вводимых нами понятий.

Б) источники, откуда исходят "заданность" и "создаваемость" социального статуса.

Можно назвать два таких источника: (1) требование социальной среды и (2) стремление индивида. В самом деле, социум не только накладывает на лицо определенный статус, но одновременно может требовать от него жить и функционировать в режиме полной его "заданности" извне. Однако, с другой стороны, социум может требовать от индивида прямо противоположное – нацеленность на достижение и овладение определенным статусом ценой больших усилий. Например, социально-классовый статус лица в феодальных обществах жестко задавался извне, а требования, ожидания и санкции социума относительно индивида диктовали способы жизнедеятельности в подобном статусно-регламентированном режиме жизненного мира.

В противоположность феодальному обществу требования социума относительно индивида в буржуазном обществе апеллировали к создаваемости и возможности овладения тем или иным социальным положением. С другой стороны, в рамках одного и того же сообщества относительно одного и того же индивида могут быть выдвинуты одновременно как требования статусной заданности, так и нацеленность на то, чтобы каждый своими личными усилиями достигал того или иного социального положения. Например, статусные права и обязанности, ожидания и экспектации, связанные с этнической или половой идентичностью, не только задаются. Социум одновременно требует, чтобы каждый удовлетворялся такой заданностью и не "переступал" в этом

смысле соответствующих границ. Напротив, относительно социально-экономического или эмоционально-неформального статуса социум в то же время может требовать личного вклада, личных усилий по их достижению.

Однако, как уже отмечалось, в качестве источника статусной заданности или "создаваемости" выступает не только требование социальной среды, но и стремление личности. Лицо может стремиться жить и функционировать в режиме внешней заданности определенного статусного состояния. С другой стороны, индивид, не удовлетворяясь наличным статусным состоянием, может стремиться к овладению определенным социальным положением. Например, если сослаться на феномены этнической принадлежности, то можно собрать большое количество наблюдений, когда одни люди стремятся не только не нарушать относящиеся к ним статусные предписания, но и активно способствовать самому себе и себе подобным жить и функционировать в рамках заданности. Хорошим конкретным примером этого положения могут служить некоторые ситуации застоля у нас в Грузии, когда "тамада" руководствуется строго расписанным заранее правилом и реализует заданную программу статусного поведенческого репертуара, хранящего в системе традиции той этнической группы, к которой принадлежит "тамада" как конкретное лицо. Смысл своих действий в таком случае "тамада" видит не только в том, чтобы самому реализовать заданные ему от социума статусные права и обязанности, но и в том, чтобы и другие (все) члены застоля придерживались той линии поведения, которая соответствовала бы запрограммированным предписаниям. Если говорить о противоположном стремлении индивида – своими усилиями овладеть определенным статусным состоянием, то такое стремление, как уже отмечалось, наблюдается уже на довольно раннем уровне онтогенетического развития.

Итак, мы рассмотрели заданность и "создаваемость" статуса под углом зрения того, что требует социальная среда и к чему индивид стремится. Теперь сделаем несколько шагов в направлении дальнейшей систематизации и конкретизации сказанного. С этой целью мы предлагаем взять две исходные оси с противоположными полюсами: (1) социальное требование – стремление индивида и (2) заданность социального статуса – "создаваемость" социального статуса. Если теперь вращать эти оси в отношении друг друга, то получим четыре варианта возможных статусных состояний, которые схематически можно изобразить следующим образом:

Вычлененные таким образом четыре варианта возможных статусных состояний являются исходным. Первым является тот вариант, когда социальное требование относится к тому, чтобы члены группы или сообщества жили в режиме внешней заданности социального статуса. Согласно смыслу второго состояния социальное требование заключается в том, чтобы каждый своими усилиями добивался создания определенного общественного положения. Третий вариант уже говорит о том, что лицо само стремится функционировать в режиме внешней статусной заданности. Четвертый же вариант означает, что лицо стремится путем личной активности завладеть своим социальным положением.

Мы отметили, что приведенные варианты являются исходными. Слово "исходный" содержит здесь некий намек на то, что в дальнейшем мы будем оперировать выделенными вариантами возможных состояний с целью определения более конкретных комбинаторных возможностей. В работе Ф. Е. Василюка [15], ссылающегося на методолого-типологические приемы О. И. Генисаретского, в рамках совершенно другого понятийного аппарата часто встречаются примеры успешного применения схем, подобных выше изображенной. Однако мы можем указать на два существенных различия

между тем, что и как проделано в работе Ф. Е. Василюка и в нашей работе: 1) Ф. Е. Василюк нацелен на выделение категориально-типологических единиц, тогда как наша задача состоит в экспликации виртуальных состояний системы; 2) в работе Ф. Е. Василюка обычно выделяются по четыре определенных категориально-типологические единицы и далее следует их тонкое психологическое описание. Наш же "расчёт вариантов" идет дальше: выделяя для начала четыре исходных абстрактно-возможных варианта, мы подготавливаем почву для второго этапа определения возможных, вернее, конкретно-возможных состояний системы "личность – социальная среда". На этом втором этапе высчитываются отдельные комбинаторные возможности на основе сложения уже установленных четырех исходных вариантов.

Что же является основным и объединяющим качеством указанных четырех вариантов статусных состояний? Это их абстрактно-возможный характер. Почему именно абстрактный характер? Как мы уже писали, если нечто может осуществиться только при отсутствии других возможностей и рассматривается как возможность только при отвлечении от других возможностей, то такая возможность является абстрактной; она же, согласуясь с законами формальной логики, представляется в качестве формальной возможности. Каждый из четырех исходных вариантов статусных состояний потому и является абстрактной возможностью, что они берутся изолированно и вне контекста других возможных состояний. Например, при рассмотрении первого варианта социальное требование заключается в том, чтобы функционировать в режиме внешней заданности социального статуса. Тем самым выражен один из возможных вариантов статусного состояния, который еще не имеет своего контекста соотнесения, обособлен от других возможностей и остается абстрактным по своему содержанию. Для того чтобы соотнести отдельную (вернее, обособленную и, следовательно, абстрактную) возможность с другими возможностями и тем самым приблизиться к "живой" конкретности, можно проделать простые комбинаторные операции над указанными исходными четырьмя вариантами статусных состояний. Такие операции возможно представить в качестве матриц сложения комбинаторных единиц. Как горизонтальные, так и вертикальные столбцы подобной матрицы заполняются установленными исходными вариантами.

Итак, из исходных четырех вариантов по закону сложения получаем 6 комбинаторных вариантов (А, Б, В, Г, Д, Е). Представленные в этой матрице варианты содержательно выражаются следующим образом: (А) социальное требование одновременной заданности и "создаваемости" статуса; (Б) социальное требование статусной заданности – стремление индивида к статусной заданности; (В) социальное требование статусной заданности – стремление индивида к статусному самосозиданию; (Г) социальное требование создаваемости статуса – стремление индивида к статусной заданности; (Д) социальное требование создаваемости статуса – стремление индивида к статусному самосозиданию; (Е) стремление индивида одновременно и к статусной заданности и к статусному самосозиданию.

Разберем поочередно конкретное содержание полученных шести вариантов.

А. Социальное требование одновременной заданности и "создаваемости" статуса. В данном варианте подчёркивается двунаправленность социального требования: с одной стороны, функционировать в статусно-заданных рамках, а с другой стороны, собственными усилиями добиваться желаемого социального положения. Существуют сферы деятельности человека, в которых статусные предписания, права и обязанности строго определены и регламентированы, но вместе с тем никак заранее не предусмотрено

или предопределено, кто конкретно займет данное социальное положение. Например, на военной службе иерархические статусные права и обязанности строго расписаны и в этом смысле заданы всем тем лицам, которые имеют соответствующие воинские звания и должности. Так, права и обязанности сержанта чётко определены и отличаются от прав и обязанностей офицера. Относительно военнослужащего, с одной стороны, выдвигается требование чётко соблюдать соответствующие воинские статусные предписания. С другой стороны, ни одна статусная единица в армейской иерархии ни для кого не предуготовлена: требование социума заключается в том, чтобы каждый, кто только достигает определенного воинского звания, должен того заслужить и достичь его на основе определенной активности. Существует распространенная поговорка, выражающая последнее обстоятельство: "плох тот солдат, который не мечтает стать генералом" Требование социума – функционировать одновременно в рамках заданности и "создаваемости" статуса – свойственно не только воинской службе, но и многим другим сферам человеческой деятельности.

Б. Сериальное требование статусной заданности – стремление индивида к статусной заданности. В данном случае имеется в виду ситуация, когда стремление индивида соответствует социальному требованию: как социальное требование, так и индивидуальное стремление выступают "за" статусную заданность. Можно сказать, что образец такого соотношения между социальным требованием и индивидуальным стремлением в определенной степени универсализируется в социологической теории структурного функционализма [49], рассматривающей человека как приспособляющееся существо, а индивидуальное поведение как одно из звеньев действия социальной системы, направленной на самоподдержание. Согласно указанной теоретической модели в нормативной структуре общества существуют статусно-ролевые предписания, накладываемые на индивида, а поведение последнего направлено на социальную адаптацию путем интернализации этих нормативных структур. Однако, отвлекаясь от рассмотрения существующих критических аргументов в адрес структурного функционализма, нам хотелось бы здесь особо подчеркнуть, что представленный вариант соотношения социального требования и индивидуального стремления является далеко не универсальным и единственным. В этом мы убедимся в процессе рассмотрения последующих образцов соотношения социального требования и индивидуального стремления в ракурсе статусно-ролевой заданности – создаваемости. Пока же ограничимся кратким описанием одного примера из психоконсультационной практики, имеющего отношение к рассматриваемому варианту.

Случай 1. К нам за консультацией обратились К. Н., 28 лет, врач-кардиолог, с жалобами на то, что она чрезмерно волнуется при контакте с больными, не может обследовать больного, боится взять на себя врачебную ответственность и чувствует профессиональную непригодность, хотя в медицинском институте училась хорошо. Жалобы одновременно относились к сфере взаимоотношений с мужем и с сыном. Во взаимоотношениях с мужем она занимала психологическую позицию контролирующей и сверхопекающей матери, требуя от него порядка и дисциплины в семье, тогда как муж был склонен к гедонистическому образу жизни и психологически играл роль непослушного, склонного к развлечениям ребенка. В отношении к собственному сыну она испытывала чувство некоторой отчужденности. Ребенок воспитывался у её родителей и она не ощущала себя "вошедшей" в роль матери. Последнее обстоятельство пробуждало в ней чувство внутренней вины. Ситуацию своего воспитания в детстве описывала как жестко-дисциплинарную и нормативную. В её родительской семье царил абсолютный порядок, все знали свое место, и границы между членами семьи были чётко очерчены. В семье от нее требовали действовать по "уставу" (выражение самой К. Н.), также и в школе требование к её статусно-ролевому поведению сводилось к требованию послушности и

исполнительности. Она с Детства была послушным ребенком, прилежной ученицей, однако за нее всегда все решали другие, да и она с удовольствием перекладывала ответственность на других, стремясь полностью отвечать тем требованиям, которые к ней предъявлялись. Она не допускала возможности отхода от тех нормативов, которые существовали в ее окружении и которые она интернализировала. В ней настолько был "законсервирован" статус ученицы, что после окончания мединститута она никак не могла переключиться с роли учащейся на роль практикующего врача. Необходимость любых самостоятельных решений, связанных как с профессиональными, так и с личными вопросами, приводила ее в отчаяние, поскольку это противоречило её установке действовать по заданному образцу. Психологический комфорт она испытывала лишь тогда, когда от нее требовали действовать согласно заданной программе. Таким образом, при анализе психобиографии и актуального состояния К. Н. выяснилось, что в качестве одного из источников ее интер- и интраличностных конфликтов выступали события в окружающем ее мире или поступки близких (в первую очередь мужа), отклоняющиеся от определенных поведенческих регламентации. Ей не удавалось приспособиться к новой социальной роли, так как она внутренне сопротивлялась такому приспособлению. Снятие этого сопротивления выступило в качестве одной из важных психоконсультационных задач в работе с нею.

В. Социальное требование статусной заданности – стремление индивида к статусному самосозиданию. Это довольно часто наблюдаемый образец соотношения социального требования и индивидуального стремления. Рассогласование между требованием социума и стремлением индивида тут выступает на передний план: от индивида требуется функционировать в режиме статусно-ролевой заданности, а он, не удовлетворяясь наличным статусным состоянием, активно стремится к самоопределению. Например, подростки и юноши многократно встречаются с психологическими трудностями, которые возникают по поводу того, что взрослые требуют от них поведения в соответствии с заданной ролью ребенка, они же стремятся к статусному самоопределению в качестве взрослого.

Г. Социальное требование создаваемости статуса – стремление индивида к статусной заданности. В данном случае речь идет о тех социально-психологических ситуациях, когда, социальное требование заключается в статусном самоопределении, а индивид стремится функционировать извне-заданным способом. Тут налицо несоответствие между социальным требованием и индивидуальным стремлением. Такое несоответствие, вернее увеличение несоответствия, способствует возникновению психологических коллизий, частично рассмотренных в вышеописанном случае с К. Н., взятом из психоконсультационной практики.

Д. Социальное требование создаваемости статуса – стремление индивида к статусному самосозиданию. В представленном варианте речь идет об образце взаимосоответствия социального требования и индивидуального стремления: индивид стремится к статусному самоопределению, одновременно этого же требует от него социум. В качестве примера можно сослаться на многочисленные жизненные ситуации, когда лицо стремится к достижению нового статусного состояния, а в его социально-жизненном мире доминирующей ценностью является стремление к продвижению, к социальному достижению.

Е. Стремление индивида одновременно и к статусной заданности и к статусному самосозиданию. В данном случае речь идет о двунаправленности стремления индивида: с одной стороны, налицо стремление функционировать статусно-заданным способом, а с другой стороны – стремление к статусному самосозиданию и самоопределению.

Мы рассмотрели возможные варианты соотношения социального требования и индивидуального стремления по показателям заданности и "создаваемости" социального статуса. В качестве социального требования в конечном итоге выделяются три абстрактных возможностей: а) требование функционировать в рамках статусной заданности, б) требование статусного самосозидания и самоопределения, в) требование одновременной заданности и "создаваемости" социального статуса. В качестве же стремления индивида в конечном итоге нами выше были выделены следующие абстрактные возможности: а) стремление индивида функционировать в рамках статусной заданности, б) стремление индивида к статусному самоопределению и в) одновременное стремление к статусной заданности и самоопределению. К уже "высчитанным" вариантам можно добавить несколько возможных вариантов, в которых будет учтена двунаправленность социального требования и индивидуального стремления. Например, индивид может стремиться функционировать в рамках статусной заданности и одновременно добиваться статусного самоопределения, а содержание социального требования при этом будет заключаться в аналогичной двунаправленности. Может случиться и так, что при социальном требовании статусной заданности индивид проявляет указанную двунаправленность стремления, либо при настойчивом предписании социума – самому определять и создавать свое статусное состояние – индивид в своем поведении демонстрировал стремление как к заданности, так и к статусному самоопределению.

Приведенный анализ конкретных форм статусных состояний лица не является исчерпывающим. Можно было бы продолжить такой анализ, однако на данном этапе развертывания теоретической конструкции представляется более уместным перейти к формулировке последующих положений.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ

Положение V. Личность – не только выражение своего положения в системе социальных отношений, т.е. своего социального статуса, но она сама определенным образом относится к своему социальному окружению, что и образует систему аттитюдов личности.

Личности не только отведено некоторое место в системе общественных отношений, но она сама находится, а вернее, устанавливает определенные отношения к социальным институтам, нормам и ценностям, окружающим людям. Этот субъективный момент человеческих отношений образует систему социальных аттитюдов личности. Аттитюды в отечественной социальной психологии обозначаются термином "фиксированная социальная установка" [36].

Думается, что для терминологической чёткости целесообразно пользоваться термином "аттитюд", имея в виду разграничение первичной и фиксированной установки. Мы не будем настаивать на жестком выборе по принципу "или-или" и будем пользоваться терминами "аттитюд" и "социальная установка" как синонимами, однако сразу же определим основание необходимости разграничения этих понятий от понятия первичной установки в понимании Д. Н. Узнадзе: первичная установка является центральным детерминантом конкретного поведения и она представляет собой определенную целостность факторов внутреннего и внешнего порядка, а фиксированная социальная установка (аттитюд) является одним из составляющих наряду с другими внутренними факторами целостной структуры первичной установки; между первичной установкой и аттитюдом существуют отношения типа "целое-часть": в формировании и возникновении первичной установки как целостного процесса модификации субъекта, фиксированная социальная установка выступает в качестве определенной части. Это положение более аргументированно будет представлено в дальнейшем изложении нашей теоретической

конструкции. На данном же этапе сосредоточим внимание на характеристике социальных установок (аттитюдов) личности.

В психологической литературе существуют многочисленные определения феномена социальной установки. Из этих определений одним из наиболее полным представляется определение, данное Д. Кремом, Р. С. Крачфильдом и Е. Балачи:

"Аттитюды – это долговременные устойчивые системы позитивных и негативных оценок, эмоциональных переживаний и тенденций действовать "за" или "против" по отношению к социальным объектам" [91, с. 36]. В данном определении налицо все те характеристики, одна часть которых по общему согласию присуща аттитюдам, а другая – остается предметом спора.

Установлены первичные показатели аттитюдов: свойства структурных компонентов аттитюдов (валентность, сложность, множественность); свойства аттитюда как системы – консистентность; свойства "созвездий" аттитюдов – их взаимосвязь.

Структурными компонентами аттитюдов являются когнитивный, аффективный (эмоциональный) и конативный (поведенческий) компоненты. Когнитивный компонент включает в себя суждения оценочного характера, мнения об объектах. На основе этих мнений объектам приписываются качества полезности-вредности, желательности-нежелательности, приемлемости-неприемлемости и т. д. Когнитивный компонент опирается на процесс установления познавательных отношений, однако в этом случае имеются в виду не причинно-следственные отношения, а сопоставление и соизмерение признаков объекта с целями человека, что характерно для ценностных суждений субъекта. Эмоциональный компонент включает в себя чувства относительно социального объекта: удовольствие – неудовольствие; симпатия – антипатия; любовь – ненависть и т. д. Некоторые авторы считают эмоциональный компонент сердцевиной аттитюда [79; 99; 100] и связывают с ним мотивирующую функцию социальной установки. Конативный компонент – готовность к действию – включает в себя тенденции готовности к поведению относительно социальных объектов. Конативный компонент означает готовность к действию и не перекрывает реальное поведение. Хотя подчеркивается важность аттитюда в реальном поведении, однако оговаривается различие между открытым поведением и латентным состоянием диспозиции к действию. Как отмечается во многих исследованиях, реальное поведение, кроме установки, детерминировано внешними физическими или социальными факторами. Так, М. Фишбайн показал, что в формировании намерений поведения аттитюд выполняет одну из функций наряду с нормативным требованием социума и стремлением индивида учитывать эти требования [79].

Выше, при рассмотрении вопроса о соотносимости полюсов "заданности статуса-создаваемости статуса", мы уже пытались показать значение факторов нормативных требований социума и стремления индивида для определения конкретных возможных видов статусных состояний личности. В других пунктах нашей концептуальной системы в дальнейшем изложении мы неоднократно будем соотносить момент требования социума с индивидуальным стремлением. Этим мы хотим подчеркнуть, что указанное соотношение служит не только определению намерения поведения по М. Фишбайну, но и установлению возможных паттернов взаимодействия личности с социальным окружением.

Как эмоциональный, так и когнитивный и конативный компоненты характеризуются валентностью и сложностью. Валентность означает полюса приемлемости – неприемлемости; сложность же означает количество элементов, входящих в компонент, и

их многообразие. Когнитивный компонент может быть простым – включать в себя минимум информации об объекте, или сложным – включать в себя богатую информацию о нем. Эмоциональный компонент может быть нерасчлененным, диффузным, а в другом случае включать в себя множество чувств (любовь, уважение, восхищение, близость). Тенденция к действию также может включать в себя простые акты поведения или сложные действия, соподчиненные по их инструментальной ценности. Совокупность всех аттитюдов личности образует констеляцию аттитюдов. Внутри констеляции некоторые установки обособлены, а другие образуют определенные "созвездия". Внутри "созвездия" установки более взаимосвязаны, и они отделены от других аттитюдов. Взаимосвязанность "созвездия" аттитюдов означает их взаимную совместимость и взаимосогласованность. Аттитюды взаимосвязаны настолько, насколько у них имеются сходные (1) референты (объекты) и (2) валентность. Сходство в референтах определяет взаимосвязь аттитюдов, основанную на логике предметов внешнего мира. Сходство в валентности – основа субъективного сходства. Аттитюды, объединенные в "созвездия", могут быть распределены по принципу центральности и периферийности. Чем более центральны установки, тем более они стабильны. Они резистентны к изменениям. Такие установки имеют большой "личностный вес" и определяют стабильность личностной ориентации.

Мы попытались вкратце представить сложную палитру характеристик аттитюдов. Перейдем к изложению наших соображений о возможных способах или модусах функционирования системы аттитюдов личности.

Являясь вторым важным компонентом структуры личности, аттитюды указывают на сущность и степень значимости для субъекта того или иного социального объекта или классов объектов. Они выступают в качестве ориентиров жизнедеятельности личности в мире. Следует учесть, что сфера реальности, в которой происходит формирование, стабилизация и смена аттитюдов – это отношения внутри системы "личность – социальный мир". В свете этого положения представляется перспективным изучать механизмы формирования, стабилизации и смены социальных установок в плане дифференциации отношений типа субъект – объект (субъект – объектное отношение) и субъект – субъект (субъект – субъектное или интересубъектное отношение). Различия между указанными видами отношений, специфика каждого из них в советской психологической науке четко указаны Б. Ф. Ломовым [30]. К. А. Абульхановой-Славской [7], Ш. А. Надирашвили [36] и др.

Реализуя такой дифференцированный подход, в первую очередь, следует проставить вопрос: на что может быть направлен аттитюд, что является возможным объектом установочного отношения (или "отношения к...")? В первом положении было предложено следующее деление: отношения (1) к вещам, (2) к другим людям и (3) к самому себе. Далее нужно показать, каковы особенности отношений человека к предметному миру и к другим людям. Именно вопрос об этих особенностях затрагивается в работах Б. Ф. Ломова и других авторов, с разных теоретических позиций описывающих сущность субъект-объектных (S—O) и субъект-субъектных (S—S) отношений человека. Учёт тех же особенностей создает благоприятную почву для описания характеристик установок и обоснования идей об их иерархическом строении, что хорошо демонстрируется в трудах Ш. А. Надирашвили [36].

Однако это лишь первый шаг в анализе природы социальных установок с учётом плоскостей субъект-объектных и субъект-субъектных отношений человека к миру предметов и людей. Углубленный анализ вопроса наталкивает на мысль рассмотреть сами установки к (1) вещам, (2) другим людям и (3) самому себе сквозь призму субъект-объектного и субъект-субъектного подходов самой личности к реальности*. Основная

идея такого анализа заключается в том, что субъект-объектность и субъект-субъектность характера отношения к миру обуславливается не только тем, что предметом установочного отношения является внешний объект или другой человек. Иными словами, дифференциация указанных типов отношений не определяется лишь только тем содержанием, которое исходит из самого предмета установочного отношения: кроме предметной стороны установки, источником такого деления на субъект-объектные и субъект-субъектные отношения может служить модус подхода самого субъекта к вещам и людям. Человек может относиться к другому человеку так же, как он относится к вещам, или, напротив, он может смотреть на определенные вещи персонализированным способом – будто он общается с людьми. К вещам, как и к людям, человек может иметь и субъект-объектные и субъект-субъектные отношения. * Отношение к себе (самоотношение) под указанным углом зрения будет рассмотрено в последующем (VI) положении. Здесь лишь отметим, что слово "вещь" в данном контексте может означать широкий круг аттитудных объектов, начиная от явлений природы и предметов домашнего обихода и кончая символическими и идеальными объектами, произведениями искусства или социальными институтами и нормами.

Из сказанного следует, что характер субъект-объектности или субъект-субъектности отношений человека к миру можно определить на основе соотношения двух плоскостей рассмотрения: 1) на что направлена установка (отношения к (а) вещам или (б) людям) и 2) каков модус подхода самого субъекта к реальности (субъект-объектный или интерсубъектный). Интеграция этих двух плоскостей видения даст нам возможность еще более углубиться в анализ содержания и форм установочного отношения личности к миру. С целью такого интегрированного рассмотрения обратимся к уже знакомому нам способу взаимовращения осей с противоположными полюсами. Представим две оси, одна из которых изображает оппозицию "вещи – люди", а другая – противоположные модусы подхода субъекта к реальности (оппозиция "субъект-объектные отношения – субъект-субъектные отношения").

В изображенной схеме представлены четыре возможных типа отношения личности к вещам и людям:

Субъект-объектное отношение к вещам (S—o—O);

Субъект-объектное отношение к людям (S—o—P);

Субъект-субъектное отношение к вещам (S—s—O);

Субъект-субъектное отношение к людям (S—s—P).

Дадим краткое их описание.

1. Субъект-объектные отношения к вещам (S—o—O)

Субъект-объектность характера отношений в данном случае определяется как объектом установки, так и модусом подхода самого субъекта к вещам: человек обращается с вещами (объектами) именно как с объектами и в этом смысле способ отношения субъекта релевантен объекту установочного отношения. Здесь можно говорить об овеществленном отношении к вещам. Субъект-объектное отношение к объекту (вещам) может быть познавательным, манипуляторным, инструментальным, потребительским и т. д. Сами

объекты при этом могут иметь потребительскую и меновую, терминальную и инструментальную, информационную и др. ценность. Возможно также предпринять попытку описания субъект-объектного отношения к вещам с учётом трехкомпонентного строения аттитюда.

Когнитивный компонент. Индивид может смотреть на определенный предмет с точки зрения его полезности, пригодности, соотносимости с актуально возникшей или со "знаемой" потребностью (предвосхищение или учетывание будущих нужд) и т. д. При субъект-объектном отношении к вещам познавательная активность строится по принципу противопоставления субъекта объекту. На основе акта объективации [55] сознанию презентуются отдельные качества предмета или их комплекс; предмет соотносится с потребностями субъекта и его целями, а также с возможностями (средствами) их достижения. При этом возможности (средства) могут быть как внешне-ситуационными, так и внутренне-психологическими или психофизическими. Таким образом, объект (вещь) приобретает определенную ценность или значимость для субъекта. Валентность, относящаяся к когнитивной стороне установочного отношения, выражается в терминах полезности, выгоды, качества (хороший – плохой, новый – старый и т. д.), целесообразности или необходимости приобретения и т. п.

Однако для определения ценности (значимости) данного предмета или явления недостаточно соизмерить его с потребностями, целями и возможностями индивида: необходимо данный объект соотнести с другими предметами или явлениями и рассмотреть его в широком контексте межобъектных соотношений. Это, в свою очередь, связано с тем измерением когнитивного компонента установки, которая определяется как сложность.

Эмоциональный компонент. При субъект-объектном отношении к вещам эмоциональные переживания удовольствия – неудовольствия, принятия – отталкивания и т. д. отражают процессы реального или потенциального удовлетворения – фрустрации потребности субъекта. Одни предметы могут иметь эмоционально-притягательную, а другие – эмоционально-отталкивающую силу; субъект может также испытывать амбивалентные эмоциональные отношения к той или иной категории вещей. При эмоционально-аттитюдном отношении к определенной вещи в ракурсе субъект-объектного к ней подхода со стороны субъекта на передний план выступает тот момент, что вещь является объектом т. н. субстанциональной потребности [54] и главной движущей силой субъекта выступает импульс овладения им. Вещи могут иметь для субъекта инструментальную ценность в отношении определенных терминальных ценностей и в таком случае их овладение, а также связанные с этим эмоционально-положительные переживания, контролируются и регулируются терминальными ценностями. Например для лица, терминальной ценностью которого является приобретение знания и информационное "обогащение" (или намерение сдать экзамен), та или иная книга или ее приобретение может вызвать положительные эмоции, связанные с получением новой информации. Для такого человека книга после ее прочтения может "утерять" предыдущую эмоциональную валентность. Однако вещи и их приобретение могут выступать в качестве терминальных ценностей. В таком случае "вещизм" и потребительская установка "иметь" отражаются во всех тех эмоциональных настроениях, которые могут быть присущи "товарному фетишизму".

Конативный компонент. Конативный компонент субъект-объектного отношения к вещам может выражаться в диспозиции к потребительскому, манипуляторному, утилитарному и т. п. обращению с вещами и проявляться в соответствующих поведенческих актах.

2. Субъект-объектное отношение к людям (S—o—P)

Сходство данного типа отношения с предыдущим заключается в субъект-объектности подхода самого субъекта к аттитюдному объекту, а различие определяется тем, что здесь объектом установочного отношения выступает не вещь, а другой (другие) человек (люди). Субъект относится к другому субъекту (или субъектам) как к объекту (вещам). Этот тип отношений можно квалифицировать как овеществление межчеловеческих отношений. Другие в таком случае рассматриваются как объекты потребительского, инструментального, манипуляторного и утилитарного подхода.

Сущность этого типа отношений раскрыта в марксистском анализе феномена отчуждения. В философско-антропологической и социологической литературе не раз подвергался острой критике овеществленный характер межчеловеческих отношений в обществах современного капиталистического мира. Реификация или овеществление человеческой природы в позитивистски ориентированных учениях предстает в качестве методологического требования [58]. Дюркгеймовское учение о "социальных фактах как вещах" отражает то важное обстоятельство, что субъект-объектное отношение к людям вышло далеко за рамки индивидуального сознания и, отражая общий дух эпохи, нашла свое выражение в научно-методологической установке в сфере наук о человеке. Критика экзистенциалистами, феноменологами и философами франкфуртской школы гносеологической позиции субъект-объектного изучения человека, неоднократно прозвучавшая также в работах представителей гуманистической психологии, наиболее полно выразилась в антисциентистской направленности духовного поиска: сциентизм, превращая субъекта в объект исследования, манипулируя им и овеществляя его природу, "умерщвляет" живую ткань человеческой субъективности, его внутреннего мира. В нашу задачу не входит детальный анализ этих общеметодологических и философско-антропологических проблем. Мы хотим здесь обратить внимание лишь на подход конкретной личности к другому человеку (людям) в процессе реально-жизненного социального взаимодействия, а не на методологический подход ученого-человековеда к объекту исследования.

Межчеловеческие отношения в классово-эксплуататорских формациях неминуемо овеществляются на уровне глобально-общественных отношений. Например, в рабовладельческом строе раб рассматривался в качестве неодушевленной, вещи или домашнего животного, а в римском праве раб (res) означал "вещь". Существует целая технология управления и манипулирования сознанием людей, рассматриваемых в качестве объектов среди других объектов. Овеществление другого в межличностных отношениях может доходить до такой крайности, когда переступаются всякие границы жестокости. В известных опытах С. Милгрема [28] испытуемые, действуя на основе абстрактно-высокой идеи ценности науки и служения ей, были способны подвергать других испытуемых ("жертв") электрошоку весьма высокой силы. Однако же не следует преувеличивать дегуманизованность характера субъект-объектных межчеловеческих отношений. Осуществление высоких гуманных целей во многих видах человеческой деятельности непосредственно связано с указанным способом отношения к другому человеку. Например, сущность многих психотерапевтических методов воздействия терапевта на пациента можно отнести к разряду субъект-объектных отношений (гипноз, внушение, бихевиоральная терапия и т. л.). Более того, профессия хирурга, например, во время хирургической операции полностью исключает субъект-субъектное отношение к личности оперируемого (вероятно этим и объясняется тот факт, что многие хирурги психологически не в состоянии оперировать собственного ребенка).

В социальных группах с высоким уровнем формализации обычно преобладает указанная разновидность межлических отношений. Однако субъект-объектный способ взаимодействия с другим часто наблюдается также в сфере неформальных межлических отношений. Начиная от простых и кратковременных ситуаций общения (беседа, дискуссия и т. д.) и кончая долговременной эмоциональной привязанностью или совместной деятельностью – на всех уровнях межлических отношений можно обнаружить характеристики двустороннего или одностороннего субъект-объектного взаимодействия. В психоконсультационной и психокоррекционной практике нам регулярно приходится подвергать анализу систему субъект-объектных отношений консультируемого лица (клиента) с другими или других к нему. При этом дается анализ как реальных, так и желаемых со стороны клиента образцов отношений. Подобный анализ включает следующие моменты: (1) относится ли консультируемый субъект-объектным образом к другим (близким) людям; (2) характерно ли для самого клиента быть объектом субъект-объектных отношений со стороны окружения; (3) заключается ли запрос консультируемого в адрес консультанта в том, чтобы тот субъект-объектным образом воздействовал на него ("сделайте со мной что-либо, измените или переделайте меня"). Сверх того, анализу подвергаются случаи переноса, когда клиент транспонирует свойственный ему субъект-объектный способ отношения к определенным лицам на личность консультанта. В практике нередко можно наблюдать случаи, когда консультант в глазах клиента приобретает инструментальную ценность для того, чтобы с его помощью, например, воздействовать на лицо, вовлеченное с ним в конфликтные отношения. В таком случае клиент может пустить в ход весьма хитроумные способы манипулирования поведением психоконсультанта.

Субъект-объектный характер межлических отношений особо наглядно наблюдается в семейной психотерапии и психоконсультации. Конфликтные супружеские отношения часто манифестируют взаимный утилитаризм сторон или устремленность мужа (жены) утвердить себя путем давления на партнера. Субъект-объектные отношения в семье могут не ограничиваться супружескими отношениями: взаимодействие между родителями и детьми тоже могут быть субъектно-объектными.

Так, в литературе неоднократно описывалось как сверх-контроль матерью поступков ребенка или супер-опекающее к нему отношение выступает средством для удовлетворения личных потребностей или для снижения внутренней тревоги и т. д.

Теперь попытаемся охарактеризовать социальные установки типа субъект-объектных отношений к людям по содержанию их трехкомпонентного строения.

Когнитивный компонент. Познавательная активность. Присущая субъект-объектным отношениям, в межлюдском познании строится по образцу того, как человек познает другие предметы (вещи) внешнего мира: анализ и синтез полученной информации о человеке, заключение об определении личностных черт или поступков другого. Важным моментом тут выступают оценочные суждения и соотнесение личностных черт другого с потребностями и ценностями самого субъекта. В этом смысле другой человек может презентироваться сознанию субъекта в плане полезности, приемлемости, нужности, важности, значимости и т. д. На основе утилитарных и соответственно субъект-объектных отношений к другому (другим) оценочные суждения меняются в соответствии с удовлетворением (гратификацией) или фрустрацией потребности субъекта: субъект-объектность отношений не всегда гарантирует объективность суждений о другом человеке, напротив, часто именно оно способствует определенной субъективности и предвзятости в этой сфере".

Эмоциональный компонент. Содержание, интенсивность и глубина конъюнктивных и дизъюнктивных чувств к другим людям при субъект-объектном к ним отношении определяется теми потребностями субъекта и состояниями их удовлетворения – неудовлетворения, на основе которых устанавливается связь с этими другими. Это тот случай эмоциональных отношений, когда симпатия и привязанность к другому испытывается постольку, поскольку тот является непосредственным объектом удовлетворения личных (и в некотором смысле эгоистических) потребностей субъекта, либо же способствует такому удовлетворению. Наглядным примером такого отношения, вероятно, является т. н. эгоистическая любовь (любовь "для себя"). Целевая направленность "для себя" является стержневым моментом субъект-объектных эмоциональных отношений к другому, а импульс овладения и мотивация "иметь" выступают в качестве источников возникновения тех или иных эмоциональных состояний.

Конативный компонент. В качестве поведенческой готовности при указанном способе отношения к другому налицо тенденция воздействия на другого, манипуляции его сознанием и поведением, навязывания ему своих мыслей и тем самым "ассимиляция" другого, контроля его поступков и "овладения" им и т. п. В плане характеристик взаимодействия с другим человеком здесь налицо определенная монологичность общения [12; 13].

3. Субъект-субъектное отношение к вещам (S—s—O)

Этот тип отношений сходен с субъект-объектным отношением к вещам лишь тем, что объектом установки в обоих случаях выступает вещь. Различие между ними заключается в модусе отношения самого субъекта к вещам. Субъект-субъектный модус отношения в данном случае означает то, что предмет (вещь) "очеловечивается", персонализируется, с ним устанавливается диалогический тип общения. Примером может служить общение маленькой девочки с куклами. Анимизм свойственен не только первобытному мировосприятию, но репрезентации реальности в детском возрасте [102]. Однако анимистическое рассмотрение вещей свойственно не только детскому возрасту, многочисленные примеры из повседневной жизни взрослых и художественного восприятия мира (иллюстрациями того служат гениальные произведения грузинского поэта Важа-Пшавела) с разных сторон рисуют нам образцы субъект-субъектного отношения к неодушевленным предметам, символам, нормам, явлениям природы и т. д. Человек, для которого служение истине и красоте является терминальной ценностью может общаться с определенным научным, религиозно-философским или художественным текстом как с живым существом. Примером такого общения служат некоторые пассажи из произведения Т. Манна "Иосиф и его братья", в которых писатель не только и не столько из художественных соображений демонстрирует, что он обращается к библейскому сюжету как к некоторому живому существу, который сам о себе рассказывает. Для истинного эстета шедевр живописи является живым источником субъект-субъектного к нему отношения тогда как для коммерсанта то же произведение представляет собою неодушевленную вещь, имеющую огромную материальную ценность. Существуют даже попытки гносеологического осмысления указанного типа установки и преувеличения возможностей субъект-субъектного познавательного отношения к неживой природе. Таковой, например, является идея Ж. П. Сартра о психоанализе вещей [105].

Можно охарактеризовать содержание трехкомпонентного строения рассматриваемого типа установки.

Когнитивный компонент. Познавательная активность при субъект-субъектном отношении к вещам (явлениям природы, предметам обихода, символам культуры, социальным институтам и нормам и т. п.) строится по принципу наделяния их чувствами (боль, радость, обида, симпатия, печаль и т. д.), рациональностью (думать, предполагать и т. д.), мотивированностью (хотение, желание, стремление и т. д.) и другими атрибутами психической жизни человека. Такая "антропоморфная" познавательная позиция особо наглядно выступает в отношениях человека к животному миру. Она может иметь место и в обращении человека к растениям. Субъект-субъектное отношение к символам культуры особо наглядно вырисовывается в сфере духовной активности человека. Произведения искусства в той же мере требуют от личности особых актов вникания в них и их понимания посредством диалого-познавательной позиции относительно к тексту, как и понимание внутреннего мира другого человека. Не только авторское отношение к герою может быть диалогичным [13], но и отношение читателя – "потребителя" художественного текста – к изображаемому в произведении персонажам может быть субъект-субъектным. Образы художественной литературы или живописи оживляются в индивидуальном сознании; они до такой степени могут наделяться атрибутами реальной жизненности, что свое индивидуальное поведение личность может соотнести скорее с каким-либо персонажем искусства, как представителем референтной группы. При определенных психических нарушениях (необязательно галлюцинаторных) доминирование такого субъект-субъектного отношения к образам литературных произведений доходит до крайности, и личность в определенной степени теряет связь с реальностью.

Случай 2. Из нашей психокоррекционной практики мы можем сослаться на один случай анализа личностных коллизий М. П., девушки 16 лет, имеющей большие трудности в общении с родителями и со сверстниками. Она часами могла рассказывать о героях своих любимых литературных произведений. При этом она рассказывала о них не так, как рассказывают об образах и персонажах, действия которых вплетены в сюжетную ткань произведения, а скорее как о живых людях, населяющих ее жизненное пространство. Она прекрасно понимала, что подобное общение с литературными персонажами плод ее воображения, однако предпочитала такое, воображаемое общение с реально неживыми, но внутренне-психологически одушевленными существами и на этой основе, блокировала импульсы общения с реальными людьми, окружающими ее.

Отношение человека к природным явлениям, космосу, планетам – в определенные эпохи определялось антропоморфным взглядом на природу. Космос был населен бого-людьми, а планеты и многие природные явления наделялись атрибутами человеческой жизни. Человек, относясь к небесным телам субъект-субъектным образом, когнитивно определял и пытался предсказать события личной жизни. Например, в поэтическом обращении Автандила к небесным светилам в "Витязе в тигровой шкуре" гениального Шота Руставели раскрывается миропонимание персонализированной вселенной, место человека в которой определяется не субъект-объектным противопоставлением себя природе, а субъект-субъектным единством с природой.

При субъект-субъектном отношении к вещам в когнитивной матрице установки нет акцента на мотивационный источник "иметь", как это обычно имеет место при субъект-объектном типе отношения к вещам. Поэтому при данном типе установки когнитивная валентность определяется не столько в понятиях "полезен – бесполезен", "нужен – не нужен" и т. д., сколько в такого рода суждениях, в которых указывается, что субъект посредством особого акта понимания вникает в сущность объекта, "антропоморфным" образом объясняет причину действия и взаимодействия вещей, наделяет внечеловеческие явления нравственными категориями добра и зла и т. д.

Эмоциональный компонент. Эмоции и чувства при рассматриваемом модусе отношения к вещам определяются характером тех потребностей, которые могут возникнуть при субъект-субъектном подходе к вещам также определяются процессом или результатом их удовлетворения – неудовлетворения. Эмоциональная привязанность к вещи в этом случае персонализирована, а потеря такой "очеловеченной" вещи переживается не как потеря полезного, пригодного или нужного предмета, а как потеря какой-то части собственного "Я".

Конативный компонент. Поведенческая диспозиция при субъект-субъектном отношении к предметам может выражаться в особом типе бережливого и "заботливого" обращения с ними, ухода за ними как за человеческими существами и т. д. Примером тому может служить способ ухода за книгами истинного библиофила в отличие от лица, извлекающего из книг определенную материальную выгоду.

4. Субъект-субъектное отношение к людям (S—s—P)

Этот тип отношений можно назвать интересубъектным. Другой (другие) в этом случае репрезентирован перед "взором" субъекта не в качестве объекта (объектов) рассмотрения, а как себе подобное существо – человек, в равной степени наделенный живой субъективностью. Отношение к другой личности персонализировано. Другой человек здесь выступает в качестве конечной цели, а не средством для достижений определенной личной цели. Инструментализм и утилитаризм в этом случае заменяется определенным бескорыстием и альтруизмом. Манипуляторный подход к другому, свойственный субъект-объектному типу отношений, уступает место заботе о повышении уровня персонализированности другого путем стимулирования в нем тенденции роста, самостоятельности, самореализации, саморазвития и т. д. Если при субъект-объектном типе отношения основной целью субъекта является воздействие на другого человека, "ассимиляция" и "подгонка" его поступков и взглядов в рамки собственных намерений и картины мира, то при интересубъектном типе отношений признается индивидуальность другого, его автономность и право на собственный голос. Межличностные субъект-субъектные отношения, как выразился М. М. Бахтин [12], многоголосны. Участник субъект-субъектного типа общения стоит перед двумя задачами: с одной стороны – понять партнера, проникнуть в его внутренний мир и увидеть его "каким он есть в самом деле"; с другой стороны, он стремится быть адекватно понятым со стороны партнера общения. Аутентичность коммуникации – важнейшее условие (а также результат) субъект-субъектного межличностного взаимодействия. Личность, субъект-субъектным образом относящаяся к другому, стремится, чтобы и к ней относились тем же способом. На этой основе она приводит в действие не только особые акты понимания внутреннего мира другого, но и акты самопонимания. Нужно отметить, что понимание самого себя осуществляется посредством и в процессе функционирования того механизма, который Э. Гоффман определяет как представление себя другому [86]. Такое самопредставление другим является той частью активности личности, которая направлена на то, чтобы тем или иным способом подавать себя социуму. Личность значительно углубляется в своем самопонимании, когда представление себя другому реализует его стремления "быть самим собой" и "быть понятым другим". Осуществляя в своем взаимодействии с социумом стратегию "быть самим собой" и "быть понятым другим", личность глубже и адекватнее начинает понимать себя, мотивы своих поступков, свои отдельные личностные качества и т. д.

Анализ субъект-субъектного типа межличностного отношения привлекает внимание философов, психологов, социологов, литературоведов. Философское осмысление этого

типа отношений представлено в феноменологии Э. Гуссерля [90]. Однако наиболее ярким воплощением субъект-субъектного подхода к другому человеку явился метод недирективной, центрированной на клиенте, психотерапии [104].

Центрированная на клиенте психотерапия, как известно, рассматривает личность человека как изначально позитивное и просоциальное существо. Технической стороне психотерапии (например, анализу бессознательного, внушению и т. п.) здесь фактически отводится весьма незначительное место. Главный акцент в роджерсовской недирективной психотерапии ставится на взаимоотношения консультанта (психотерапевта) и клиента. Консультант не манипулирует сознанием клиента и не отчуждается от него (как, например, это имеет место в классическом психоаналитическом методе, имеющем в целом субъект-объектный характер). Взаимоотношение консультант-консультируемый носит доверительный характер, оно строится на "безусловно" позитивномприятии личности клиента. Уважение его индивидуальности, принятие клиента "каким он есть", готовность видеть мир и события его глазами, эмпатия и "вчувствование" в мир его переживаний, взаимная личностная "прозрачность" дает возможность человеку получить уникальный опыт межличностного общения. К. Роджерс различает три разновидности познания реальности человеком: 1) "субъективное" знание, проверяемое путем сопоставления определенного события с содержанием внутреннего опыта; 2) "объективное" знание, верифицируемое сопоставлением определенной информации с нормативным знанием группы, к которой принадлежит индивид; 3) "межличностное" или феноменологическое знание, базирующееся на сопоставлении моего знания со знанием другого в том пункте, что и как тот знает обо мне [41]. Именно в плане такого феноменологического межличностного знания, переживания "Я" другого и самопонимания обогащается консультируемый в процессе роджерсовской психотерапии, являющейся олицетворением субъект-субъектного подхода со стороны консультанта к консультируемому.

Наш собственный опыт психоконсультационной и психокоррекционной работы убеждает, что на практике существуют определенные трудности осуществления стратегии субъект-субъектного подхода к консультируемому. Эффект и высококачественность проделанной психологом работы во многом определяется преодолением этих трудностей. Их суть заключается в том, что обращающиеся к психологу-консультанту лица чаще проявляют устойчивые субъект-объектные отношения к окружающим людям и к самим себе. На первых психоконсультационных сеансах клиент проявляет тенденцию переноса такой субъект-объектной установки на психолога. В частности, в своем запросе психологу консультируемый демонстрирует либо готовность быть объектом манипулирования ("сделайте со мной что-либо"), либо же желание того, чтобы психолог субъект-объектным способом воздействовал на того из ближайших ему людей – (супруга, ребенка...) воздействовать на которого сам он уже не в силах ("сделайте с ним что-либо"). В процессе дальнейшего общения с консультантом клиент может объединить эти два отдельных пункта, фигурируемых в изначальном запросе. При таком подходе клиента к психоконсультанту этот последний пытается перевести отношения на субъект-субъектный лад. В такой ситуации общения налицо определенное противоречие: от психолога со стороны клиента ожидается субъект-объектная стратегия общения, да и отношение к психологу "потребительское", психолог же совершенно по-иному подходит к клиенту, не манипулирует им, не "отчуждает" его от себя и не относится к нему как к простому "объекту рассмотрения"; напротив, консультант признает и принимает индивидуальность клиента, глубоко вслушивается в его голос без навязывания собственного, пытается понять сущность мира переживаний консультируемого, одновременно избегая всякой (порой банальной) оценки или совета. Зафиксированная субъект-объектная установка клиента к консультанту в такой ситуации не сразу дефиксируется; напротив, клиент,

несмотря на общий позитивный настрой, вызванный получением необычного и уникального опыта межличностного общения, время от времени пускает в ход такие паттерны взаимодействия, которыми он пытается как бы вовлечь консультанта в желаемое (субъект-объектное, манипуляторное) русло общения. Процесс внутреннего принятия субъект-субъектной позиции к себе и другому (в том числе и консультанту) является процессом сложным, требующим определенной перестройки сложившихся установок субъекта.

Когнитивный компонент. Основным когнитивным процессом при субъект-субъектном подходе к другому человеку является понимание. Интенция на понимание отодвигает на задний план прагматические цели индивида: когнитивная активность в данном случае не нацелена на получение какой-то пользы, другой человек не рассматривается в качестве средства для достижения субъективной цели; понимание осуществляется не ради какой-то гетерогенной, вележащей для данного психического акта цели или потребности, а напротив, оно разворачивается на основе имманентного источника мотивации: оно как бы выступает терминальной и самодостаточной субъективной ценностью. Этот процесс характеризуется постижением субъективных значений или "личностных смыслов" другого человека, взаимодействующего с субъектом. Установка на понимание, приятие индивидуальности другого и аутентичного осмысления мира его переживаний определяет толерантность к противоположным мнениям, "открытость" когнитивных схем в области межличностного познания и их выраженную пластичность, некатегоричность в суждениях и способность вникать в виртуальные процессы и состояния душевных движений другой личности. Способность видеть мир глазами другого – ведущая способность при субъект-субъектном общении с другим. Такая децентрация от собственного "Я" ведет к открытию, с одной стороны, мира внутренних переживаний другого и, с другой стороны, мира возможных состояний вообще. Слово "открытие" ко многому обязывает и, возможно, здесь оно звучит слишком радикально; поэтому мы будем более точными, если применим слово "вновь открытие" или же нашему утверждению придадим менее радикальный смысл, отметив, что подобная децентрация имеет своим следствием значительное расширение диапазона видения мира возможного. В этом плане можно было бы выдвинуть гипотезу, согласно которой в онтогенетическом развитии ребенка внутреннее освоение идей возможности и вероятности тесно связано с появлением и дальнейшим функционированием умения встать на позиции другого человека или, если говорить в терминах символического интеракционизма, принять роль другого. Однако в настоящий момент проверка этой гипотезы выходит за рамки задач данного исследования. В контексте наших рассуждений, вероятно, достаточно указать на одно наше наблюдение из психоконсультационной практики: существует функциональная связь между улучшением состояния личности и расширением ею диапазона приемлемости разных возможных вариантов поведения, ранее неадекватно блокированных и "вытесненных". Субъект-субъектные взаимоотношения консультанта и консультируемого приводят к актуализации в клиенте внутренних резервов преодоления критических жизненных ситуаций путем инсайтных постижений возможных (до этого неосознаваемых или осознаваемых, но неприемлемых) поступков или средств решения определенных трудностей; тем самым происходит определенная реорганизация субъективного опыта, актуальное переживание неразрешимости жизненной задачи вписывается в широкий контекст возможных линий поведения и виртуальных состояний взаимодействия личности с социумом. Расширение содержания возможного "Я", репрезентация реального – "Я" во взаимосвязи с широким кругом представляемых и допускаемых возможных жизненных событий – такова одна из когнитивных характеристик субъект-субъектного типа межличностных отношений. Позитивный смысл выражения "Я человек и ничто человеческое мне не чуждо" становится внутренним достоянием личности по мере того, насколько к ней относятся

интерсубъектным способом и, насколько ее аттитюды к другим и самой себе выражают субъект-субъективность характера отношений.

Эмоциональный компонент. Эмоциональный компонент субъект-субъектной установки к другому человеку определяется тем, что основным эмоциональным процессом, сопутствующим интерсубъектному межличностному общению, является эмпатия, сочувствие, сопереживание, эмоциональный резонанс, сострадание и т. п. Конъюнктивные и дизъюнктивные чувства к другому в данном случае не определяются тем, что другой может выступить средством удовлетворения субъективной потребности. При интерсубъектной установочной интенции к другому центром возникновения эмоциональных переживаний является не "Я" (или "мое") субъекта, а внутренний мир другой личности. Поэтому эмоциональная валентность установки к другому, выраженная симпатией, любовью, уважением и т. п., здесь характеризуется определенной "безусловностью", "незаинтересованностью" и даже бескорыстием. Можно сказать, что наиболее детально эмоциональный компонент субъект-субъектного межличностного общения изучен в работах, посвященных психологической сущности эмпатии. Эмпатические межличностные взаимоотношения основываются на чувстве тождественности с другим, взаимной межличностной идентификации.

Попытаемся еще более чётко проанализировать эмоциональный компонент субъект-субъектного типа отношения человека к человеку. Для этой цели наиболее удачным представляется указание на различия между субъект-объектной и субъект-субъектной установок к другому (другим) по источнику мотивации, определяющие содержание эмоционального сопричастия в каждом отдельном случае: если мотивационным источником субъект-объектного отношения является стремление "иметь" ("владеть"), то при субъект-субъектном отношении к другому в этом качестве выступает побуждение "быть" в своих дифференцированных смысловых значениях, таких как "быть с другим" и "быть для другого".

Конативный компонент. Поведенческая готовность при субъект-субъектной установке к другому выражается в интенции на диалогическое общение, слушании "голоса" другого (установка слушать здесь как бы берет верх, над установкой "видеть"), оказании помощи в случае определенных затруднений, альтруистическое поведение.

* * *

Итак, мы рассмотрели четыре исходных возможных типа установок личности к вещам и людям. Однако эти возможные варианты установочных отношений в силу их взаимоизолированного рассмотрения представляются абстрактными возможностями, выступающими в качестве опорных пунктов для выявления более конкретных форм отношения человека к действительности. Для такой конкретизации мы предлагаем представить конкретные комбинаторные варианты соотношения отдельных исходных абстрактно-возможных типов установок человека. При таком комбинаторном анализе отдельные разновидности установочных отношений рассматриваются в контексте их взаимосоотношений.

В итоге таких комбинаторных сопоставлений получаем 6 конкретных вариантов разновидностей установочного отношения (А, Б, В, Г, Д, Е). Рассмотрим каждый из выделенных вариантов подробно.

А. Субъект-объектные отношения к вещам и людям (S—o—O, S—o—P). В данном случае налицо такая ситуация, когда человек реифицирующим образом относится как к вещам, так и людям. Основной подход к реальности – манипуляторный; отношение к миру полностью "монологизировано", отчуждение реальности от личности достигает своей вершины. Обычно люди с такой тотально овеществляющей установкой относятся субъект-объектным образом не только к внешнему миру, но и к самим себе: отчуждение сопровождается самоотчуждением. Такие тенденции свойственны технократическому подходу к общественной и индивидуальной жизни. Технократичность в этом контексте понимается как способ отношения конкретной личности к миру, аналогичный тому, как понимается технократия в плане глобально-социального процесса или формы социального управления, базирующегося на абсолютизации роли науки и техники в управлении общественными процессами. Объективирующий подход личности к внешнему миру и другим людям при такой технократической установке определяет то, что манипуляторный подход к вещам и людям носит характер чётко (и жестко) организованной и рационально "рассчитанной" деятельности. Тотальное "овладение" реальностью, стремление властвовать над нею выступает главной движущей силой активности личности. Такой подход человека к действительности определяет ряд деформаций в межличностных отношениях.

Б. Субъект-объектные и субъект-субъектные отношения к вещам (S—o—O, S—s—O). В данном случае мы имеем дело с описанием того возможного варианта установки к вещам, когда налицо определенного рода двойственность (или амбивалентность) в модусе отношений. Объекты установки однотипны, однако модусы отношений субъекта к этим объектам разноречивы. Мы можем разграничить друг от друга два подвида таких возможных установочных состояний: 1) субъект к одним вещам относится субъект-объектным, а к другим – субъект-субъектным способом; 2) к одной и той же вещи субъект проявляет то субъект-объектное, то субъект-субъектное отношение. Так или иначе, в обобщенном виде такое положение дел означает, что на смену манипуляторно-потребительскому подходу к предметному миру приходит персонализирующее, "одушевляющее" отношение к нему.

В. Субъект-объектные отношения к вещам – субъект-субъектные отношения к людям (S—o—O, S—s—P). В рассматриваемом случае манипуляторно-потребительское отношение фокусируется на вещах, тогда как отношение к людям характеризуется субъект-субъектностью. В некотором смысле такого рода модусы отношений к вещам и людям характеризуются определенной адекватностью: субъект относится к вещам овеществляющим, а к другим людям – персонализирующим образом. Границы между отношениями к вещам и людям в данном случае чётко маркированы, способ видения мира отличается внутренней дифференцированностью и ясной структурированностью. Личность в таком случае просоциально ориентирована к людскому окружению, а ее инструментальный подход к предметному миру не идет вразрез с диалогичностью межчеловеческого общения: существует некоторое равновесие или гармония во взаимоотношениях человека с внешним миром, что несомненно имеет функциональную связь с повышением уровня самоуважения и самопрятия личности.

Г. Субъект-субъектные отношения к вещам – субъект-объектные отношения к людям (S—s—O, S—o—P). В данном случае способ установочного отношения к миру инверсирован относительно предыдущего (В) варианта: субъект-объектные отношения к вещам заменяются субъект-субъектным к ним отношением; а субъект-субъектные отношения к людям уступают место субъект-объектным к ним отношениям. При таком отношении к миру вещи персонализируются, а люди овеществляются. Наиболее крайне-патологическим примером такой ориентации может служить часто изображаемый

средствами искусства образ фашистского палача, для которого ничего не значат жизнь и страдания людей, тогда как стиль его отношения к любимым вещам (например, к произведениям искусства) более соответствовал бы отношению к другому человеку. Это, конечно, образец радикального искажения установок человека. В более мягкой форме такого рода инверсивные отношения часто наблюдаются в повседневной жизни, а в психоконсультационной практике нам не раз приходилось анализировать высказывания консультируемого, в которых проявлялось сосуществование манипуляторно-инструментального отношения к людям и персонализирующего подхода к вещам.

Д. Субъект-субъектные и субъект-объектные отношения к людям (S—s—O, S—o—P). В разбираемом варианте аттитюды по объекту направленности однотипны, а именно, они направлены на другого человека или других людей, однако модус направленности здесь имеет знак разноречивости и определенной двойственности или амбивалентности. Можно выделить два подвида подобных установочных состояний: 1) к одной категории людей личность относится субъект-субъектно, тогда как ее установка к другой категории людей имеет знак манипуляторно-инструментального подхода; 2) к одному и тому же человеку (или категории людей) личность устанавливает то диалогические и личностно-центрированные, то манипуляторно-инструментальные отношения. Такая установка порой наглядно "прощупывается" в психоконсультационной и психотерапевтической практике, когда психоконсультант, или психотерапевт пытается эклектически совмещать разные методы работы с личностью, одна часть которых квалифицируется как директивно-воздействующая, а другая является недирективной в плане межличностного общения врач-пациент или психолог-консультируемый. Каков же эффект такого методического эклектизма? Это особый вопрос, обсуждение которого выходит за рамки задач настоящего исследования.

Е. Субъект-субъектные отношения к вещам и людям (S—s—O, S—s—P). В данном варианте установочного отношения субъект-субъектный модус подхода к реальности генерализован: диалогическая и персонализирующая ориентированность, не являясь прерогативой межличностного общения, легко распространяется на способ отношения личности к предметному миру. Через призму такого аттитюда весь мир преломляется как очеловеченный. В данном случае налицо прямо противоположная описанному варианту (А) ситуация: если возможное установочное состояние, представленное вариантом (А) означает тотальное овеществление действительности, то в варианте Е представлено психологическое состояние полного одухотворения (вернее, одушевления) и очеловечения окружающего мира.

* * *

Итак, мы описали возможные варианты установок личности к миру людей и предметов. Одна и та же личность в своей жизнедеятельности может проявлять некоторые из них или их определенную комбинацию. При этом одни из указанных способов установочного отношения могут быть стабильно-доминантными, а другие ситуационно-проходящими. Такой подход позволяет составить дифференцированную картину об ориентациях человека в мире и строить на её основе конкретно-практическую психоконсультационную и психокоррекционную работу.

3. САМООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Положение 6. Личность – системообразование, не только имеющее определенный статус в системе социальных отношений и установочное отношение к социальному окружению, но и особым образом относящееся к самому себе и характеризующееся особым образованием – подструктурой самоотношения.

Некоторые авторы, характеризуя самоотношение в плане анализа природы самосознания, рассуждают примерно следующим образом: наряду с тем, что человек осознает свои отдельные стороны, самосознание еще включает определенное отношение к себе, выражающееся в самооценке личности и эмоциональном отношении к себе. Самоотношение при такой формулировке представляется как психологическое образование, расположенное или взаимодействующее с самопознанием, саморегуляцией и самоконтролем. Мы думаем, что такая формулировка имеет много слабых сторон: представляется, что способ отношения к себе не стоит в одном ряду с когнитивным, эмоциональным или регулятивным моментами самосознания; напротив, феномен самоотношения в качестве своих отдельных сторон включает самосознание, самопознание, самооценку, эмоциональное к себе отношение, самоконтроль, саморегуляцию, а понятие самоотношения* является родовым относительно понятий самопознания, самооценки и других подобных понятий, имеющих приставку "само" и отражающих широкий спектр феноменов внутренней жизни личности [45; 47]. Попробуем аргументировать эту мысль. * Здесь уместно отметить, что термин "самоотношение" мы впервые применили в 1974 г. [45], а до этого термин, насколько нам известно, не встречался в советской психологической литературе. В статье Ю. Н. Емельянова упоминается это обстоятельство. [20] В дальнейших наших работах этот термин регулярно употреблялся. В настоящее время многие авторы пользуются им. [48]

В I положении мы уже подчеркивали, что личность не является субстанциональным образованием, и модус ее существования определяется включенностью в социальные отношения и способностью самому устанавливать отношения к внешнему миру и к себе. Несубстанциональность природы личности означает, что человеческое "Я", его "самость" не являются самодовлеющей онтологической реальностью или абстрактной сущностью. Однако допустим условно субстанциональность природы "Я". Что из этого может вытекать? Такое допущение привело бы к признанию неисторичности природы личности и феномена "самости", их статичности и завершенности, к игнорированию момента развития и формируемости "Я". Подобное допущение равносильно постулированию того, что "Я" существует само по себе, а отношение к миру есть лишь внешнее проявление его имманентных сил и особенностей, внешнее проявление и не более того. К тому же пришлось бы постулировать дериватность системы отношения как таковой, ее онтологическую "эпифеноменальность", что можно было бы выразить следующим утверждением: существуют самостоятельные сущности – субъект и внешний мир (объект), которые между собой принципиально разъединены; между ними устанавливаются определенные отношения, которые выводимы либо из природы субъекта, либо из характеристик внешнего мира (объекта). Если в этом утверждении термины "субъект" и "внешний мир" заменить терминами "личность" и "социум", то получим аналогичное утверждение: личность, понимаемая в понятиях робинзонады, гетерогенна социуму и отделена от него, а связь между ними носит чисто механический характер и содержательно определяется либо природой личности, либо же социальными силами. В первом случае налицо имплицитная теория эманации: характер связи с социумом "истекает" из внутренней природы личности. Во втором случае абсолютизируется модель однонаправленной детерминации человеческой природы внешними социальными силами. Именно таковыми могут быть результаты указанного допущения. Поэтому следует четко определить, что сущность личности выводится из системы ее отношений, а не наоборот. Не особенности личности определяют характер связи субъекта с миром, а напротив – особенности такой связи обуславливают личностные характеристики.

Следуя логике такого рассуждения, можно заключить: "Я" существует постольку, поскольку оно является одновременно и субъектом и объектом отношения, самость – это способ отношения к себе; самоотношение конституирует самость. Однако такое утверждение сразу же требует оговорки, что самоотношение личности включено в качестве определенной подструктурной единицы в общую систему отношений человека, а с содержательной и функциональной точек зрения самоотношение теснейшим образом связано с особенностями отношения субъекта к внешне-предметному и социальному миру. При такой трактовке сразу же возникают два обобщенных вопроса: 1) Какова специфика самоотношения и чем оно отличается от способа отношения личности к внешнему миру? 2) Что же является тем общим и единым механизмом, который лежит в основе способа и содержательных характеристик отношения человека к внешнему миру и к себе? Отвечая на первый вопрос, следует здесь же коротко отметить, что различие между самоотношением и отношением к внешнему миру ограничивается лишь различием в референтах: в одном случае референтом отношения является собственное тело или психосоциальные и личностные особенности, а в другом случае – объекты внешнего мира или другие люди. Что же касается способов отношения к себе и к внешнему миру, то в обоих случаях можно констатировать наличие двух, уже отмеченных при рассмотрении природы установок, типов отношения – субъект-объектного и субъект-субъектного. Этим последним суждением мы хотим подчеркнуть, что специфика самоотношения не связана со способами отношения, которые указывают как относится субъект к себе и внешнему миру; его специфика связана лишь с референтом отношения, т. е. с тем, на что направлен субъект. Систематическое аргументирование этой мысли будет представлено ниже, а пока мы более основательно хотим ответить на второй из вышепоставленных вопросов. Напомним, что этот вопрос относится к наличию общего и единого механизма, определяющего способы и содержательные характеристики отношения личности к внешнему миру и самой себе. Таким общим и единым механизмом представляется установка в том ее понимании, как она представлена в общепсихологической концепции Д. Н. Узнадзе. Установка – особое состояние единства внутреннего (потребности субъекта) и внешнего (ситуации удовлетворения потребности) факторов, выступающее предиспозицией конкретного поведения. С точки зрения условий или механизмов возникновения и своей внутренней структуры установка несводима ни к фактору потребности и ни к фактору ситуации. Она представлена как модус их связи. Поэтому сама установка не субстанциональна, а реляционна по своей природе, она функционирует в качестве способа отношения внутреннего и внешнего, потребности субъекта и ситуации ее удовлетворения. Кроме того, одним из основных положений этой теории является еще то, что установка считается основой активности, а поведение реализацией лежащей в ее основе установки. Из сказанного напрашивается вывод: если, с одной стороны, природа установки заключается в ее реляционности, а с другой стороны, она определяет конкретное поведение индивида и реализуется в нем, то личность со своей активностью отражает реляционную природу установки и модус ее существования заключается в способе и содержании отношения к миру и к себе. К сказанному следует добавить еще одно обстоятельство: если верно, что, с одной стороны, установка – это отношение субъекта потребности к ситуации ее удовлетворения, и, с другой стороны, такое установочное отношение реализуется в процессах и посредством познания, чувства и действия, то следует подчеркнуть, что аналогичным образом и самоотношение реализуется в особых актах познания (вернее, самопознания), эмоциональных состояниях и действиях относительно самого себя. Следовательно, самоотношение никак не сводится к одному из его проявлений, будет то самосознание или самопознание, эмоциональное отношение к себе или действия относительно самого себя. Перейдем к рассмотрению вопросов (1) компонентного строения, (2) способа функционирования, (3) содержательных характеристик-(4) функций и (5) темпоральных измерений самоотношения.

3.1. КОМПОНЕНТНОЕ СТРОЕНИЕ САООТНОШЕНИЯ

Выше уже было сказано о трехкомпонентном строении самооотношения. Оно включает в себя когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты. Можно говорить о тенденции консистентности между этими компонентами, поскольку самооотношение является одним из видов аттитюдов, а аттитюды характеризуются этим генеральным свойством. Приступим к рассмотрению каждого из компонентов.

Когнитивный компонент. При анализе когнитивного компонента самооотношения, в первую очередь, возникает вопрос о том, посредством каких психических функций, относящихся к разряду познавательных (ощущение, восприятие, представление, мышление, воображение) реализуется гностическое отношение субъекта к самому себе. Какие психические функции и как выступают в качестве источника и средства информации о самом себе? С самого начала следует отметить: подобно тому как в процессы переработки информации о предметах и событиях внешнего мира включены все гностические функции человека, так и в плане самосознания невозможно назвать какую-либо одну из всех познавательных функций, которая "брала бы на себя" всю нагрузку самоотражения. В гностическом плане самооотношение "обслуживается" процессами ощущения и восприятия, представления и памяти, мышления и воображения.

Самоощущение, как это показано В. В. Столиным, связано с организмическим уровнем активности человека [48]. В самосознании тело со своими внутренними состояниями презентуется посредством самоощущения и на ее основе формируется "схема тела". В отнoгенетическом плане на роль диссоциации ощущение и самоощущения в возникновении самосознания указывал И. М. Сеченов.

Процессы восприятия также в большой степени "обеспечивают" субъект необходимой, селективной, а также избыточной информацией о самом себе. Самовосприятие своей внешности играет большую роль на разных этапах жизни человека, а в некоторых периодах развития личности (например, пубертатном и постпубертатном) его функция интенсифицируется и значительно определяет форму и содержание жизнедеятельности личности. Известно, в какой степени на онтогенетически раннем этапе развития самовосприятие во взаимосвязи с функционированием моторного аппарата определяет формирование самосознания и самовыявление субъекта из окружающего мира.

Представление о самом себе выступает необходимым звеном в саморегуляции и самоконтроле поведения на личностном уровне человеческой активности. Представляемое "Я" соотносится с задачей конкретной деятельности и соизмеряется с нею, на основе чего субъект вырабатывает определенную стратегию действия. Особо наглядно это было проиллюстрировано в тех экспериментальных работах, в которых испытуемым приходилось соизмерять выполняемое задание с представляемыми собственными инструментальными возможностями действия, на основе чего у одних завьшался уровень притязаний, у других же занижался [29]. Представление своих определенных состояний служит эффективным психотерапевтическим средством, например, в технике аутотренинга. Более того, в специфическом человеческом общении роль того, насколько человек может представить себя на месте другого, дает информацию одновременно о состоянии другого и о самом себе. Существуют специфические социально-культурные нормы – "поставь себя на место другого", которые способствуют социальной регуляции межличностных отношений.

Значение функции памяти в организации внутриличностного опыта трудно переоценить. Воспоминание о своих поступках и пройденном жизненном пути, т. н.

автобиографическая память, дает необходимый материал для построения образа ретроспективного "Я" ("каким я был"), о чем речь пойдет ниже.

Мыслительные процессы, реализующие в гностическом плане функцию самоотношения, образуют "Я" – концепцию личности. Посредством операций обобщения, анализа, синтеза, суждения, умозаключения личность вырабатывает устойчивые концепты о самой себе, которые образуют определенную консистентную структуру. Сложные процессы надления себя определенными свойствами, мотивирование собственного поведения, объяснение другим и себе причин того или иного собственного поступка включается в многогранный процесс самопознания. Ш. А. Надирашвили, опираясь на идею Д. Н. Узнадзе о двух планах психической активности, считает, что акт объективации, возникший при некотором препятствии в осуществлении импульсивного поведения и завершающийся его приостановкой и развертыванием теоретической активности субъекта, сопровождается параллельным процессом субъективации: теоретическая активность направляется не только на внешний объект, но и на осознание собственных возможностей и особенностей. В результате у личности формируется т. н. психологический автопортрет [36]. Такая же идея в контексте другой теоретической ориентации экспериментально обосновывается В. В. Столиным, который показал, что субъект судит о наличии той или иной черты по невозможности или затруднительности действия, которому данная черта препятствует [48].

Процессы воображения конституируют возможное "Я" и идеальное "Я", механизмы действия которых заключаются в той уникальной особенности, что содержание реального, "здесь и сейчас" бытия личности определяется не наличными, непосредственно данными внешнеситуационными или внутренне присущими состояниями, а их соотношением и соизмерением с возможными и идеальными проявлениями жизнедеятельности личностного уровня. Преимущественно на основе процессов воображения формируется образ "проспективного "Я", функция которого, как мы увидим дальше, заключается в проектировании собственной жизни.

Итак, когнитивный компонент самоотношения по тому признаку, какие гностические функции включены в его функционирование, сложное гетерономное образование. При анализе этого компонента не следует упускать из виду одно важное обстоятельство: процессы самоотражения (самосознания и самопознания) сопровождаются самооценкой, вернее, когнитивный компонент самоотношения включает в себя самооценку, ибо задача "работы" самосознания и самопознания заключается не только в том, чтобы принимать себя в расчёт в процессе активности и знать что-то о себе, но и (наверное, в первую очередь) в том, чтобы оценить свои свойства и возможности по определенным критериям ("хороший-плохой", "годный-негодный" и т. д.). Путем процессов самопознания личность стремится понять не только то, кто она есть, но и какова она есть, не только то, что она сделала, но и что и как она может сделать.

Эмоциональный компонент. Самоотношение, понимаемое как установка относительно себя, включает в себя эмоциональный компонент. Человек не только знает что-то о себе, но может любить или презирать себя по поводу известного. Как уже отмечалось выше, эмоциональное отношение к себе некоторыми авторами неправомерно, по нашему мнению, приравнивалось к самоотношению в целом. Являясь феноменом установки, самоотношение характеризуется трехкомпонентностью строения, а эмоциональное отношение к себе лишь один из его компонентов. Эмоциональное отношение к себе не приравнивается к самоотношению и первое соотносится со вторым как часть с целым. Литература по проблеме самосознания изобилует данными об эмоциональных отношениях себялюбия, аутосимпатии, самоуважения, самовосхищения,

неудовлетворенностью самим собой и т. д. В. В. Столин [48] выделяет три эмоциональные оси самоотношения: 1) симпатия – антипатия, 2) уважение – неуважение и 3) близость – отдаленность. Интересно, что эти оси, как показал автор, определяют также строение эмоционально-ценностного отношения человека к другому человеку, а их представленность в самоотношении объясняется указанным Л. С. Выготским [16] механизмом перехода интерпсихических отношений в интрапсихическую сферу.

Конативный компонент. Этот компонент выступает в качестве внутренних действий в собственный адрес или как готовность к таким действиям. Простое перечисление таких, действий или готовностей рисует нам довольно пеструю картину: имеются в виду манипуляторно-инструментальное и диалогическое отношения к себе, самоуверенность (отбрасывание сомнений) и самопоследовательность, самоприятие (одобрение самого себя, доверие к себе и самосогласие) и самообвинение, самоснисходительность и самобичевание, самоконтроль и самокоррекция, ожидаемое отношение от других (отбор информации о себе) и самопредставление другому и т. д.

Действия или эскизы действий относительно самого себя, по-разному осуществляются в зависимости от того, как личность относится к себе – как к объекту воздействия или как к субъекту действия. Однако способы отношения к себе – "Я" как объект и "Я" как субъект – внутренне дифференцируют не только действия в адрес самого себя, т. е. конативный компонент самоотношения, но и познавательные и эмоциональные отношения к себе (когнитивный и эмоциональный компоненты самоотношения). Если предположим теперь, что когнитивное и эмоциональное отношения образуют оценочное отношение субъекта, то графическое изображение сказанного будет иметь следующий вид:

В представленной схеме первичное дихотомическое деление выражает способы отношения к себе – объектный ("Я" как объект) и субъектный ("Я" как субъект). Как объектное... так и субъектное отношение к себе реализуется когнитивной, активностью, эмоциональными реакциями и системами действий или готовностей к действиям в адрес самого себя. Напрашивается необходимость отдельного рассмотрения вопроса о способах (объектного и субъектного) самоотношения.

3.2. ОБЪЕКТНЫЕ И СУБЪЕКТНЫЕ СПОСОБЫ САМООТНОШЕНИЯ

Выше при анализе природы установки человека к внешнему миру (вещам и людям) мы указывали на существование двух осей направленности: 1) на что направлена установка, что является её предметным содержанием и 2) как направлена установка на свой предмет, каков способ отношения. Отвечая на вопрос как, мы выделили полюса субъект-объектного и субъект-субъектного способов отношения. Аналогичным образом анализ природы самоотношения можно вести с учётом его предметного содержания и способа направленности. Сначала рассмотрим вопрос о способах самоотношения.

Полюса субъект-объектного и субъект-субъектного способов отношения можно выделить и в установке личности к самой себе. Способ презентации "Я" в сознании может быть объектным и субъектным. Это отмечалось И. Кантом, об этом писал В. Джемс [19]. Многие современные авторы следуют такому способу деления и говорят о дуальности "Я" в указанном смысле [95]. Наиболее распространенным понятием для обозначения того, как "Я" выступает объектом познания, является понятие "Я" – концепции, а действующее "Я" понятийно часто выступает как экзистенциальное "Я" [28; 95].

Удачным представляется способ рассуждения И. С. Кона, выделяющего две стороны "Я", исходя из анализа того, на какой из двух возможных вопросов дается ответ: (1) "что такое "самость"?", или "что такое мое "Я"?" и (2) "кто я?" [28]. Ответы на первый вопрос осуществляются с позиции внешнего наблюдателя, на второй же – внутреннего. Вопрос "что такое мое "Я"?" имеет отношение к "взгляду извне", тогда как вопрос "кто я?" является олицетворением "взгляда изнутри". Казалось бы, раз самосознание направлено на свой же внутренний мир, занимаемая позиция наблюдателя должна быть только внутренней. Однако же это не так. Позиция наблюдателя не определяется целиком и полностью предметом наблюдения. Субъект может занять позицию внешнего наблюдателя относительно своих внутренних состояний, переживаний, личностных качеств, уникальных свойств и т. д, а относительно событий внешнего мира – избрать точку зрения внутреннего наблюдателя и наоборот*. * Эта идея в другом контексте рассуждения хорошо эксплицирована в книге Ф. Е. Василюка, показавшего специфику четырех "режимов" функционирования сознания: рефлексии, сознавания, переживания и бессознательного [15].

На данном этапе рассуждения для нас важно отметить, что субъект-объектным и субъект-субъектным способом личность может относиться не только к тем или иным сторонам внешней действительности, но и к самой себе, к своим внутренним состояниям и переживаниям. В свою очередь это означает описание эмпирически выявляемых и теоретически осмысливаемых индикаторов и особенностей, относящихся как к первому, так и ко второму способу отношения к себе.

Субъект-объектное самоотношение

Описание разных сторон данного способа самоотношения позволило Р. А. Викланду и С. Дювалу [76] ввести понятие объективного "Я" и экспериментально изучить влияние этого образования на разные стороны человеческой деятельности. В данном контексте следовало бы подчеркнуть, что выделение конкретных показателей субъект-объектного способа самоотношения возможно посредством рассмотрения когнитивной, эмоциональной и конативной его сторон.

Когнитивная сторона субъект-объектного самоотношения. Как отмечалось, объектное самоотношение часто рассматривается под углом зрения познавательного подхода к себе. "Я" как объект познания со стороны субъекта наиболее часто выступает в качестве темы экспериментально-психологического исследования. Однако тут же следует оговорить, что субъект-объектное самоотношение не исчерпывается процессами самопознания; более того, процесс самопознания не всегда проходит под знаком объектного подхода к себе, он может своеобразно проходить и в контексте субъект-субъектного самоотношения личности.

Первым показателем когнитивной стороны объектного самоотношения является занимаемая личностью в адрес самой себя позиция внешнего наблюдателя. Дистанцирование от себя необходимый признак такой внешне наблюдательской позиции. Вместе с тем, такой подход к себе в самопознании не является пассивно-созерцательным процессом. В когнитивном плане субъект-объектное самоотношение включает в себя процессы самовосприятия, формирования понятий и оценочные суждения относительно своих свойств.

Вторым важным показателем является то, что "Я" выступает средством для достижения какой-либо гетерогенной для него цели, самость имеет инструментальную, но никак не терминальную ценность. Отсюда и вытекают самооценочные суждения в терминах

полезности, годности и т. д. При таком подходе к себе возникает задача овладения самим собой, а это последнее предполагает орудийное к себе отношение. Рассмотрение своих возможностей и склонностей, личностных качеств и внутренних состояний сквозь призму орудийного к себе подхода означает, что они берутся в качестве инструментальных средств для достижения той или иной личностной задачи. Предметом акта объективации (в понимании Д. Н. Узнадзе) в данном случае является собственное "Я", а не нечто из внешнего мира. Проблемность ситуации, являющаяся качественной характеристикой акта объективации, относится к внутренней плоскости субъекта деятельности. Преодоление такой проблемной ситуации заключается в переструктурировании представлений о себе.

Объектный подход к себе во многом определяется процессами когнитивной самоатрибуции. Вместе с тем атрибуция себе определенных черт или признаков принципиально не отличается от того, как человек наделяет имя других людей. В плане каузальной атрибуции собственное "Я" человеком рассматривается как включенное в цепь причинно-следственных взаимосвязей. При объектном самоотношении личность может искать причинное объяснение собственных поступков как во внешних обстоятельствах, так и во внутренних диспозициях. Нет основания полагать, что объектное самоотношение однозначно связано либо с экстернальными, либо же с интернальными ориентациями; более важным моментом здесь является то, что как при первом, так и во втором способе каузальной атрибуции стержневым при объектном самоотношении является инструментальный к себе подход: те или иные стороны "Я" представлены в ракурсе того, насколько они служат средством достижения некоторой цели.

Эмоциональная сторона субъект-объектного самоотношения. Эмоции, возникшие в рамках объектного способа отношения к себе, несут печать позиции внешнего наблюдателя, подходящего к себе самому как к средству достижения личностно-значимой цели. Эмоции в адрес себя могут быть положительными и отрицательными, олицетворяющими удовлетворенность или неудовлетворенность собою, приятие или неприятие себя и т. п. Положительные эмоции связаны с повышением уровня собственной эффективности в плане достижения каких-то целей, неудовлетворенность же – с его занижением.

Если следовать делению любви на отцовскую и материнскую [83], то себялюбие при субъект-объектном самоотношении строится по принципу отцовской любви*. Можно считать, что в основе эмоциональной стороны объектного самоотношения лежит самонеприятие в том смысле, что при таком подходе к себе "Я" лишается самооценности. Оно наделяется некоторою ценностью по мере достижения субъектом желаемых целей. Личность строит образ "желаемого Я" и её целеполагающая активность заключается в том, чтобы реальное "Я" соответствовало такой желаемой модели "Я". * Э. Фромм сущность отцовского типа любви видел в том, что объект любви соотносится с определенными целями и средствами их достижения ("любить ради..."), тогда как материнская любовь не опирается на какие-то внешние условия и безотносительна к каким-то целям (Какими бы они не были возвышенными) и фиксируется как на самоцели на любимом (любимой).

Конативная сторона субъект-объектного самоотношения. Манипуляция собою, установка на самокоррекцию и повышенный самоконтроль – существенные показатели объектного самоотношения. Мотивационным импульсом таких действий в адрес себя является стремление владеть самим собой, держать бразды правления собственным внутренним миром в своих руках. Такое стремление и соответствующие действия большей частью продиктованы целями социальной адаптации и самоутверждения или стремлением "взять верх" над другими.

Часто они носят компенсаторно-защитный характер, имея в своей основе ощущение индивидом собственной неполноценности.

Субъект-объектное самоотношение непосредственно связано с таким же способом отношения личности к другим людям. Как другие, так и собственное "Я" выступают объектом объектного манипулирования. В психоконсультационной и психокоррекционной работе нередко можно наблюдать, как в основе личностного кризиса, в частности, лежит такого рода подход к себе.

Случай 3. За психологической консультацией обратились молодые разводящиеся супруги (жене 27 лет, мужу 28 лет), имеющие сына 5 лет. Муж К. С. – с высшим техническим образованием, мастер спорта по борьбе, работал инженером-конструктором, жена Т. Л. – с высшим педагогическим образованием, работала в отделе кадров одного из управлений г. Тбилиси. В детстве они жили в Ташкенте, учились в одной и той же школе. Приехали в Тбилиси после окончания вузов по распределению мужа. Квартирно-бытовые вопросы скоро урегулировались. Им приходилось совместными усилиями приспосабливаться к новым социально-культурным условиям. Постепенно жена начала чувствовать эмоциональное охлаждение к мужу, она все больше отчуждалась от него. Когда супруги обратились к психологу, они еще формально состояли в браке, однако психологически уже находились на далеко продвинутой стадии эмоционального развода, если воспользоваться выделенными по этому поводу критериями. Запрос мужа состоял в том, чтобы как-то с помощью психолога воздействовать на жену в том направлении, чтобы та не решилась на развод и ради ребенка сохранила семью. Кроме того, он хотел узнать о возможных "технических" способах воздействия на нее и на самого себя с целью возврата потерянных эмоциональных отношений. Жена же не проявляла никакого желания сохранить семью, считала невозможной интимную близость с супругом. В результате психоконсультационных бесед мы совместно с консультируемой парой пришли к выводу, что задача заключается не в сохранении семьи, а в безболезненном расторжении брака. Однако это уже ставило новые трудные задачи перед мужем, который хоть и осознал, что не стоит прилагать излишних усилий по сохранению семьи, однако вместе с тем ставил новые вопросы: "А как же быть дальше? Я потерял навыки общения с противоположным полом, нахожусь в растерянности, и как же мне выработать в себе способы общения для создания новой семьи?" Муж искал "технические" способы выработки в себе определенных умений для преодоления предвосхищаемых адаптационных трудностей. Было подмечено, что он еще в большей степени стремился усилить в себе те черты, которые в свое время привели жену к эмоциональному охлаждению по отношению к нему и обусловили кризис в семейных взаимоотношениях. Эти черты заключались в следующем: К. С. рассматривал свои отношения к другим и самому себе сквозь призму определенных, ему еще не до конца ведомых "технических средств и приемов". По его мнению, достаточно ими овладеть, как проблемы отношений автоматически урегулируются. Излишний рационализм, рассматривание эмоциональной стороны человеческой жизни как объекта постоянного контроля и регуляции, фетишизация "приемов" в общении были связаны с тем, что подход к самому себе тоже был манипуляторно-объектным. Все стороны самоотношения – собственный физический статус (в силу спортивного режима), свои интеллектуальные возможности, эмоции, свои волевые качества – он стремился держать под постоянным контролем. Он пытался игнорировать возможность спонтанного проявления своих импульсов, "незапланированного" поведения и эмоциональных "всплесков души". Это, в свою очередь, было связано с ригидностью представлений о собственном "Я". Именно в силу таких установок к себе и другим он был обеспокоен изменением образа жизни и будущей адаптации к новым жизненным проблемам.

На основе анализа описанного случая и других данных можно прийти к выводу, что объектно-манипуляторный подход к себе связан со снижением необходимой пластичности представлений о собственном "Я". Ригидность структуры "Я", свойственное объектному самоотношению, в свою очередь, обуславливает, как отмечает К. Роджерс [104], искажение личного опыта и дальнейшее самоотчуждение.

Субъект-субъектное самоотношение

Содержание субъект-субъектного способа самоотношения, аналогично вышеизложенному, раскрывается при выделении его когнитивной, эффективной и конативной сторон.

Когнитивная сторона субъект-субъектного самоотношения. Отличительной чертой этого способа самоотношения является то, что когнитивные процессы, связанные с ним, осуществляются с позиции внутреннего наблюдателя. Относительно "Я" здесь преимущественно ставится вопрос "кто Я?" С целью более чёткого разграничения этого способа самоотношения от объектного самоотношения, опирающегося на вопрос "что такое "самость"?" или "что такое мое Я"?", мы опять сошлемся на И. С. Кона и вслед за ним приведем конкретный список показателей, содержательно характеризующих эти оппозиции [28, с. 33]:

Что такое "самость"?	Кто Я?
объективное	субъективное
сущность	существование
определение	выражение
объяснение	понимание
всеобщее	особенное
сообщение	автокоммуникация
взгляд извне	интроспекция
логическое	внелогическое
понятие	переживание
стабильное	изменчивое
от другого к себе	от себя к другому

Как видно из этого противопоставления, через которое яснее определяется сущность субъект-субъектного самоотношения, объективной информации здесь противостоит субъективное самовыражение и ощущение собственного существования превалирует над сущностным определением своих качеств, понимание заменяет объяснение своих поступков, констатация общераспространенных качеств уступает место поиску особых и неповторимых личностных граней в себе. Логическому конструированию понятия о собственном "Я" ("Я"-концепция), свойственному объектно-объектному подходу к себе, противопоставляется внелогическое переживание "Я", стабильным и в известной степени ригидным представлениям о себе – ощущение изменчивости и текучести внутреннего мира и пластичность субъектного способа существования. Если при объектно-объектном самоотношении позиция субъекта-наблюдателя имеет направление "от других к себе", то при субъект-субъектном подходе к себе доминирует "взгляд изнутри" и постижение чужого внутреннего мира характеризуется направленностью "от себя к другому".

Субъект-субъектным способом конкретный индивид может отнестись к себе в определенных условиях, при наличии определенного личностного опыта, полученного от системы воспитания. Но кроме этого известно, как в некоторых философско-религиозных

системах, например, дзен-буддизме, культивируются умения самопознания, основанные на поиске ответа на вопрос "кто я?"

Эмоциональная сторона субъект-субъектного самоотношения. Эмоции относительно себя при субъект-субъектном самоотношении определяются состоянием gratification (удовлетворения) и frustration потребностей, связанных с самовыражением и самореализацией, с личностной автономностью и изменчивостью, с поиском своего человеческого назначения и смысла жизни, занимающее столь значительное место в мотивационной структуре личности. Если самонеприятие является глубинным источником объектного самоотношения, то субъект-субъектное отношение к себе строится на самопрятии и стремлении "быть самим собой".

Конативная сторона субъект-субъектного самоотношения. Действия относительно "Я" при указанном способе отношения к себе в целом определяются усилиями, способствующими самовыражению. Автокоммуникация, имеющая форму внутреннего диалога (а не монолога), способствует расширению "диапазона приемлемости" возможных способов действия в мире, самовыражения и самореализации. В результате такого подхода к себе повышается уровень пластичности жизнедеятельности субъекта.

* * *

Попытаемся интегрировать в единую систему характеристики отношений человека к миру предметов и людей, изложенное в предыдущем разделе работы, с характеристиками самоотношения, о которых только что шла речь. Имеется в виду интеграция возможных вариантов субъект-объектного и субъект-субъектного типов отношений к внешнему миру (вещи и другие люди) и к самому себе. С этой целью предлагается таблица 5.

В этой таблице приводятся шесть уже известных нам исходных возможных варианта установки личности к (1) вещам, (2) другим людям и (3) самой себе:

Субъект-объектное отношение к вещам (S—o—O);

Субъект-объектное отношение к другим людям (S—o—P);

Субъект-объектное отношение к самой себе (S—o—S);

Субъект-субъектное отношение к вещам (S—s—O);

Субъект-субъектное отношение к другим людям (S—s—P);

Субъект-субъектное отношение к самой себе (S—s—S).

Бели теперь, с целью выявления конкретно-возможных разновидностей установок человека к вещам, другим людям и самому себе, составим комбинаторную матрицу, в которой вертикальные и горизонтальные столбцы будут занимать указанные шесть исходных вариантов, то получим 15 комбинаторных разновидностей установок (А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, И, К, Л, М, Н). Шесть из этих пятнадцати вариантов (А, Б, В, Г, Д, Е) нами уже были представлены в предыдущем разделе в плане описания характеристик конкретно-возможных разновидностей установок личности к вещам и людям. Поэтому здесь коснемся лишь краткого описания оставшихся 9 конкретно-возможных вариантов установок личности (Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н), в которых комбинируются субъект-

объектное и субъект-субъектное отношения к самой себе с подобными же отношениями к вещам и людям.

Ё. Субъект-объектное самоотношение – субъект-объектное отношение к вещам ($S—o—S$, $S—o—O$). В этом конкретном варианте самоотношения и отношения личности к вещам доминирующим модусом подхода субъекта к внешнему предметному миру и к самому себе является овеществляющей и манипуляторное воздействие и самовоздействие: отношение к вещам овеществлено в той же мере, что и самоотношение, и наоборот.

Ж. Субъект-субъектное самоотношение – субъект-субъектное отношение к вещам ($S—s—S$, $S—o—O$).

В этом случае рисуется противоположная предыдущему варианту картина: субъект-субъектное самоотношение, призвание в себе "живой" субъективности, индивидуальной неповторимости и импульсов роста, а также внутренняя диалогичность сосуществует с заботливо-одушевляющим ("анимистическим") подходом к определенным предметам, например, к растениям или произведениям искусства (например, художественному полотну или архитектурному памятнику).

З. Субъект-объектное самоотношение – субъект-объектное отношение к другим людям ($S—o—S$, $S—o—P$). Речь идет о том, насколько реификация отношений к другим может сосуществовать с овеществляющим подходом к самой себе или обуславливать объектно-манипуляторное самоотношение. В таких случаях неприятие других связано с самонеприятием, отчуждение от людей – самоотчуждением. В психоконсультационной и психокоррекционной работе нередко встречаемся с теми случаями, когда клиент примерно так описывает свою жизненную проблему: мною пользуются, я пользуюсь другими, я самого себя рассматриваю в качестве предмета пользования.

И. Субъект-субъектное самоотношение – субъект-субъектное отношение к другим людям ($S—s—S$, $S—s—P$). Этот конкретный вариант отношения личности к другим людям и самой себе противопоставляется предыдущему (З) варианту: здесь признание субъективности и индивидуальности другого, его импульсов роста и самореализация, а также готовность диалогического общения с ним сосуществует с самоприятием, со стремлением "быть самим собой". В гуманистически ориентированной, центрированной на личности клиента индивидуальной и групповой психотерапии роджерсовского типа именно культивирование данного паттерна – отношения к другим и самой себе является основой практической работы психолога с людьми.

И. Субъект-объектное самоотношение – субъект-субъектное отношение к вещам ($S—o—S$, $S—s—O$). В данном конкретном варианте представлен паттерн отношения к вещам и самоотношения; его сущность заключается в сосуществовании в жизненном мире личности манипуляторно-объектного подхода к самой себе и заботливо-одушевляющего и персонализирующего способа отношения к предметам внешнего мира (например, к растениям или произведениям искусства). Обычно этот вариант отношения и самоотношения встречается в триаде: субъект-объектное отношение к другим людям – субъект-объектное самоотношение – субъект-субъектное отношение к вещам.

К. Субъект-субъектное самоотношение – субъект-объектное отношение к вещам ($S—s—S$, $S—o—O$). Речь идет о четкой демаркационной линии между модусами самоотношения и отношения к внешне-предметному миру: самоприятие, внутренний диалогизм и стремление к самореализации сопровождаются овеществляющим и манипуляторно-объектным подходом субъекта к вещам. В психоконсультационной работе нам

приходилось наблюдать за функционированием механизма триады: субъект-субъектное отношение к другим – субъект-субъектное самоотношение – субъект-объектное отношение к вещам.

Л. Субъект-объектное самоотношение – субъект-субъектное отношение к другому человеку (S—o—S, S—s—P). На первый взгляд, в данном случае налицо искусственно выделенный вариант отношения к другому и самому себе. Однако если проанализировать чувства и переживания самого консультанта-психолога в процессе его работы с клиентом, внутренний мир которого он должен принять таким, каков он есть, то на этом пути притягивания чужой индивидуальности психологу-консультанту нередко приходится бороться с самим собой, в какой-то мере наказывать себя и приглушать собственный "голос", дабы способствовать другому "найти себя". Эти размышления не умозрительны, а появились вследствие личного опыта собственной практической работы. О тех же механизмах "самозаглушения" в определенные периоды и фазы психоконсультационной работы указывали нам многие психологи-практики, с которыми обсуждались те или иные темы в связи с переживанием самим психологом опыта психотерапевтического общения.

М. Субъект-субъектное самоотношение – субъект-объектное отношение к другому человеку (S—s—S, S—o—P). Здесь мы обсуждаем противоположный предыдущему (Л) варианту паттерн отношения к другому и самому себе: самопритягивание и устремленность к внутреннему росту сопровождается манипуляторно-объектным подходом, к другому, с которым личность взаимодействует в повседневной жизни. В семейной психоконсультационной работе мы имели возможность анализа взаимоотношений супружеской пары, проблемная ситуация которой заключалась в том, что муж был устремлен на постоянный рост своего потенциала, "прислушивался" к своим внутренним резервам и пытался их актуализировать, а жена для него служила своеобразным "средством" и даже объектом манипуляторного воздействия для достижения такой внутриличностной цели.

Н. Субъект-объектное – субъект-субъектное самоотношение (S—o—S, S—s—S). Здесь указывается на вариант амбивалентного отношения личности к самой себе. Манипуляторный подход к себе, самокоррекция и чувство самонеприятия сопровождается (или заменяется) прислушиванием к внутреннему "голосу", стремлением к спонтанному самовыражению.

3.3. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ САМООТНОШЕНИЯ

Что отражается в самоотношении, какие стороны субъекта жизнедеятельности представлены в нем? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, недостаточно полный, представлен в ряде работ советских психологов. Так, например, В. В. Столин считает, что в нем отражаются организмические, социально-индивидуальные и личностно-особенные состояния и признаки [48]. Эту точку зрения автор убедительно обосновывает в рамках своих теоретических построений и экспериментальных разработок. Однако нам представляется, что в них пропущены, вернее недостаточно четко отмечены, существенные содержательные слои системы самоотношения, например, отношения к своим интеллектуальным, эмоционально-волевым качествам. Для восполнения такого пробела кратко изложим нашу точку зрения.

Мы исходим из положения Ш. Н. Чхартишвили о трех структурных измерениях человеческого существа: биологическом, психологическом и социальном. Отсюда автор, как известно, выводил биогенные, психогенные и социогенные потребности индивида [66]. В приложении к содержательным характеристикам самоотношения эта идея могла бы получить следующую формулировку: в самоотношении отражены характеристики

индивида, берущие начало в биологических, психологических и социальных структурах его активности. Конкретное воплощение эта идея получила в нескольких наших работах, в которых были выделены структурные единицы самоотношения по их содержательным характеристикам. Приводим это деление:

I. Биологическое измерение

Отношение к своей внешности и анатомическим особенностям.

Отношение к своим биомеханическим и функционально-физиологическим возможностям.

II. Психологическое измерение

Отношение к своим сенсомоторным особенностям и инструментальным возможностям.

Отношение к своим интеллектуальным способностям (Я: умен – глуп, логичен – интуитивен, созерцателен – практичен и т.п.).

Отношение к своим эмоциональным особенностям (Я: эмоционален – суховат, чувствителен – нечувствителен, экспрессивен – эмоционально сдержан, влюбчив – невлюбчив и т. п.);

Отношение к своим волевым качествам и результатам своей деятельности (Я: импульсивен – обладаю волей, претворяю слово в дело – не могу до конца довести задуманное, решителен – нерешителен, планирую свое поведение – пускаю дела на "самотек", через успех получаю новый импульс к дальнейшим, действиям – неудача парализует меня и т. д.);

Отношение к себе как неповторимой личности, чувство самотождественности.

III. Социальное измерение

Отношение к своему социальному статусу (к статусу в системе формальных отношений, к социо-экономическому или социометрическому статусу);

Отношение к тому, как ко мне относятся другие, чего от меня ожидают, и т. п.

Отношение к себе как носителю определенных социально-нравственных норм и ценностей.

Следует отметить, что всех названных сферах самоотношения будет то отношение к своей внешности и физическим возможностям или к собственным интеллектуальным, эмоционально-волевым и социально-статусным характеристикам, возможные варианты способов подхода к себе могут нести на себе печать все того же субъект-объектного или субъект-субъектного самоотношения. У того или иного лица отношение к своей внешности, например, может быть субъект-объектным, а отношение к своим эмоционально-волевым характеристикам субъект-субъектным. К примеру, можно сослаться на многочисленные случаи из психоконсультационной практики, когда отношение к своей внешности является объектно-манипуляторным (один такой пример будет приведен в следующих разделах при описании случая б). Некоторые авторы показывают, что причина недовольства своей внешностью у многих лиц, подвергающихся пластической хирургической операции лица, кроется не в реальных диспропорциях или

дефектах, а в когнитивных структурах и представлениях о собственной внешности. Мы сказали бы, что сами эти представления и когнитивные структуры вписываются в более общую целостность – в объектную установку к себе.

3.4. ФУНКЦИИ САМООТНОШЕНИЯ

Система самоотношений полифункциональна. В некоторых наших работах были перечислены следующие функции:

Функция "зеркала" (отображения себя). Человек со способом своей жизнедеятельности не только отражается в сознании окружающих, но и это "зеркало" переносится вовнутрь, отображая личность как во внешнем (физическое самоотображение), так и во внутреннем плане. Роль этой функции особо наглядна в онтогенетическом развитии человека. Ж. Лакан, например, в качестве отдельной выделяет "стадию зеркала" в психическом развитии ребенка [92]. Более того, физическое зеркало во многих исследованиях применялось в качестве экспериментального средства изучения генеза самосознания. Во многих методах группового тренинга взрослых с целью самоотображения и самокоррекции своих поступков применяются различные видеотехнические средства.

Функция самовыражения и самореализации. По-видимому, было бы излишним отдельно и детально указывать на ту роль, которую система самоотношения выполняет в активности личности, направленной на самовыражение и самореализацию.

Функция сохранения внутренней стабильности и континуальности "Я". Эта функция самоотношения осуществляется по мере и в силу той тенденции к внутренней согласованности к конгруэнтности, которая свойственна когнитивным представлениям о себе, эмоциональным реакциям относительно своих проявлений и действий, адресованных себе.

Функция саморегуляции и самоконтроля. Лишь имея сложившиеся представления о себе и определенным образом относясь к себе, личность способна регулировать и контролировать свою деятельность.

Функция психологической защиты. При получении информации, представляющих угрозу сложившимся представлениям о собственном "Я", и при жизненной неудаче или различающихся по степени интенсивности психотравмах защитные механизмы личности могут быть направлены на рационализацию, создание образа "фальшивого я" и т. д.

Функция интракоммуникации. Социальная природа личности заключается не только в том, что она включена в процесс постоянного взаимодействия с социальным миром, но и в том, что для себя самой личность выступает в роли социума, взаимодействуя с самой собой и "разыгрывая" коммуникационные процессы на "сцене" внутренней жизни. Базой для таких интракоммуникационных процессов является система самоотношений. Если принять во внимание идею Э. Берна о трех позициях общающихся сторон [74], то во внутриличностном общении возможными вариантами занимаемой позиции субъекта относительно самого себя могут быть позиции Родителя, Взрослого и Ребенка.

Сказанное до сих пор о характеристиках системы самоотношения будет далеко неполным, если не учтем его важную сторону – момент временной структурированности. Требуется отдельное рассмотрение этого вопроса.

3.5. ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ САМООТНОШЕНИЯ

Время – особое измерение личности. Одно дело, когда определенная система функционирует во времени и включена в неё, что одинаково относится ко всем явлениям мира, и другое дело направленность на время и интенциональное. К нему отношение, что свойственно лишь только человеку и его сознанию. Презентированность времени и направленность на время конституируется постоянным трансцендированием сознания и личности. Трансцендирование в связи с феноменом времени выражается в том, что человек регулярно выходит за рамки настоящего, прорывая его пределы в направлении прошлого и будущего. Такого рода трансцендирование человеку свойственно не только в плане отношения к явлениям внешнего мира, структурированных во времени, но и в плане отношения к себе. Самоотношение личности структурировано во времени, что дает нам возможность выделить три вида "Я" по темпоральному признаку: (1) актуальное "Я" ("я здесь и теперь"), (2) ретроспективное "Я" ("Я в прошлом") и (3) проспективное "Я" ("я в будущем"). Это подтверждается экспериментальным исследованием О. Тзенга, который, изучая субъективные семантические значения относительно представлений "Я", показал, что прошлое, настоящее и будущее "Я" не лежат на одной оси, а составляют три независимых измерения: в самосознании настоящее не выводимо из прошлого, а будущее не является экстраполяцией настоящего [48, с. 66-67]. Однако все же следует отметить, что временной аспект структурированности "Я" далеко не изучен. Такое состояние исследования проблемы явно не вписывается в тот общий дух развития современной науки, когда так возрос интерес к изучению феномена времени [18].

Традиционным объектом исследования является актуальное "Я", тогда как об остальных двух указанных видах "Я" имеется относительно мало сведений. Это объясняется той простой причиной, что парадигма исследования самоотношения не всегда строится с учётом временного измерения. Актуальное "я" не сводимо к реальному или идеальному "Я", ретроспективное "Я" не простая форма биографической памяти, столь интенсивно изучаемое в настоящее время, оно еще и установочное отношение к личному прошлому; проспективное "Я" не сводится к т. н. потенциальному или желаемому "Я", оно более сложное образование, включающее сложные акты самопроектирования. Здесь мы подходим к очень важному пункту, на котором следует специально остановиться.

Конституирование личностью временного измерения самоотношения многопланово. Имеется в виду то, что субъект не только строит образ того, какой он есть, каким он был и каким он будет, но и занимает определенную временную позицию, которая выступает своеобразной "точкой отсчета" и в перспективе которой субъектом моделируется "горизонт времени" этих образов. Если говорить проще, то, например, рассказывать о том, каким я был в прошлом, я могу и с позиции нужд настоящего и исходя из планов на будущее, и погрузившись или "переселившись" в отдаленное прошлое. Это позволяет нам выделить два момента временной структурированности самоотношения и образа "Я": (1) какой период собственной жизни имеется в виду, что является содержанием самоотношения – актуальное, ретроспективное или будущее "Я" и (2) исходя из какой временной позиции или в ракурсе какой перспективы настоящего, прошлого или будущего презентирован образ "Я". На основе соотношения этих двух моментов можно перечислить возможные способы временного конституирования самоотношения. Наглядное представление о них дает следующая таблица.

В этом изображении дается 9 возможных вариантов: (1) актуальное "Я" с позиции настоящего, (2) актуальное "Я" с позиции прошлого, (3) актуальное "Я" с позиции будущего, (4) ретроспективное "Я" с позиции настоящего, (5) ретроспективное "Я" с позиции прошлого, (6) ретроспективное "Я" с позиции будущего, (7) проспективное "Я" с

позиции настоящего, (8) проспективное "Я" с позиции прошлого, (9) проспективное "Я" с позиции будущего. О том, что наличие указанных возможных вариантов в построении образов "Я" эмпирически подтверждается, специально будет идти речь в экспериментальной части работы (глава V). Здесь же следует ограничиться указанием на то значение, которое может иметь учет этих возможных вариантов временного конституирования самоотношения в анализе содержания самоописаний консультируемого или пациента во время психоконсультационного или психотерапевтического сеанса. Анализ того, (1) к какому периоду своей жизни приковано преимущественно внимание субъекта, какие собственные поступки и личностные черты не "переварены" им – те, которые совершаются ныне и присущи ему в настоящем или те, которые относятся к личному прошлому, и (2) с какой временной позиции осуществляется самооценка тех же поступков и личностных черт – в ракурсе ли сегодняшнего дня или отдаленного прошлого, в перспективе ли планов на будущее, – все это вместе взятое представляет необходимую и весьма ценную информацию для понимания внутреннего мира личности и коррекции ее неадекватных установок.

Глава IV

ДИНАМИЧЕСКИЕ СТОРОНЫ СИСТЕМЫ "ЛИЧНОСТЬ – СОЦИУМ"

1. МОДАЛЬНОСТЬ, ИСТОЧНИК И СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИЧНОСТИ С СОЦИУМОМ

Положение VII. Динамические тенденции системы "личность-социум" можно представить в трех ипостасях – (1) модальности, (2) источника и (3) способа взаимодействия, каждый из которых в своей основе биполярен: модальность включает полюса адаптации и преобразования, источник активности – мотивацию "быть" и "иметь" ("владеть"), способ взаимодействия – энтропийные и неэнтропийные тенденции.

При обсуждении Положения III мы уже отмечали, что изучение характеристик взаимодействия личности с социумом должно служить получению ответа на три вопроса: что? почему (зачем)? как? Первый вопрос (что?) адресован модальности взаимодействия. Вопросы (почему) и (зачем) относятся к сфере мотивационного источника активности личности. Ответ на вопрос как информативен в плане описания способа взаимодействия личности с социальной средой. В настоящий момент нам предстоит определить содержание модальностей, мотивационных источников и способов личностной активности. С самого начала отметим, что поиск таких содержательных характеристик нами будет осуществляться путем выделения и чёткого описания полярно противоположных состояний и феноменов, служащих отправными единицами анализа. Они сначала выступают в качестве полярно противоположных абстрактов, затем же описание этих состояний и феноменов поступательно приближается к конкретным образцам взаимодействия личности со средой. Такое "превращение" исходных абстрактов в конкретные образцы взаимодействия осуществляется по мере обнаружения диалектических взаимопереходов между противоположностями. Этот подход нами уже был выше осуществлен при анализе возможных статусных состояний с введением оппозиции "заданность" – "создаваемость" и при описании разновидностей аттитудов с допущением противоположных модусов отношений – субъект-объектного и субъект-субъектного. О преимуществах подобного методологического подхода с изначальным допущением или обнаружением крайних состояний и полярно противоположных единиц анализа пишет, например, Г. Салливан, который считает, что допущение крайних величин (например, бесконечного малого или большого) является не только прерогативой мышления математика и физика, но и научно-психологическое мышление тоже должно систематически опираться на этот принцип [106]. За последние годы в советской психологической науке встречаются успешные попытки его применения [15].

Модальность взаимодействия

Модальность взаимодействия, определяемая посредством ответа на вопрос "что?", имеет отношение к той задаче, которая возникает перед субъектом "ли ставится им в процессе жизнедеятельности. По этому параметру содержание взаимодействия личности с социумом может включать в себя два полярно противоположных вида активности – адаптацию и преобразование. К такому выводу можно прийти при обобщающей переработке большого эмпирического и теоретического материала из психологической науки. Когда вопрос стоит так: что происходит и какая задача решается субъектом в процессе своей жизнедеятельности, то мы можем констатировать наличие либо адаптивной, либо преобразовательной активности или же их некоторую "смесь".

В психологической науке человеческая деятельность преимущественно рассматривается в рамках парадигмы адаптации. Примером может служить концепция Ж. Пиаже, в которой развитие и функционирование психики (в первую очередь, интеллектуальной сферы) рассматривается как процесс взаимодействия субъекта с объектом, служащий цели адаптации, а такая адаптивная активность осуществляется в процессах ассимиляции субъектом объекта и аккомодации субъекта к объекту [38]. Не входя в детали концепции Ж. Пиаже, отметим лишь то, что адаптация здесь представлена в качестве активного процесса, включающего, с одной стороны, трансформацию объекта и его сообразование познавательным схемам субъекта (ассимиляция), и, с другой стороны, уподобление, своеобразное "пристраивание" познавательной схемы или структуры к характеристикам объекта. Как пишет Ж. Пиаже, "когнитивная адаптация, подобно своему биологическому аналогу (разрядка наша – Н. С.) состоит в уравнивании ассимиляции и аккомодации" [39, с. 242]. В этой цитате неслучайно процесс уравнивания ассимиляции и аккомодации, рассматриваемый как когнитивная адаптация, уподобляется определенному биологическому аналогу. Мы далеки от того, чтобы в теории Ж. Пиаже усматривать разновидность биологического редукционизма, однако можем со всей уверенностью подчеркнуть: во-первых, в этой концепции исходным пунктом понимания психического развития, вернее, развития интеллекта служит принцип эквифинальности, согласно которому существует определенный конечный пункт, достижению которого служит весь сложный процесс онтогенетического развития. Соответственно границы развития заданы и зафиксирована "крайняя точка", к которой приводит процесс развития; за этой "точкой" процесс становления не усматривается. Такая эквифинальность более свойственна биологическим системам, нежели человеческой деятельности. Во-вторых, рассматривая процесс когнитивного развития как адаптацию и установление равновесия между ассимиляцией и аккомодацией, не в полной мере учитывается специфический признак человеческой деятельности, отличающий ее от активности биологического организма: не только стремление к приспособлению к наличным обстоятельствам и восстановлению нарушенного равновесия, но и противоположная этому тенденция к нарушению достигнутого равновесия и к преодолению состояния адаптированности является источником жизнедеятельности личности. В-третьих, ассимиляция и аккомодация, их взаимосвязь и когнитивная адаптация Ж. Пиаже рассматривается в качестве важнейшего механизма биологической эволюции видов. Это еще раз демонстрирует то обстоятельство, что подход Ж. Пиаже к изучению психического развития несет на себе печать "взгляда" биолога на исследуемый объект.

В концептуальном аппарате Ж. Пиаже преобразовательная активность субъекта понимается как трансформация объекта и его включение в ассимиляторные схемы, а

аккомодация – это приспособление или сообразование схем субъекта характеристикам объекта. Когнитивная адаптация включает в себя две полярно противоположных тенденции, что можно изобразить в виде следующего треугольника.

Однако за простотой такого понимания, по нашему мнению, кроется определенная неточность, заключающаяся в некоторой односторонности и в преувеличении роли приспособления: с одной стороны, ассимиляцию можно понимать как приспособление к себе объекта, а аккомодацию как приспособление к объекту, к его характеристикам, и в таком случае действительно (ничего больше не остается сделать, кроме как объединить эти две противоположные тенденции в одно более общее – в аддитивную активность; однако, с другой стороны, ассимиляцию мы можем понимать как трансформацию (преобразование) субъектом объекта, а аккомодацию как преобразовательное воздействие объекта на субъект и в таком случае в качестве объединяющего их момента может выступить преобразовательная активность. Если при таком ходе рассуждения мы допустим, что сущность психического развития и человеческой деятельности заключается в преобразовательной активности, то вышепредставленный треугольник придется заменить новым, где место когнитивной адаптации займет преобразовательная активность или когнитивное преобразование.

Это изображение в той же степени имеет свое логическое оправдание, как и предыдущее. Так же, как адаптация не может проходить в форме пассивной имитации и "следований" психических (например познавательных) структур за объектами, а с необходимостью включает в себя момент трансформации объекта и его приспособление к себе, настолько же преобразовательная активность не может осуществляться в виде трансформации объекта, не приспособившись к его характеристикам. Это, в свою очередь, дает нам право заключить, что человеческая деятельность в плане модальности включает в себя две полярно противоположные разновидности – адаптивную и преобразовательную активность. Каждая из них, в свою очередь, включает моменты ассимиляции объекта и аккомодации к нему. Сказанное можно изобразить следующим образом:

Мы отметили, что парадигма адаптации является общераспространенной в изучении человеческой деятельности. В рамках нормальной науки (в понимании Т. Куна) эта парадигма так определяет построение и смену разных теоретических конструкций и сбор неимоверно широкого эмпирического материала, что сама природа этой парадигмы обсуждается изредка и ее правомерность считается неоспоримой. Существует мнение, что анализ человеческой деятельности исключительно сквозь призму адаптационных процессов равнозначен неправомерному расширению и переносу на человеческую деятельность (а также на общественные отношения) фундаментальных биологических принципов функционирования живых систем. Однако это не совсем верно. Понятие адаптации в саму биологию вошло из социологии. Интересной представляется также позиция культуролога Э. С. Маркаряна, рассматривающего человеческую деятельность в качестве приспособительной активности, включающей в себя моменты адаптации к среде и приспособления к своим нуждам характеристик среды (по терминологии автора – адаптивно адаптирующая деятельность) [33].

Аналогичная идея развита в "эго-психологии" Х. Хартмана [88]. Он различает два вида адаптации – аллопластическую и аутопластическую. Аллопластическая адаптация означает внесение человеком во внешний мир определенных изменений, служащих цели

приведения внешних обстоятельств в соответствие со своими потребностями. Аутопластическая адаптация связана с изменениями во внутреннем строении личности, обеспечивающими приспособление к среде. Однако аллопластическая адаптация опять-таки означает преобразовательную активность, а аутопластическая – собственно приспособление к окружению. Фактически в подобных теоретических рассуждениях полюса адаптивной и преобразовательной активности противопоставлены друг другу. Сказанное приводит нас к убеждению, что ключ к правильному пониманию вопроса о модальности взаимодействия личности с социальной средой заключается не столько в отказе от абсолютизации адаптивной стороны человеческой деятельности, сколько в рассмотрении адаптивной активности во взаимосвязи с координирующей с ней противоположной парой преобразовательной активности.

Кроме этого важно подчеркнуть еще одно обстоятельство: адаптивная активность обычно рассматривается в разрезе приспособления человека к окружению и недооценивается значение того важного факта, что перед личностью перманентно стоит задача приспособиться не только к событиям, происходящим во внешнем мире, но и к изменениям во внутреннем мире, к собственным поступкам и деяниям, к результатам своей же деятельности, к своим недостаткам и достоинствам; одним словом, не только задача приспособления к окружению, но и задача самоприспособления является важнейшим детерминантом деятельности личности. Эта идея более обстоятельно будет аргументирована на последующих страницах нашей работы, а теперь вернемся к вопросу о природе оппозиции "адаптация – преобразование".

Общеизвестно, какое значение в марксистско-ленинской философии придается анализу преобразовательной деятельности для определения сущности человека и природы человеческой практики, заключающейся в производстве и воспроизводстве условий бытия и жизнедеятельности, общественных и межличностных отношений, в созидании истории. Люди являются не обычными природными существами, а индивидами, активно и сознательно преобразующими природу и приспособляющими ее для своих потребностей. Не являясь обычным продуктом природной среды, человек образует свою собственную человеческую среду. По К. Марксу, сама природа начинает выступать перед людьми как "человеческая", как объект совместной деятельности – общественной практики. Человек живет в "очеловеченном" мире.

Каждое действие человека имеет общественный характер, ибо объективируясь в межчеловеческих отношениях, оно участвует в формировании, вернее, производстве индивидуальной жизни других людей и тем самым участвует в коллективной жизни и в истории человечества. Преобразовательная деятельность человека не ограничивается преобразованием природной среды, она распространяется и на межчеловеческие отношения.

Теперь нам предстоит более четко представить природу оппозиции "адаптация – преобразование" и границы между указанными понятиями. Для этого придется временно абстрагироваться от анализа того, на что направлена адаптивная или преобразовательная активность (на внешний мир или самого себя); такое абстрагирование служит цели представления понятий адаптации и преобразования в их "чистом" крайнем проявлении. Средством такого "очищения" этих понятий и логического обоснования правильности выбранной оппозиции служит упомянутый уже принцип "логического квадрата".

Адаптация и преобразование находятся в отношениях *contrari*, а адаптация с дезадаптацией и преобразование со стагнацией – в отношениях *contradiction*. Контрарность адаптации и преобразования будет доказана в том случае, если станет очевидным, что отрицание адаптации, т. е. дезадаптация, представляет собой частный составной момент преобразования, а отрицание преобразования, т. е. стагнация, является составной частью адаптивной активности. Действительно, для того чтобы развернулась преобразовательная деятельность индивида, он сначала должен находиться в состоянии дезадаптированности, однако преобразовательная активность, хотя и включает в себя момент дезадаптированности, к нему не сводится: как целенаправленная деятельность она есть нечто большее, чем простое отсутствие приспособленности. С другой стороны, важным условием адаптивной активности является некоторая ориентированность на неизменность и повторяемость, что мы называем стагнацией; адаптация как активный целенаправленный процесс, хотя и включает в качестве частного момента ориентированность на стагнацию, однако к нему не сводится. Итак, контрарность отношений между адаптацией и преобразованием следует считать доказанной. Это, в свою очередь, служит доказательством того, что указанные понятия представляют собой логически обоснованные оппозиции.

В результате проделанной логической операции мы выделили в качестве основной одну "рабочую" оппозицию (а) "адаптации – преобразования" и в качестве дополнительных две оппозиции – (б) "адаптации – дезадаптации", (в) "преобразования – стагнации". Как мы увидим ниже, их определенного рода координирование с инвариантной оппозицией "личность – социум" позволит нам представить всю гамму возможных модальностей взаимодействия личности с социальной средой.

Мотивационные источники активности

Вопросы почему и зачем адресуются человеческой деятельности с целью выяснения движущих сил активности, ее мотивационных основ. В данном случае речь идет о мотивационных основах взаимодействия личности с социумом.

Проблеме мотивации человеческой деятельности посвящено множество обобщающих теоретических работ в советской и зарубежной психологии [31; 63; 66 и др.]. В них анализируется природа потребностей, целей, стремлений и других движущих сил человеческой деятельности. Среди прочих фундаментальных вопросов проблемы классификации потребностей, выявления иерархического строения их взаимосвязи, выделения специфически человеческих потребностей – являются узловыми.

Из многочисленных попыток классификации потребностей наиболее логически развернутой, на наш взгляд, является классификация, предложенная Ш. Н. Чхартишвили [66], о которой речь уже шла выше.

В чем же состоит преимущество принципа классификации, предложенного автором? Дело в том, что потребность всегда является нуждой в "чем-то", она всегда направлена на конкретное предметное содержание; нет абстрактной потребности, оторванной от предмета своего удовлетворения. Однако этих предметных содержаний в мире бесконечное количество, а таких нужд в "чем-то" огромное множество. Поэтому если для классификации потребностей исходить из их предметного содержания, то обычно мы получаем довольно грубые деления, типа материальные и духовные, высшие и низшие, биологические и общественные потребности и т. д. Принцип распределения отдельных разновидностей потребностей внутри каждой из таких выделенных классификаторных единиц обычно малоубедителен. Иначе обстоит дело с классификацией, предложенной Ш.

Н. Чхартишвили. Здесь главным является принцип определения "локуса" возникновения, функционирования и удовлетворения потребности. На основе определения того, в какой подструктуре целостной личности (биологической, психологической или социальной) они возникают, функционируют и удовлетворяются, выделяются классы биогенных, психогенных и социогенных потребностей. Внутри каждого из этих классов выделение конкретных разновидностей потребностей происходит с учётом специфики внутренней структурированности каждой из указанных подструктур.

В такой классификации предметное содержание потребности хоть и берется в расчёт, однако оно не выступает в качестве основы классификации. При этом относительно способа направленности каждой потребности, будь то биогенная, психогенная или социогенная, можно поставить вопросы: на что она направлена – на внешний объект или на какое-то внутреннее состояние, на результат активности или на саму активность? Где находится источник удовлетворения – во вне или внутри? В чем заключается цель поведения – в овладении внешним предметом или в самоосуществлении? Ответ на эти вопросы мы находим в работах Д. Н. Узнадзе [154], который различает два рода потребностей – субстанциональные и функциональные. Первые направляют активность субъекта на внешние предметы, служащие источником удовлетворения нужды, источником же удовлетворения второго класса потребностей является сама активность, а не ее результат. Субстанциональные потребности лежат в основе экстерогенных, а функциональные – интрогенных форм поведения человека. Мы считаем, что внутри биогенных потребностей одни являются субстанциональными, т. е. нацелены на овладение предметами внешней среды, а другие – функциональными, т. е. источник их удовлетворения заключается в самоактивности организма. То же относится к психогенным и социогенным потребностям: одна их часть является субстанциональной, другая же функциональной. Следовательно, можно предложить классификаторную схему, в которой биогенные, психогенные и социогенные потребности делятся на две названные подгруппы:

Дальнейшая детализация этой классификаторной схемы и ее наполнение конкретным содержанием в настоящий момент не входят в нашу задачу. Более того, мы здесь намерены сконцентрировать внимание на способе направленности потребности (т. е. на ее субстанциональности и функциональности) и в некоторой степени абстрагироваться от рассмотрения на конкретных разновидностях биогенных, психогенных и социогенных потребностей.

Если воспользоваться глаголами, которые наиболее полно передавали бы смысл функциональной тенденции и субстанциональной потребности, то такими окажутся глаголы "быть" и "иметь". Соответственно, по мотивационному источнику активности можно говорить о динамических тенденциях "быть" и "иметь". О том, что "быть" и "иметь" представляют собой два основных модуса динамических тенденций человека, пишут Э. Фромм [85], Г. Марсель [101], Ж. П. Сартр [105]. Из советских психологов эта идея в рамках теоретического осмысления активных форм группового обучения и социально-психологического тренинга обосновывается Ю. Н. Емельяновым [21].

Э. Фромм показывает, что в самых разных психических функциях (память, мышление, эмоции и т. д.) и сферах деятельности личности просматриваются указанные тенденции "быть" и "иметь", что позволяет квалифицировать их в качестве интегративных личностных модусов. Г. Марсель и Ж. П. Сартр в рамках своих экзистенциально-философских построений обсуждают природу указанных динамических тенденций. При

этом Ж. П. Сартр в одной из глав своего основного философского труда "Бытие и ничто", озаглавленной "Быть, делать, иметь", развивает мысль о том, что доминирующей тенденцией человеческой деятельности является "иметь", а межличностные отношения (например, любовь) являются выражением стремления людей к взаимоовладению. Г. Марсель больше склонен рассматривать тенденция "быть" и "иметь" как равнодействующие.

Отмечается, что в разные исторические эпохи и в условиях разных культур социальное одобрение получают либо тенденция "быть", либо же стремление "иметь". Более того, моменты требования "быть" или "иметь" могут быть в определенной степени зафиксированы в социальных нормах. Такое социальное одобрение и требование формировало определенные собирательные типы личности разных социально-экономических формаций. Поскольку в человеческой природе заложены обе тенденции, то в условиях тех или иных общественных отношений может развиваться и закрепляться любая из них. Капиталистическим образом жизни поощряется тенденция "иметь". У. Джемс "Я" человека сводил к "свое" и считал неизбежным влечение человека к копить собственность [19].

В разные периоды онтогенетического развития указанные тенденции выражаются в разных формах поведения. Например, детская игра является реализацией функциональной тенденции [53] и берет свое начало в стремлении "быть", тогда как занятие спортом в школьном возрасте может оказаться на службе удовлетворения метапотребности "иметь". Обращает внимание и тот факт, что некоторые психотерапевты этиопатогенез разных неврозов и психогении видят в трудности удовлетворения потребности "быть", в ее фрустрации и подавлении со стороны взрослых (в первую очередь, родителей) в ходе воспитания. Так, например, А. И. Захаров выделяет в качестве базальной задачу "быть самим собой среди других" [22]. При крайних затруднениях в осуществлении этой жизненно важной задачи возникают те или иные невротические отклонения. Конкретная разновидность неврозов определяется тем, какая из сторон этого базального стремления является проблематичной для субъекта. Если акцент поставлен на трудности "быть", то налицо невроз страхов, акцент на трудность "быть самим собой" связан с неврозом навязчивых состояний, затрудненность же "быть среди других" лежит в основе истерических форм невротических отклонений. Итак, два мотивационных источника активности – "быть" и "иметь" – представляют собой интегральные динамические тенденции, "пронизывающие" всю мотивационную сферу личности. Каждая из них может иметь самое разнообразное предметное содержание. Как первая, так и вторая может проявляться в виде и биогенной, и психогенной, и социогенной потребностей. Однако, абстрагируясь от этих предметных содержаний, мы здесь попытаемся сфокусировать внимание на "чистых" проявлениях указанных стремлений с тем, чтобы с помощью "логического квадрата" дать формально-логическое обоснование выбранной оппозиции "быть – иметь".

Контрарность отношений между оппозициями "быть" и "иметь." (владеть) определяется тем, что контрадикция первой ("не быть") является соподчиненной второй, а контрадикция второй ("не иметь") выступает в качестве составной части стремления "быть". В самом деле, для реализации функциональной тенденции и действия на основе мотивационного источника "быть" в "чистом" ее виде, все импульсы, направленные на овладение объектом, не должны быть актуализированы. Однако поведение, не имеющее в своей мотивационной основе стремление "иметь", не охватывает всю активность, нацеленную на удовлетворение метапотребности "быть"; это последнее не сводится к

простому отрицанию наличия субстанциональной потребности и стремления овладеть объектом; она имеет к тому же собственный смысл, заключающийся в самоактивности. С другой стороны, крайнее состояние "иметь" в чистом его проявлении в качестве своей составной части включает состояние отсутствия всех импульсов "быть", однако же оно не тождественно простому отрицанию импульсов спонтанной самоактивности, а представляет собой определенную целенаправленную активность по овладению некоторым объектом.

Итак, в результате такой простой логической операции в нашем распоряжении одна основная ось, выражающая оппозицию (а) "быть – иметь", и две дополнительные оси, имеющие полюса (б) "быть" и "не быть", (в) "иметь" и "не иметь". Однако "быть" можно самим собой или как другие, а также "владеть" можно другими или самим собой. То же можно сказать относительно состояний "не быть" и "не иметь": можно стремиться не быть самим собой или не владеть самим собой. Содержание всех этих возможных конкретных состояний раскроется перед нашим "взором", если мы скоординируем все указанные оси со все той же инвариантной осью – "личность – социум", чем мы и займемся несколько ниже.

Способ взаимодействия личности с социальной средой

Анализ способа взаимодействия личности с социумом требует, в первую очередь, постановку вопроса как? (как проходит взаимодействие? какова стратегия активности личности и каковы ожидания или реакции социума?). Детальное рассмотрение психологической литературы приводит к выводу, что относительно способа деятельности личности в социальной среде можно выделить оппозицию, один полюс которой наполняется содержанием, отраженным в понятиях "порядок", "стабильность", "устойчивость", "организованность", а второй полюс является выражением состояния "нестабильности", "изменчивости", "неустойчивости", "неорганизованности", "хаоса". Условимся, что наиболее собирательными понятиями этой оппозиции являются, с одной стороны, устойчивость, а с другой – изменчивость. Не будем здесь вдаваться в детали анализа проблемы диалектической связи между устойчивостью и изменчивостью личности и системы "Я", столь фундаментально разрабатываемых в ракурсе разных теоретических представлений в работах советских психологов. Отметим пока лишь то обстоятельство, что контрадикцией устойчивости является неустойчивости, а изменчивости – неизменность; контрапозитивность же понятий устойчивости и изменчивости доказывается легко, ввиду чего не будем лишним раз загружать внимание читателя иллюстрацией "логического квадрата".

Многие советские психологи рассматривают личность как устойчивую и стабильную систему установок, направленности и доминантных мотивов, иерархически взаимосвязанных диспозиций. При определении сущности личности нельзя не учесть моменты устойчивости и стабильности, однако неоправданно ограничиться ими. Их следует рассматривать в единстве с диалектически противоположными моментами становления и изменения. Можно сказать, что личностное бытие является органической целостностью противоположных полюсов: на одном из них находится стереотипность поведенческих стратегий, устойчивость установок и убеждений, константность действий в изменяющихся условиях среды, стабильность личностных черт и диспозиций, тенденция самосохранения и репродуцирования прошлого опыта; другой полюс составляет переменчивость поведенческих стратегий, смена установок и убеждений, трансформация прошлого опыта, тенденции саморазвития и продуцирования, самотрансцендирование и выход за рамки жесткой детерминации на основе свободного выбора, выработка новых личностных черт и самопреобразование.

Каковы отношения между тенденциями устойчивости и изменчивости? Мы можем указать на два вида таких отношений: синергичное и конфликтное. При синергичном отношении тенденции к самосохранению и устойчивости находятся в унисоне с тенденциями саморазвития, личностного становления и изменчивости. При конфликтных отношениях указанные тенденции взаимно антагоничны. При синергичном отношении устойчивость и изменчивость дополняют друг друга. При конфликтных же отношениях субъект стоит перед альтернативным выбором – следовать старой линии и уже многократно апробированным принципам поведения, опереться на зафиксированный в нем опыт и стереотипы или отвергнуть старое и попытаться трансформировать личностный опыт, выработать новые установки и новый взгляд на мир.

Пока мы говорили об устойчивости и изменчивости личности. Но ведь основной темой наших размышлений является система "личность – социальный мир"? Соответственно, вопрос должен быть рассмотрен в плане взаимодействия личности с социумом. Такая смена акцента с личности на ее взаимодействие с социальным миром дает нам возможность приблизиться к конкретным проявлениям способов жизнедеятельности человека. Это позволяет нам не ограничивать нашу задачу выяснением характеристик взаимосвязи моментов устойчивости и изменчивости внутри личности и включить ее в более широкую задачу определения взаимосвязи личности и социальной среды по параметру все той же устойчивости-изменчивости обеих взаимодействующих сторон.

Какова традиция определения такой взаимосвязи? А. С. Прангишвили, который для описания специфики понятия личности и индивидуальности вводит понятие организации, отмечает, что личность – это стабильная и консистентная система установок, действующая в изменяющихся условиях среды [40]. Константность действий личности связана с уменьшением энтропии и возрастанием внутренней организации. Уменьшение энтропии, по мнению А. С. Прангишвили, обеспечивается установкой, являющейся готовностью, направленностью, преориентацией к определенному поведению. Сама личность, носитель системы установок, мыслится как негэнтропийно действующее образование. При таком способе рассуждения в качестве фактора возрастания энтропии (дезорганизации, дестабилизации и т. п.) рассматривается изменчивость и вариабельность внешней среды, а в качестве фактора порядка и организации (т. е. негэнтропийным фактором) – личность со своими установками, которая устойчива и резистентна хаосу. Такая точка зрения является парадигмальной и многие психологи имплицитно или эксплицитно следуют ей. Мы тут же хотим отметить наше критическое отношение к такому пониманию из-за той односторонности, о которой сейчас пойдет речь. Беря вслед за А. С. Прангишвили на "вооруженье" понятия энтропии (увеличения дезорганизованности, нестабильности и т. п.) и негэнтропии (увеличения организованности, устойчивости, порядка и т. п.), мы, однако, считаем, что при определении сущности личности и ее взаимодействия с миром неправомерным является абсолютизация негэнтропийности внутренних и энтропийности внешних факторов. В той же мере неправомерным представляется допущение абсолютизации противоположного типа соотношений, на котором необходимо остановиться более подробно.

Под противоположным соотношением здесь имеется в виду допущение того, что факторы внешней среды действуют негэнтропийным образом, выступая в роли организующего начала, а внутренне-личностные факторы связаны с ростом энтропии. При подобном суждении воздействующая на личность и формирующая ее социальная среда представляется не как стохастически изменчивая реальность, а как устойчивая, хорошо структурированная и организованная программа воздействия. Социализация личности, согласно такому мнению, представляет процесс ее культуризации, а сама культура

определяется как выработанные и установленные правила и способы человеческих действий небиологического порядка, которые характеризуются преемственностью и передаются из поколения в поколение; при этом культуре присуща негэнтропийная природа [33]. Объектом ее организующего и упорядочивающего воздействия выступает человеческая деятельность, отношения между людьми, внутренний мир субъекта, убеждения и мировосприятие, эмоциональная жизнь. Согласно такой точке зрения, человеческая культура как фактор социализации выступает упорядочивающим началом внутреннего мира личности: установки личности являются объектом "культивирования" и поэтому их устойчивость определяется формирующим воздействием культурной среды. Следовательно, внешний, социально-культурный мир мыслится негэнтропийно действующим в противовес внутреннему, олицетворяющего изначально хаос и рост энтропии. Эта точка зрения находит свое воплощение во многих теориях социализации. Среди них, в первую очередь, следует назвать классическое психоаналитическое учение, в котором друг другу противопоставляются сознание, действующее по принципу реальности, вбирающее в себя структурированность, организованность и нормативность социального воздействия, и бессознательное – носитель асоциальных и хаотических импульсов, действующих по принципу удовольствия [60]. Примечательно также то, что многие идеологические системы строились на такого рода противопоставлениях и в их рамках вырабатывались определенные системы "психотехники" воспитания, социальной регуляции и саморегуляции человеческой деятельности. К примеру, можно сослаться на монографию Н. В. Абаева [5], показавшего истоки противоборства конфуцианства и даосизма или чань-буддизма в общественной жизни и культурном наследии древнего Китая: если учение Конфуция посредством утонченной системы воспитания преследовала цели обуздания и покорения изначально "темных" и хаотических сил человеческой природы, противопоставляя ей мир социальных установлений, норм и ритуалов, то в даосизме и в "психотехническом" плане более разработанной системе чань-буддизма культивировалось пробуждение внутреннего мира спонтанности. Эти восточные системы являются конкретными (и частными) воплощениями многочисленных социально-философских учений, ставящих вопросы о ценности рациональных и иррациональных начал в человеке и вопрошающих о том, где искать истоки высшего порядка – в мире социальных отношений или во внутренней природе человека.

Итак, у нас речь шла о критическом отношении к положению, согласно которому имманентные силы личности представляются в качестве негэнтропийного начала в противоположность изменчивой и энтропийно воздействующей внешней среды. С этой целью мы показали, что существует противоположная точка зрения. В итоге, в плане способов взаимодействия личности с социальным миром у нас налицо две оппозиционные модели суждений: (1) социальная среда олицетворяет рост энтропии, а личность со своими внутренними динамическими тенденциями – уменьшение энтропии, т. е. негэнтропию (организацию, устойчивость порядок); (2) социальная среда действует негэнтропийным образом, а внутренние (изначальные) динамические тенденции личности выражают рост энтропии и хаоса. Наше критическое осмысление этих точек зрения начинается именно с этого пункта.

Сначала внимательно проанализируем эти оппозиционные суждения и поставим вопрос о том, что является той базовой идеей, которая лежит в голове их противопоставления. При такой постановке вопроса мы столкнемся с тем парадоксальным обстоятельством, что оба суждения основываются на одних и тех же, далеко несостоятельных, постулатах. Согласно первому постулату среда и личность представляют собой реалии со взаимно гетерогенными, отчужденными и противоположными динамическими тенденциями. Личность противопоставляется среде, а среда личности. Такое противопоставление означает наличие в каждом из них взаимоисключающих способов действия.

Противопоставление и антагонизм в обоих типах суждений абсолютизируется, а синергия и их органическая целостность, если и не отрицается, то во всяком случае отодвигается на задний план. Согласно второму постулату противоположные динамические тенденции – рост энтропии и негэнтропия – локализованы либо внутри личности, либо же в системе действий социальной среды: согласно первой точке зрения односторонность распределения энтропии и негэнтропии такова, что в личности локализована тенденция негэнтропии, а рост энтропии в ней исключается, тогда как среда наделяется исключительно атрибутами изменчивости и роста энтропии; согласно же второй точке зрения локализация и распределение указанных тенденций полностью инверсируются относительно первой. Одним словом, обе эти точки зрения повторяют друг друга по признаку односторонности локализации тенденции энтропии и негэнтропии, хотя и содержание такой локализации различно в том и другом случае.

Что можно сказать в адрес таких постулатов? Во-первых, мы можем констатировать, что в плане роста и уменьшения энтропии в личности представлены обе тенденции: с одной стороны, личность стремится к стабильности и устойчивости, к восстановлению нарушенного равновесия и его поддержания, а с другой стороны, она же устремлена к нарушению равновесия, к выходу за рамки повторяемости и устойчивости привычных и поиску новых форм поведения. Личность не только завершенная и фиксированная система установок, но и процесс и возможность их обновления, перестройки и реструктурирования. Аналогично можно говорить и о формирующей личность социальной среде в плане диалектического сосуществования в ней тенденций энтропии и негэнтропии, устойчивости и изменчивости. Исходя из этого, будет логичным противопоставить указанным двум несостоятельным постулатам диалектически осмысленную точку зрения, которая формулируется посредством двух взаимосвязанных положений: (1) способ взаимодействия внутри системы "личность – социальная среда" следует мыслить в качестве единства синергии и противопоставления тенденции энтропии и негэнтропии; неоправданна односторонняя абсолютизация противопоставления, о чем выше шла речь, однако же абсолютизация синергии также привела бы к другим, не менее несостоятельным постулатам; (2) с одной стороны, личность, а с другой стороны, социально-культурная среда представляют собой органическую целостность противоположных тенденций энтропии и негэнтропии.

Проанализируем и конкретизируем положение об единстве синергии и противопоставления. Неправомерность абсолютизации противопоставления личности и социальной среды по параметрам энтропии и негэнтропии уже отмечалась. Аргументом такой неправомерности служит то, что подобная абсолютизация обходит стороной факты, указывающие на воспроизводство личностью в себе ценностных ориентации, нормы стереотипов мира социальных отношений. Повторим положение о том, что воздействующей на личность и формирующей ее социальной среде присущи организованность, устойчивость, консистентность, короче говоря, негэнтропийность (например, существующие в макро- и микросоциальной среде модели воспитания, ритуалы, традиции, социальные нормы и т. п.). Личностью интернализируются и воспроизводятся эти социально детерминированные способы, жизнедеятельности. Такое воспроизводство индивидом может осуществляться тем способом, что с его стороны не будет противопоставляться противоположная, т. е. энтропийная тенденция: определенным образом организованное и структурированное социальное воздействие может "встретиться" с соответствующей готовностью (установкой) со стороны субъекта реагировать тем же организованным, консистентным и устойчивым образом. В таком случае определенным образом организованный индивид устойчивым образом взаимодействует с организованной социальной средой; налицо синергичность взаимодействия между личностью и социумом.

Однако такая синергичность не является единственным способом взаимодействия. Возможны и другие его варианты, например, вариант соотношения, когда среда действует негэнтропийным, а личность противодействует энтропийным образом. Возможно и обратное, когда характеристики среды преимущественно включают в себя энтропийные тенденции, а личность "настроена" на негэнтропийное противодействие. Возможны также те варианты способов взаимодействия, когда и социальная среда, и личность, каждая в отдельности, являются носителями полярно противоположных тенденций устойчивости и изменчивости. Это приводит нас к необходимости поиска возможных состояний системы "личность – социум" в плане соотношений энтропийных и негэнтропийных динамических тенденций. С этой целью ось "личность – социум" следует скоординировать с осью "энтропия – негэнтропия". Возможные результаты этой операции будут изложены далее.

2. ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ

СОЦИАЛЬНОГО И ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПО ПАРАМЕТРУ МОДАЛЬНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Положение VIII. Активность любой модальности, будь то адаптивная или преобразовательная деятельность человека, может иметь в качестве интенционального объекта (1) внешний мир и (2) "Я" личности, что отражается в четырех исходных динамических тенденциях: (1) адаптация к среде, (2) самоадаптация, (3) преобразование среды и (4) самопреобразование; соотносясь между собой, а также с контрадикторными им полюсами, они образуют конкретно-возможные паттерны взаимодействия личности с социальным миром и самой собой.

Как отмечалось, в плане анализа модальности активности можно выделить оппозиции – "адаптация – преобразование", "адаптация – дезадаптация", "преобразование – стагнация". Из них основной является оппозиция "адаптация – преобразование". Однако адаптивная и преобразовательная активность в их "чистых" и крайних проявлениях являются лишь абстрактами, а их наполнение конкретным содержанием требует, в первую очередь, выяснения того, к чему приспосабливается личность и что является предметом преобразования. Это означает указание на интенциональный объект адаптивной и преобразовательной деятельности индивида. Для его определения в контексте нашего исследовательского концептуального аппарата необходимо исходить из того, что центральной темой нашего обсуждения является система "личность – социум". Следовательно, в нашем теоретическом построении базовыми понятиями, с которыми будут соотноситься все остальные, являются понятия "личность" и "социум", а основной инвариантной осью с двумя крайними полюсами, вокруг которой должны вращаться все другие (вариативные) оси, является ось "личность – социум". С целью определенного удобства в оперировании понятиями во многих местах данного текста "личность" будет порой заменяться словом "Я", а "социум" или "социальный мир" словом "другой (другие)"; соответственно ось "личность – социум" будет порой представлена как "Я – другие".

Итак, первая наша задача заключается в определении интенциональных объектов адаптивной и преобразовательной активности личности, т. е. определении того, на что они могут быть направлены. Имея в виду центральную и инвариантную ось в нашем рассуждении – "личность – социум", напрашивается вывод: адаптивная или преобразовательная деятельность личности может быть направлена (1) на социальную среду и (2) на самого себя. Путем вращения основной оси модальности активности личности – "адаптации – преобразования"- вокруг инвариантной оси "личность – социальная среда" получим следующее изображение (см. Табл. 7).

Здесь налицо четыре исходные динамические тенденции. Опишем каждую из них отдельно.

1. Адаптация к социальной среде

Адаптивная стратегия в социальной активности индивида наиболее изученная тема в психологии личности и социальной психологии. К этому следует добавить один существенный момент: адаптивные процессы обычно рассматриваются в рамках изучения отношений человека к внешнему окружению и в должной степени не учитывается значение адаптивных процессов, направленных на самого себя.

Перед личностью перманентно стоит задача приспособления к социуму. Социум предъявляет определенные ожидания и экспектации к лицу с тем, чтобы оно своё поведение строило сообразно им. Социум применяет определенные санкции при соответствии или несоответствии индивидуального поведения указанным ожиданиям и предписаниям. Как отмечает Т. Шибутани, социальное приспособление и координация действий в процессе совместной деятельности строится на основе "Я"-образов личности, в которых зафиксированы ожидания и предписания других относительно данной личности – носителя этих "Я"-образов [68]. Посредством такого механизма учитывания других в себе возможно осуществление социального контроля и самоконтроля индивидуального поведения.

Интериоризация социальных норм и ценностей, процесс социализации индивида имеет адаптивную функцию. Приспособление к своему социальному статусу и принятие определенной социальной роли связано с формированием чувства принадлежности к определенной общности (национальной, этнической, профессиональной, возрастной и т.д.) и сопричастности к ней как к некоторому коллективному организму, характеризующегося специфическими способами самосохранения и самоподдержания (традиции, ритуалы, стереотипы и шаблоны поведения и т. д.). Тем самым индивид становится приобщенным к определенной культуре и субкультуре. Такого рода приобщенность и сопричастность связаны с наличием системы "мы", которая в историко-психологическом плане хоть и предшествовала появлению чувства "Я" [87], однако в новое время – в эпоху буржуазного индивидуализма, взаимного отчуждения и некоммуникабельности – ее обретение для индивида все более и более становилось проблематичным. Э. Фромм, например, рассматривал вопросы психического здоровья и болезни под углом зрения последствий сепарации людей от общности и друг от друга, а также поиска способов приобщения, которые в условиях капитализма выражаются в нездоровых тенденциях бегства от свободы, конформизма и социального униформизма [8].

Адаптация к социальной среде, как стратегическая линия взаимодействия индивида с окружением, всегда имеет свое выражение в определенных когнитивных, эмоциональных и мотивационно-волевых процессах. Более того, она на них базируется. Во-первых, приспособление к социальному окружению зависит от того, как человек определяет ситуацию. Это положение стало основополагающим в исследованиях когнитивистски ориентированных социальных психологов. Во-вторых, эмоциональные состояния, связанные с адаптированностью (удовлетворенность, положительные отношения к окружающим и их приятие, чувство социальной защищенности и ощущение гарантированности и т. п.) или дезадаптированности (неудовлетворенность и

фрустрированность, тревожность, отрицательные отношения к окружающим, неприятие других, ощущение социальной незащищенности и негарантированности и т. п.) играют огромную роль во внутренней жизни человека, в регуляции его поведения и системы межличностных отношений. В-третьих, состояние дезадаптированности обычно является специфическим фоном для возникновения или функционирования тех или иных потребностей, исходящих из тенденции "быть" или стремления "иметь": в одних случаях сущность этих мотивационных сил выражается в тенденции "быть как другие", в других случаях – в стремлении "владеть самим собой", с тем чтобы подогнать свое поведение под общепринятые в своей субкультуре стереотипы. Богатыми возможностями для сбора информации о социально-адаптивных стратегиях личности обладает психоконсультационная практика. Сплошь и рядом в этой практике приходится сталкиваться с определенными симптомами дезадаптации, со стремлением к преодолению разного рода барьеров в общении с людьми. Их большая частота позволяет отказаться от привлечения какого-либо обобщенного материала или отдельного иллюстративного случая. Эффективность психоконсультационной и психокоррекционной работы зависит от того, насколько психолог будет способствовать актуализации когнитивных, эмоциональных и поведенческих резервов адаптации в их единстве. При этом в плане когнитивной стороны наиболее эффективным является не сама по себе подача продуманных и чётких рекомендаций поведения для их интеллектуального освоения клиентом, а побуждение к инсайтной активности, к переосмыслению собственной жизненной ситуации своими же усилиями, к постижению и обнаружению самобытных "психотехнических" приемов преодоления адаптационных затруднений. В плане актуализации эмоциональных резервов социально-психологической адаптации необходимым, но недостаточным, условием со стороны психолога является установление доверительной и позитивно-эмоциональной атмосферы, эмпатирование с миром переживаний консультируемого. Важно также способствовать клиенту проделать определенную "работу" с переживанием, прочувствовать амплитуду полярностей "горе, несчастье – радость, счастье", смоделировать возникновение всевозможных отрицательных и положительных чувств, связанных с адаптированностью и дезадаптацией. Что же касается поведенческих аспектов, то, с одной стороны, огромная литература по бихевиоральной терапии посвящена вопросам применения в психотерапевтической практике методов выработки условных рефлексов и оперантного обуславливания с целью приспособления индивида к своему окружению. С другой стороны, метод психодрамы в той его части, которая заключается в принятии и игрании ролей других людей, безусловно, способствует расширению диапазона приспособительных возможностей личности. Привлекают внимание те формы индивидуальной и групповой работы с людьми, сущность которых заключается не в "отрепетировании" готового шаблона поведения и его фиксации, а в побуждении к ответственному решению и выбору линии поведения на "свой страх и риск", в повышении способности самому отвечать за свой выбор и поступок, в расширении диапазона возможных способов поведенческого решения разных жизненных задач и в снятии ригидной установки – будто существует лишь один единственный такой способ.

2. Адаптация к самому себе (самоприспособление)

Человек постоянно стоит перед задачей приспособления не только к внешней, но и к внутренней среде. Адаптивная активность личности не ограничивается направленностью на социальное окружение, ее интенциональным объектом является также внутреннее состояние, собственные характерологические признаки, свои недостатки и достоинства, свой же выбор и решения, собственный поступок и его результаты.

Взаимодействующей с личностью стороной является не только социум (другие), но и собственное "Я". Ожидания и экспектации исходят не только от других, но и от самого себя: относительно самого себя складываются вполне конкретные ожидания и выдвигаются соответствующие предписания и требования. Личность стоит перед задачей соответствовать им, оправдать доверие относительно самой себя, сообразовать линию поведения системе требований к себе. Правда, генезис такого рода ожиданий и экспектации берет свое начало в отношениях других людей к личности и является интериоризацией чужого мнения, но в контексте настоящих рассуждений это не столь важно, более значительно подчеркнуть момент направленности на самоадаптацию.

Можно перечислить многие проявления тенденции самоприспособления, такие как самопрятие, снисходительность к себе, самопоследовательность, самоуверенность и т. д. Соответственно, состояние дезадаптированности будет выражаться в самонеприятии, в отсутствии снисходительности к себе, непоследовательности выбранной стратегии действий относительно самого себя, неуверенности в своих силах и внутриличностных сомнениях, угрызении совести и чувстве вины и т. п. Особенно важным механизмом в личностном бытии является приспособление к своим выборам и решениям. Личность не только выбирает и принимает решения, но и к тому же стремится обосновать свой выбор и свое решение после того, когда оно уже осуществлено. Такое обоснование имеет множество своих проявлений, начиная от простой рационализации и кончая сложными системами действий в адрес "Я". При этом в качестве "аудитории" обоснования представлены не только другие, но и к тому же (а порой и в первую очередь) человеку самому себе приходится обосновывать принятое решение, осуществленный выбор и содеянное на его основе. Трудно переоценить значение тенденции адаптироваться к своему выбору и решениям в регуляции деятельности личности, в формировании и смене установок. Недаром столь много исследований посвящены феноменам когнитивного диссонанса, в которых наиболее детально отражаются конкретные стратегии самоадаптации в сфере личностного выбора и принятия решения.

Самоприспособление в качестве определенной личностной задачи выдвигается перед субъектом во всех структурно-содержательных сферах самоотношения, рассмотренных выше. Перед человеком возникает необходимость адаптации к своей внешности и собственным сенсомоторным возможностям, интеллектуальным и эмоциональным особенностям, результатам своей деятельности и своему социальному статусу, наконец, к себе как целостной личности, имеющей индивидуальную неповторимость и определенные ценностные ориентации.

Важным моментом социальной адаптации и самоадаптации является формирование социальной и личностной идентичности. В определенные жизненные периоды индивид сталкивается с некоторыми трудностями в определении своей идентичности, что может стать причиной личностных кризисов. Таким кризисным периодом, связанным с поиском социальной и личностной идентичности, является, например, подростковый период [77]. Такие же трудности возникают и в другие жизненные периоды. Например, при поступлении на новую работу, назначении на новую должность и т. п. человек стоит перед задачей своего статусно-ролевого самоопределения. Можно сослаться и на другие примеры. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о трудностях, переживаемых женщинами после того, как ребенок достигает школьного возраста, а мать должна вновь начать работу, покинуть узкий круг семейных отношений и выйти в "большой мир" заново категоризировать себя в терминах социально-профессиональной активности и реадаптироваться к соответствующим статусно-ролевым обязанностям – задача не из легких; ее решение осложняется трудностями перестройки зафиксированного

материнского ролевого репертуара, связанной с необходимостью приспособиться к факту отделения ребенка от себя и "отдаче ребенка миру".

Важно учесть и аспект возрастных периодов. Процессы самоадаптации в разные возрастные периоды проходят совершенно по-разному, ибо задача самоприспособления задается теми изменениями, которые происходят в жизненном мире личности. Весьма показательным и относительно малоизученным вопросом в этом плане является период старости, целиком и полностью отличающийся от других возрастных периодов кроме прочего и механизмами самоадаптации. Снижение работоспособности, сужение круга общения, утрата ведущей роли в семье, ухудшение здоровья, необходимость переосмысления и внутреннего переживания смысла жизни и смерти, избыток свободного времени, нарастание неуверенности и тревожности – все это у людей преклонного возраста ведет к необходимости адаптации не только к новым внешним условиям, но и к изменениям в самих себе.

Учитывая временную структурированность самоотношения, становится очевидным, что процесс самоадаптации охватывает те или иные стороны как актуального, так и ретроспективного и проспективного "Я". Перед личностью стоит задача адаптации к происходящим в настоящий момент в его внутреннем мире изменениям, однако кроме этого она стоит перед необходимостью определить, как отнестись к тем или иным фактам и событиям из прошлой личной жизни, своим просчётам и неудачам, проступкам и разочарованиям, утрате близких людей или изменению отношений с людьми, смене взглядов и представлений и т. д. Задача самоадаптации возникает также при проектировании будущего: человек не только строит планы на будущее и надеется на осуществление своих замыслов, но и внутренне "свыкается" с ними, соотносит свое настоящее состояние с воображениями или предвосхищаемыми событиями; кроме того, такое планирование и предвосхищение будущего само по себе имеет адаптивную функцию и является как бы продолжением или сознательным "эквивалентом" фундаментального свойства психики – свойства антиципации, вероятностного прогнозирования и построения модели "потребного будущего".

Трудности, связанные с решением жизненных задач адаптации к образам актуального, ретроспективного и проспективного "Я", особенно ярко вырисовываются в практике психологического консультирования. При выработке стратегии совместной "работы" с консультируемым психолог-консультант стоит перед задачей определения того, насколько вектор дезадаптированности направлен на собственное "Я". При этом у одних консультируемых лиц жалобы на дезадаптированность фиксированы на образы актуального "Я". Неуверенность в своих силах, сомнения относительно правильности собственных поступков, повышенная самокритичность, неудовлетворенность своей внешностью, ощущение собственной негодности и т. п. выявляют ту или иную степень самонеприятия. Клиент с таким настроением в общении с психологом нацелен на беседу с акцентом на "здесь и теперь" проблемы. Попытки психолога показать клиенту возможности рассмотрения его личных проблем в более широком временном контексте на первых порах сталкиваются с определенным сопротивлением: консультируемый либо уклоняется от рассказа о том, каким он был в прошлом и каким ему представляется личное будущее, либо же пытается отделаться весьма фрагментарными, отрывчатыми и схематичными фразами.

У другой категории лиц отмечается фиксация на ретроспективное "Я". Они никак не могут примириться с содеянным в прошлом, личная биография для них выступает некоторой обузой и тяжелым бременем; они с охотой согласились бы, как выразилась одна молодая женщина, на воображаемое "хирургическое вмешательство по удалению

личного прошлого". Во время общения с психологом такие клиенты либо уклоняются от разговора на темы "здесь и теперь", либо же непрерывно пытаются их обсуждать с позиции нерешенных в прошлом жизненных задач и неудач. Бывает и так, что обесцениваются личные успехи в настоящем, которые в результате совместного с психологом анализа квалифицируются клиентом как компенсация за прошлую неудачу: личность посредством компенсаторных механизмов улучшает свое актуальное состояние, однако тем самым личностная проблема "переваривания" прошлого психотравматического опыта не решается.

Третья категория обратившихся к психоконсультанту лиц настолько направлена на проектирование собственного будущего, что складывается впечатление, что словно они "переселились" в измерение еще не наступившего психологического будущего. Образ личной жизни в будущем и проспективного "Я" занимает в их жизненном мире доминирующее положение, превращаясь в своего рода "тирана", который диктует как быть в настоящем. Тем самым образ актуального "Я" подгоняется под нужды и императивы проспективного "Я", личность сама себе подрывает почву для собственного бытия в настоящем и лишает самооценности все проявления экзистенции "здесь и теперь". Актуальное "Я" в душевной жизни личности выступает в качестве объектного средства для скорейшего достижения целевого состояния, зафиксированного в образе проспективного "Я". Все манипуляторные действия в адрес актуального "Я" направлены на его "подгонку" под желаемое будущее. Такая жизненная стратегия, сопровождаемая стремительным ускорением событий и темпов жизни, постоянно претерпевает фиаско. Личность приходит в смятение, стремление к сверхорганизованности оборачивается дезорганизацией поведения и времени жизни, возникают и усиливаются вегетативные и другие психосоматические нарушения.

Для иллюстрации только что сказанного мы можем сослаться на два примера из нашей психоконсультационной практики. Первый из них отражает трудности самоадаптации к образу ретроспективного "Я", а второй – болезненное и неадекватное стремление приспособить актуальное "Я" к модели проспективного "Я".

Случай 4. К нам обратилась К. Т., женщина 36 лет, инженер. Драма ее личной жизни заключалась в том, что ее первый брак был неудачным, и она не хотела иметь ребенка от мужа, которого возненавидела. Она развелась с мужем и настояла на аборте во время первой своей беременности, хотя плоду тогда было свыше 4-х месяцев. В результате такого неоправданного хирургического вмешательства К. Т. лишилась фертильности, далее многократно лечилась, но бесполезно. У нее была очень сильная репродуктивная установка и семейные отношения мыслились ею под знаком детоцентрированности. Таким образом, она оказалась обреченной на нереализованность своей генеральной жизненной установки. К. Т. всячески пыталась стереть из своего прошлого цепь событий, приведших к такому печальному исходу. Однако это ей не удавалось: ни социально-активная позиция и многочисленные контакты, ни профессиональное самоусовершенствование, ни разнообразные путешествия, ни внешняя привлекательность и личное обаяние, притягивающее к ней мужчин, не способствовали самозабвению и залечиванию душевной раны, причиной которой она, в первую очередь, считала саму себя на фоне ненависти к первому мужу и общей дезадаптированности с ближайшим окружением. В течение ряда лет у нее появились сюжетные сны, связанные с появлением и ростом ребёнка-сына. Тем самым нереализованная установка реализовывалась в образах сновидений. В поисках избавления от своего прошлого К. Т. вторично вышла замуж. Анализ ее отношений ко второму мужу показал, что она подходила к нему с родительско-материнских позиций, она как бы его усыновила, муж как бы представлялся заместителем нерожденного сына. В один период по совету окружающих и на основе собственного

решения она была намерена усыновить ребенка. Однако намерение оставалось намерением, так как все реальные шансы на его воплощение ликвидировались ею самой. Причиной того выступала все та же незалеченная рана и фиксация на ней. Впоследствии возникли конфликты и со вторым мужем, которого помимо прочего уже психологически не устраивало играть роль ребенка в общении с супругой. Они развелись. К. Т. продолжала свою линию "экстирпации" прошлого и решила изменить образ жизни в профессиональном отношении, оставила работу, регулярно напомиравшую прошлое, и перешла работать на новое предприятие, что сулило ей новые интересные дела и отношения. Однако, как она выразилась, "внешне много изменилось к лучшему, но внутренне все оставалось так же". Во время обсуждений личностно-жизненных проблем с психологом она преимущественно была фиксирована на прошедшее. Очень важной линией в её самоописании выступало то, что она постоянно со стороны ближайшего окружения выступала объектом субъект-объектного манипулирования. Она в равной степени не могла приспособиться ни к такому отношению к себе со стороны других и ни к своим поступкам в прошлом. Самодеструктивные тенденции подрывали почву для самопрития.

Если в указанном примере ретроспективная самодезадаптированность доминировала в жизненной драме личности, то в нижеприведенном примере проблемность жизненной ситуации лежит в плоскости проспективного "Я".

Случай 5. Мы провели пролонгированную психокоррекционную работу с А. Т., 20-летним юношей со средним образованием, с высокими интеллектуальными способностями и широким диапазоном интересов, с глубокими вегетоневротическими нарушениями и симптомами социальной дезадаптации, которые выступали для него помехой в осуществлении главной его мечты – поступить в университет и посвятить себя науке. Самонеприятие, чувство собственной неполноценности с гиперкомпенсаторным подчеркиванием своего превосходства над другими – бросались в глаза в его самоописании. Связь трудностей в самоадаптации с социальной дезадаптацией была налицо. Однако одна из главных особенностей его душевного кризиса заключалась в том, что он целиком и полностью был во власти спроектированной им же модели своей жизни в будущем. В своем рассказе А. Т. все время старался рассказывать о своих планах на будущее, а если и излагал свое настоящее и прошедшее (о прошедшем он рассказывал неохотно), то точка зрения будущности непременно фигурировала в его речи. Подход к собственному "Я", начиная от своей внешности, или физических возможностей и кончая интеллектуальными способностями, был субъект-объектным: инструментально-манипуляторное отношение к себе служило цели воображаемого достижения модели проспективного "Я". Им же спроектированный образ будущего "Я" господствовал над ним. Нетерпеливость, смятение, ощущение недостижимости своего желаемого состояния – выводило его из строя, дезорганизовало его поведение и время жизни. Все это имело свой выход в вегетоневротических отклонениях. Чем больше он старался быть организованным и собранным, что служило средством мнимого ускорения достижения цели, тем более это приводило к неудачам. Создавался порочный круг. Первые психотерапевтические результаты (скромные, но очевидные) были достигнуты по мере коррекции его отношений к личному будущему и дефиксации от образа проспективного "Я", перемещение его внимания на события из прошлой жизни и глубокого детства, которые выступали объектами вытеснения.

3. Преобразование социальной среды

Человек живет в производимом и "очеловеченном" им мире. В этом процессе производства и очеловечения окружающая природная среда постоянно преобразуется.

Темпы такого преобразования особенно возросли в нашу эпоху научно-технической революции. Человеческая преобразовательная активность проходит в рамках совместной деятельности. Поэтому истинным субъектом преобразовательной деятельности является не отдельный индивид, а человеческое сообщество, коллектив. Однако преобразовательная деятельность направлена не только на внешнюю природную среду, но и на социальные отношения, на способ жизнедеятельности человеческих общностей и отдельных индивидов. Производятся не только продукты труда, но и межчеловеческие отношения. Каждый индивид, включенный в совместную деятельность, сопричастен к такой преобразовательной активности, направленной на производство межчеловеческих отношений и индивидуальной жизнедеятельности окружающих людей. В силу этого каждый индивид является участником жизни других индивидов.

В определенные периоды развития общества акцент на преобразовательную деятельность фиксируется в социальных требованиях. В материалах XXVII съезда КПСС и в других партийных и правительственных документах последних лет говорится о необходимости перестройки и преобразования как производственных мощностей, так и стиля работы отдельного человека и управления коллективом, отношений внутри коллектива и отношений людей к труду и досугу. Примечательно, что в этих руководящих материалах роль т. н. "человеческого фактора" обычно подчёркивается именно в контексте социально-экономической преобразовательной стратегии нашей партии.

Преобразовательная деятельность личности, направленная на других людей, наиболее ярко выражается в воспитательном воздействии. В "обыденном" сознании модель воспитательного воздействия мыслится обычно в качестве унилатерально направленного процесса: считается, что воспитатель воздействует на воспитуемого определенными воспитательными средствами с целью его приобщения к социальным нормам и ценностям; при этом фактически не принимается в расчёт обратное воздействие со стороны воспитуемого. Такой подход, выпускает из виду билатеральность воспитательного процесса: не только взрослые (родители) формируют личность ребенка, но и сами они изменяются в процессе общения под влиянием самой формируемой личности. Воспитуемый является своеобразным соучастником выработки воспитательной стратегии, направленной на него, а не пассивным объектом такого воздействия. Итак, существуют две крайне противоположные модели воспитания – унилатеральная и билатеральная, которым неосознанно или осознанно следуют конкретные лица в процессе воспитательного воздействия. Воспитательное воздействие взрослого на ребенка может быть выражением (1) тех норм и программ воспитания, которые аккумулированы социализированным индивидом в процессе своей жизнедеятельности, а также (2) тех изменений в подходе к ребенку и самому себе, которые по принципу обратной связи определяются самими результатами предыдущих воздействий. Когда взрослый жестко придерживается установленной программы, когда он не изменяет свою воспитательную стратегию, под влиянием результатов предыдущих воздействий, то в таких случаях налицо подгонка индивидуальности воспитуемого в рамки программ, планов, целей и желаний самого воспитателя. Такого рода подгонку следует понимать как ассимилирующее воздействие. Конечно же, полная ассимиляция никогда не достигается и известны отрицательные стороны и результаты такого подхода. Иначе обстоит дело при воспитательном процессе с чётко налаженной обратной связью. В некотором смысле повторяясь, подчеркнем, что не только родители формируют ребенка и преобразуют его душевную жизнь... но и сами они при этом "имеют шанс" преобразоваться. Ребенок, являясь продуктом воздействия со стороны родителей, проявляет определенную стратегию поведения в их отношении, то приспособляясь к их требованиям, то приспособляясь к своим нуждам и запросам поведение взрослых.

Воздействие на социум с целью его ассимиляции и подгонки под свои интересы или миропонимание не такое уже редкое явление в межличностном взаимодействии. Ассимилируя другого, субъект лишь в той мере принимает в расчёт индивидуальность или собственное мнение партнера межличностного взаимодействия, насколько такое учитывание служит цели его преобразования, перестройки или подавления. Навязывание своей мысли другому, бесконечное настаивание на своем, наказание другого за несогласие и т. п. хоть и может привести к желаемым для воздействующего субъекта результатам подгонки другого под "свое", однако же является деструктивным способом взаимодействия в двух отношениях: во-первых, чем дальше заходит такое ассимилятивное воздействие и чем больше успехов достигает воздействующий субъект, тем более он не прогрессирует; напротив, в нем наступает определенный застой (стагнация) в личностном становлении и параллельно с этим повышается раздражительность, а также ощущение того, что не до конца преодолен барьер индивидуальности другого, тот не полностью "поглощен". Во-вторых, объект воздействия, подавляя в себе импульсы спонтанного самовыражения, постепенно проявляет невротические отклонения, дезорганизацию поведения и неадекватное реагирование, что еще в большей степени повышает раздражительность в воздействующем субъекте. Межличностное общение приобретает характер порочного круга. Неадекватная гиперкомпенсация, патологическая комплиментарность и функционирование по механизму т. н. "двойной ловушки" – его неотъемлемый атрибут. Особенно наглядно это наблюдается в хронически конфликтных супружеских взаимоотношениях.

Преобразовательное воздействие на социум приобретает конструктивный смысл по мере того, насколько интенцией воздействия является не ассимиляция другого, а конструктивное решение определенных жизненно-важных проблем (производственных, бытовых, межличностных и т. д.). Взаимодействующие стороны в таком случае равноправны, воздействие превращается во взаимовоздействие, центрированность на задачу определяет ход дискуссии, преобразование другого сопровождается готовностью самопреобразования, ригидность и связанная с нею авторитарность уступают место демократическому способу общения, партнеры взаимообогащают друг друга в плане духовного роста. Методы социально-психологического тренинга и групповой динамики дают представление о возможностях, средствах и механизмах такого общения. В связи с этим логичным представляется переход на описание стратегии самопреобразования.

4. Самопреобразование

Личность перманентно стоит не только перед задачами социальной адаптации и самоадаптации или преобразования социальной среды, но и перед необходимостью самопреобразования. Изменение линии своего поведения, коррекция взглядов и убеждений, переоценка ценностей и перестройка собственной самооценки, искоренение своих недостатков и стремление к самоусовершенствованию – отдельные стороны указанной динамической тенденции.

Можно назвать два источника стремления к самопреобразованию: первый из них связан с самонеприятием и глубинным чувством собственной неполноценности, второй же базируется на позитивном начале в человеке, названном разными авторами по-разному; это тенденция к саморазвитию по В. Штерну [6], мотивация роста, самоактуализация и самореализация по А. Маслоу [98], Г. Олпорту [71] и К. Роджерсу [104], стремление к росту собственной самооценки по Ф. Лершу [63; 66]. В первом случае импульс самопреобразования исходит из психологической данности (сознательной или бессознательной) собственных недостатков и минусов, и "работа" личности проходит под знаком их искоренения и избавления от них. Это своеобразная тенденция бегства от

недостатков, коррекции своих поступков и черт характера; это активная "переделка" собственной "натуры", а в крайних случаях даже насилие над самим собой. Во втором случае налицо прямо противоположная психологическая ситуация. Здесь импульс самопреобразования исходит не из недостатков и минусов, а из достигнутого уровня развития и стремления впредь развиваться, из положительной самооценки, осознания своих плюсов и стремления приумножить свои достоинства. Если в первом случае предметом "заботы" является искоренение и избавление (недостатков), то во втором случае им выступает рост, улучшение и углубление (достоинств). Можно предполагать, что самопреобразование, связанное с личностным прогрессирующим, включает в себя оба названных источника: чувство собственной самооценности и стремление к росту, к самоусовершенствованию в отрыве от самокоррекции и искоренения недостатков может привести к излишней самонадеянности и беспечности, тогда как фиксация только на действиях по избавлению от собственных недостатков может иметь своим следствием возникновение порочного круга неадекватных действий. Суть этих последних заключается в известном механизме: чем больше усиливается "работа" по избавлению от собственных недостатков, тем более они преувеличиваются субъектом и это заставляет его поверить, что недостатки далеко не преодолены, а проделанная "работа" превращается в "сизифов труд". Возможно и то, что преодоленный недостаток замещается новым, тот – в свою очередь другим и т. д. Личностное самопрогрессирование строится на одновременном избавлении от порока и сохранении, "культивировании" и приумножении личностно-ценных качеств. Известный закон диалектики, заключающийся в единстве самоотрицания и сохранения "рационального зерна", имеет своим частным воплощением процесс становления личности. Мы можем сослаться, на анализ одного случая из психоконсультационной и психокоррекционной практики, являющийся наглядным примером фиксации на действиях по избавлению недостатков.

Случай 6. К нам обратилась молодая замужняя женщина Д. И., 32 лет, имеющая двоих детей. Жалобы относились к дисфункции во взаимоотношениях с супругом и сложностям: в общении со старшей дочерью. Анализ жизни консультируемой показал, что ядро ее конфликтов кроется в сфере ее самоотношений и самопреобразующей активности, строящейся на самонеприятии. Её сознание полностью было занято "заботами" об избавлении от своих мнимых недостатков, относящихся к собственной внешности. Она дважды подвергалась косметической операции носа, но считала, что нос у нее не таков, какой ей хотелось бы иметь. Время от времени Д. И. соблюдала разного рода диеты с целью улучшения кожи лица и похудения, хотя никаких дефектов на лице не было, а ее вес был в пределах нормы. Консультируемая поговаривала и о том, что в ближайшие годы ей следует "подтянуть" кожу на лице и т. д. и т. п. Фиксация на манипуляторный подход к собственной внешности и стремление к ее изменению, основанные на глубоком самонеприятии, нашли свой выход в конфликтах в семье.

Мы до сих пор рассматривали внутренние источники самопреобразовательной активности личности. Однако такая тенденция не является сугубо имманентным качеством индивида. Помимо внутриличностных источников следует учесть момент социально-культурной детерминации: в разнообразных системах воспитания и нормативно-социальной регуляции индивидуального поведения) ставятся цели самовоспитания и личностной саморегуляции; более того, дело не ограничивается постановкой таких целей и вырабатываются разнообразные "психотехнические" средства самопреобразовательной деятельности (частным примером может служить йога и другие восточные и западные системы физического и духовного самовоспитания). В определенные периоды своего развития общество ставит перед людьми задачу преодоления сложившихся стереотипов и косности мышления, перестройки убеждений и стиля работы, преобразований себя и своих отношений к отдельным людям, к коллективу. Однако поставить такую задачу,

указывающую что следует делать, это только полдела, если не дать людям знать, как ее осуществить и к каким психологическим средствам следовало бы для этого обратиться. Более того, недостаточно даже знать, знание должно перейти в определенное умение. На этом поприще огромную актуальность приобретает психологическая наука и внедрение разветвленной сети психологической службы. Психоконсультационная и психокоррекционная работа, методы социально-психологического тренинга и др. способны обучить людей пользоваться огромными резервами самопреобразования в плане решения проблем и трудностей, связанных как с личной жизнью, так и с производством, с трудовым коллективом.

Мы рассмотрели исходные абстрактно-возможные варианты взаимодействия личности с социумом по параметру адаптации-преобразования. Теперь переходим к описанию конкретно-возможных паттернов такого взаимодействия. Для такого перехода от абстрактно-исходных возможностей к конкретным, как было показано в предыдущих разделах данной работы, мы пользовались методом составления комбинаторных матриц, вертикальные и горизонтальные столбцы которых были заполнены четырьмя исходными возможными вариантами.

Для того чтобы не повторяться, мы на сей раз предлагаем несколько иной способ выделения конкретно-возможных паттернов взаимодействия. Попытаемся скоординировать с осью "Я (личность) – другие (социум)" все указанные четыре исходных абстрактно-возможных варианта взаимодействия. Как уже было показано, в плане динамических тенденций адаптации-преобразования относительно "Я" имеются две возможные стратегии действия – (1) самоадаптация и (2) самопреобразование. С другой стороны, относительно других (социума) налицо действие стратегии (1) адаптации к социумом и (2) преобразования социальной среды. Исходя из таких данных, мы можем "высчитать" четыре вида соотношений между исходными абстрактно-возможными вариантами взаимодействия личности с социумом и самой собою. В итоге мы получаем следующие конкретно-возможные паттерны взаимодействия: (А) самоадаптация – адаптация к другим, (Б) самоадаптация – преобразование других, (В) самопреобразование – адаптация к другим и (Г) самопреобразование – преобразование других. Приступаем к их описанию.

А. Самоадаптация – адаптация к другим. В данном случае речь может идти о двух видах взаимосвязи: синхронном и диахронном. В первом случае адаптация с другими во временном отношении сосуществует с адаптированностью с самим собою. Во втором случае одна предшествует другой либо в каузальном, либо же в целевом отношении: в каузальном отношении адаптация к среде может предшествовать самоадаптации как следствию и *in versa versus*, а в целевом отношении самоадаптация может служить средством для достижения цели социальной адаптации и *in versa versus*.

В содержательном отношении действие данного паттерна хорошо раскрывается в тех конкретных случаях, когда с приспособлением к окружению повышается уровень самопрятия. В психокоррекционной работе неоднократно возникают ситуации помощи консультируемому в преодолении барьера самонеприятия через прятие других. Например, приучая видеть себя чужими глазами, глубоко "внедряя" в себя другого и тем самым приспособляясь к нему, у личности появляется шанс увидеть себя в новом (позитивном) ракурсе и выработать способы переструктурирования представлений о себе, изменить действия, направленные на самого себя. Можно действовать и обратным способом: урегулировать отношения с другими посредством преодоления

внутриличностных коллизий и притягивая себя таким, каким "я есть".

Б. Самоадаптация – преобразование других. На этот раз налицо паттерн взаимодействия с другими и самим собой, сущность которого в том, что процесс и результаты преобразовательного воздействия на другого человека (других людей) связаны с повышением уровня самоадаптированности. Как и в предыдущем случае, здесь можно констатировать как связь синхронного характера, так и причинно-следственно или целевым образом обусловленное диахроническое отношение между самоадаптацией и преобразовательным воздействием над другими. Частным примером действия данного паттерна является ситуация, когда человек начинает "ладить" с самим собой по мере навязывания своих мыслей другому. Еще более наглядно содержание данного паттерна вырисовывается тогда, когда для воздействия над другими привлекается необходимый "заряд" самоуверенности, а порой даже самонадеянности (самоуверенность одна из разновидностей самопритягивания и, следовательно, самоприспособленности, а самонадеянность представляется его гиперкомпенсированным образцом).

В. Самопреобразование – адаптация к другим. Данный паттерн взаимодействия включает в себя синхронную или диахронную взаимосвязь между социальной адаптацией и самопреобразовательной активностью. Самым очевидным образом его содержание раскрывается тогда, когда личность прилагает огромные усилия по перестройке своих представлений или подавлению своих импульсов, коррекции личностных черт и линий своего поведения с тем, чтобы приспособиться к партнеру социального взаимодействия (или к спутнику жизни) или "вписаться" в желанную социальную группу. Можно указать и на психологические механизмы иного содержания: интериоризация групповых норм и приобщение к социуму имеет своим следствием изменение (преобразование) представлений о себе, о своем назначении и месте в жизни.

Г. Преобразование социума – самопреобразование. Тут налицо действие известной частной закономерности, сущность которой в том, что человек преобразует самого себя, преобразуя свое окружение. Частным она является хотя бы постольку, поскольку существуют наблюдения и большое количество эмпирически установленных фактов, свидетельствующих о том, что определенная категория людей преобразующим образом пытается воздействовать на других (при этом настойчиво и упорно), ригидно следуя своим представлениям о мире и о себе, ничуть их не корректируя. При преобразовательной деятельности, одновременно направленной как на других, так и на самого себя, срабатывает хорошо налаженная обратная связь. Личность в таком случае развивается, способствуя развитию других, и наоборот. В ответственные моменты жизни трудового коллектива именно этот паттерн взаимодействия представляется наиболее эффективным в управленческой деятельности руководителя.

Мы вкратце охарактеризовали четыре конкретно-возможных (А, Б, В, Г) варианта взаимодействия личности с социумом и самим собой. Вышеуказанные исходные абстрактно-возможные варианты (адаптация к социуму, самоадаптация, преобразование других, самопреобразование) мы можем скоординировать с осью "адаптация – преобразование". Как отмечалось, интенциональным объектом адаптивной активности могут выступать (1) "Я" и (2) другие люди, а в плане преобразовательной активности человек может воздействовать (1) на других и (2) на самого себя. На этой основе можно предложить следующее изображение, дающее представление о новых соотношениях между исходными видами взаимодействия.

В указанной таблице дается два новых конкретно-возможных варианта взаимодействия – Д (преобразование других – приспособление к другим) и Е (самопреобразование – самоадаптация), а два остальных (2 и 3) повторяют описанные выше соотношения В (самопреобразование – адаптация к другим) и Б (самоадаптация – преобразование других). Такое появление двух новых при сохранении и инвариантности двух других старых вариантов является хорошим свидетельством правильности выбранного пути выделения конкретно-возможных образцов взаимодействия. Опишем указанные варианты Д и Е.

Д. Адаптация к другим – преобразование других. Взаимодействие личности с социумом в разбираемом случае характеризуется двузначностью: с одной стороны, субъект решает задачу приспособления к социуму, с другой же стороны, он подвергает его преобразующему воздействию. Чтобы не показаться голословным, для иллюстрации данного конкретно-возможного варианта взаимодействия личности с социумом можно сослаться на известную в социальной психологии закономерность смены установки в процессе коммуникации: для воздействия на субъект с целью изменения его позиции эффективным средством является сначала продемонстрировать согласие с ним по обсуждаемому вопросу, и лишь впоследствии подавать ему убеждающую информацию, включающую в себя противоположную изначальной позиции субъекта точку зрения. Считается, что человек сперва должен "войти" в группу, приспособиться к ней, разделяя убеждения и представления его членов, а затем воздействовать на них с тем, чтобы изменить их взгляды.

Е. Самоадаптация – самопреобразование. Двузначность модальности активности на сей раз определяется ее направленностью на самого субъекта. В подобном случае личность начинает чувствовать уверенность в своих силах и тем самым приспособливаться к себе по мере или в результате самопреобразования. С другой стороны, можно указать на обратный действующий психологический механизм: личность приступает к "работе" по самопреобразованию, уверовав в свои силы и подготовив в себе почву благодаря тому, что преодолены симптомы дезадаптации и внутриличностные коллизии. В психокоррекционной работе нам довольно часто приходится сталкиваться со случаями, когда поиски клиента к самопреобразованию внутренне необоснованны: на одном лишь самонеприятии и желании измениться невозможно достичь желательных результатов по личностному прогрессированию; даже напротив, не имея в себе опоры, не достигнув необходимого уровня внутренней согласованности, усилия по самопреобразованию превращаются в бесплодную затею, приводящую к еще более осязаемому внутреннему рассогласованию, что может способствовать скорее регрессированию, нежели личностному развитию. Поэтому психолог стоит перед задачей научить обратившееся к нему за помощью лицо, беспрестанно стремящееся изменить свой внешний или внутренний облик, сначала дать себе "право на существование", такому, каков он есть, разрешить конфликты в своей "внутренней аудитории", обеспечить себе опору в "Я" посредством конструктивного диалога с самим собой, направленного на внутренний компромисс, и т. д.

Итак, мы "высчитали" все возможные образцы взаимодействия личности с социумом и самой собой по параметру модальностей активности, отраженных в контрарной оппозиции адаптация – преобразование. Однако, как уже отмечалось, в нашем наличии осталась для анализа контрадикторная пара: (1) адаптация – дезадаптация и (2) преобразование – стагнация. Начнем с анализа первой.

* * *

Адаптация – дезадаптация

в социальном и внутриличностном взаимодействии

Известный нам способ анализа исходных абстрактно-возможных образцов взаимодействия позволяет выделить четыре варианта: (1) адаптация к социуму, (2) самоадаптация, (3) дезадаптация с социумом и (4) самодезадаптация. Содержание первых двух образцов выше уже было представлено, поэтому вкратце опишем лишь третий и четвертый.

3. Дезадаптация с социумом

Дезадаптация с социальным окружением не простое отсутствие приспособленности к другим, а сложное социально-психологическое состояние. Неприятие группой индивида, социально-психологическая изоляция и связанное с ней психологическое состояние фрустрированности и подавленности, неадекватность коммуникативных навыков и поведенческая дезорганизация, внутренняя скованность и подчеркнутая застенчивость – вот далеко не исчерпывающий перечень его симптомов. Однако недостаточно перечислить отдельные показатели состояния дезадаптированности.

Более того, дезадаптированность – это не только вызванное определенными причинами состояние, она может выступать в качестве некоторого объекта стремления со стороны индивида: индивид может активно стремиться уклониться от групповых установлений, не принимать взгляды других и противостоять им, осложнять отношения с окружающими и обострять конфликты. В одном случае дезадаптированность индивида может исходить из социальной группы, "отвергающей" его, и из неумения индивида вписываться в свое окружение, а в другом – из стремления самой личности к нарушению состояния социально-психологического равновесия в межлических отношениях и преодолению требований приспособленчества. Известно, насколько в групповых нормах имплицитно или эксплицитно содержится требование к индивиду приспособиться к социуму, сообразовать индивидуальное поведение с социальными ожиданиями и экспектациями и насколько отрицательно оценивается и даже осуждается неадаптированность. Однако было бы излишним упрощением допустить, что от социума всегда исходит только требование приспособленчества. Напротив, в нормативной структуре тех или иных малых социальных групп, а также идеологических систем может фигурировать требование "иметь свой голос", отрицательная оценка беспрекословного следования за другими и положительное отношение к лицам, плохо приспособленным и по этой причине неустроившимся в жизни.

В психоконсультационной практике нам приходилось сталкиваться со случаями амбивалентного отношения личности к своей социальной дезадаптированности: мучительное чувство собственной социальной неустроенности и социально-психологического дискомфорта сопровождалось компенсаторно-самоутверждающим пафосом типа "зато я не такой, как все", "я не обязан подвергать себя чужому мнению и подчиняться чужой воле" и т. д.

Случай 7. Для иллюстрации сказанного мы продолжим анализ психологических трудностей А. Т., упомянутых в обсуждаемом выше случае 5. Мучительное чувство жизненной неустроенности и нереализованности; главного желания – стать студентом и посвятить себя науке – усугублялось у консультируемого ощущением изолированности от друзей и от общества в целом, от несопричастности к референтной для него группе. Спонтанно оперируя научными понятиями, А. Т. описывал свое состояние в терминах неудачи в самоутверждении, дезадаптации и др. В качестве причины своей дезадаптированности он называл то вегетоневротические нарушения, то непонимание со

стороны других (в том числе и родных) его внутреннего мира, то свое излишнее самолюбие и честолюбие. Однако не это главное. Еще более важным представлялось нам подчеркнутое оправдание им своего состояния тем, что он "не желал быть похожим на всех", следовать общепринятым эталонам. Он не только оправдывался, но и бравировал своими качествами, в конечном итоге приводящими к изоляции, психологическому ощущению одиночества и неприспособленности к окружению. А. Т. путем самоанализа "докопался" до интересного механизма движения его души: по его словам, он "все время стремится к адаптации, а средства достижения этой цели носят дезадаптационный характер". Этим своим суждением он самостоятельно открыл в себе конкретный паттерн взаимодействия с социальным окружением, выражающийся во взаимосвязи адаптации (цель) и дезадаптации (средство). Содержание данного паттерна мы представим несколько ниже, а пока вернемся к тому, какими конкретными примерами иллюстрировал А. Т. действие указанного механизма. Один из примеров был примерно следующего содержания: он с большим энтузиазмом включался в новые отношения с каким-либо интересным человеком или в определенную группу, ставя себе целью приобщиться, быть принятым и отвечать запросам партнера (партнеров) общения (адаптация), однако вместе с тем проявлял излишнюю привязанность, большую альтруистичность (скорее, псевдоальтруистичность) и назойливую требовательность "быть понятым" осложняя отношения дискуссиями (дезадаптационные средства). В итоге чем более он стремился к упрочению связи с партнером общения и к приобщению к нему, тем более он "отталкивался" им.

Рассогласование с социумом не единственная форма дезадаптации. Личность может быть рассогласованной и во внутриличностном плане, о чем сейчас пойдет речь.

4. Самодезадаптация

При анализе динамической тенденции к самоадаптации мы частично описали противоположное ей состояние, выражающееся в отсутствии согласия с самим собой, неуверенности в своих силах и недоверительного внутриличностного отношения, итоговым образом определяемое как внутриличностная дезадаптированность. Самим ярким образом она проявляется тогда, когда собственный выбор, свое решение или совершенный поступок предстают во "внутренней аудитории" личности объектам неприятия или осуждения. Выбор осуществлен, решение принято, поступок совершен – вроде бы все в порядке, все необходимые звенья поведения налицо, остается лишь перевести совершившееся психологическое событие в систему памяти индивида и перейти к другим поведенческим актам. Однако дело обстоит не так уж просто! Подобным образом может действовать запрограммированный человеком какой-то машинный механизм, но не сам человек. Он же способен и по внутренней необходимости должен перейти на последующий "режим работы": заново перебираются варианты выбора, ретроспективно оценивается и переоценивается каждый из них, допускается другой способ решения и иная линия поведения в критической ситуации; личность может сожалеть о совершившем, обвинить себя за результаты поступка, умственно моделировать цепь событий при ином выборе и решении. Такая внутренняя "работа" не имеет общеустановленных и фиксированных временных рамок: в одном случае она может продолжаться в течение нескольких минут, в другом – днями, месяцами, годами. Мучительное "а что могло быть если..." указывает, с одной стороны, на то, что арсенал возможных линий собственного поведения и возможных способов самоосуществления выступает объектом рефлексии, а с другой стороны, на то, что налицо внутриличностное рассогласование и, как это удачно сформулировал В. В. Столин [48], работа самосознания через поступок.

Теперь пойдём дальше и попытаемся "высчитать" конкретно-возможные вариации социального и внутриличностного взаимодействия в ракурсе контрадикторной оппозиции "адаптация – дезадаптация". Не будем перегружать внимание читателя приведением уже известных ему способов выделения конкретно-возможных комбинаторных вариантов, воздержимся от их схематических изображений и прямо перечислим эти возможные образцы взаимодействия: (А) Дезадаптация к социуму – самоадаптация, (Б) адаптация к социуму – само-дезадаптация, (В) дезадаптация к социуму – самодезадаптация, (Г) адаптация к социуму – дезадаптация к социуму и (Д) самоадаптация – самодезадаптация. Дадим их краткое описание.

А. Дезадаптация к социуму – самоадаптация. Данный конкретный паттерн социального и внутриличностного взаимодействия может, например, выражаться в тех случаях, когда в личности повышается самооценка и внутренняя согласованность по мере того, насколько она девиантно ведет себя по отношению к групповым установлениям, изолируется со стороны других и, в целом, не вписывается в целостный "организм" группы.

Б. Адаптация к социуму – самодезадаптация. Этот паттерн является инверсированным вариантом предыдущего. В качестве примера можно сослаться на психологическое состояние внутреннего рассогласования и недовольства собою, возникшее и усиливающееся в том случае, если собственное конформное поведение и компромисс к окружению является "вынужденной посадкой".

В. Дезадаптация к социуму – самодезадаптация. На сей раз разбирается тот образец взаимодействия, который указывает на переход межличностных конфликтов во внутриличностный план. Рассогласование с внешним миром взаимосвязано с интраперсональным рассогласованием. Психокоррекционная работа в таких случаях носит весьма сложный характер и включает в себя две взаимодополнительные стратегии: регуляция отношений личности с другими через стимулирование ее "работы" по саморегулированию и, наоборот, достижение необходимого уровня внутренней согласованности через урегулирование ее социальных отношений.

Г. Адаптация к социуму – дезадаптация к социуму. В обсуждаемом выше случае 8 мы рассказывали о самостоятельном открытии А. Т. действия данного паттерна в его взаимоотношениях с окружающими людьми. Стремление адаптации к социуму может привести к обратному результату, если средства достижения этой цели имеют дезадаптационный характер.

Д. Самоадаптация – самодезадаптация. Выделение данного паттерна может показаться умозрительным. Однако, если отрефлексировать его содержание, то можно, по крайней мере, указать на одно обстоятельство: причиной самоадаптивной активности личности может выступить ощущение внутренней рассогласованности. Самодезадаптация как причина (или условие) в таком случае предшествует и обуславливает сложные внутриличностные процессы, направленные на принятие себя и достижение необходимого уровня интрапсихической согласованности.

В итоге, здесь мы выделили и отдельно рассмотрели 5 (А, Б, В, Г, Д) конкретно-возможных вариантов взаимодействия. Внимательный читатель заметил бы, что в предыдущих случаях обычно выделялись по 6 конкретно-возможных вариантов. В чем причина такого несовпадения в количестве, если процедура выделения осталась той же? Дело просто в том, что при координировании оси "адаптация – дезадаптация" с осью "Я – другие" выделяется паттерн "адаптация к социуму – самоадаптация", содержание которого уже было представлено выше.

Теперь перейдем к описанию тех возможных вариантов взаимодействия, которые открываются благодаря взаимовращению осей "преобразование – стагнация" и "Я – другие".

* * *

Преобразование – стагнация
в социальном и внутриличностном взаимодействии

Выделяются четыре исходных вида взаимодействия: (1) преобразование социума, (2) самопреобразование, (3) стагнация отношений с другими, (4) внутриличностная стагнация. Ввиду того, что первые два вида уже были охарактеризованы, приступим к раскрытию содержания третьего и четвертого.

3. Стагнация отношений с другими

Стагнация, как уже отмечалось, нами рассматривается как контрадикция преобразования, однако это не простое отсутствие преобразовательной активности субъекта, а стагнация имеет в некоторой степени самостоятельное психологическое содержание. В чем же ее специфика в сфере отношений личности с другими людьми? Очень короткий ответ на этот вопрос заключался бы в раскрытии содержания самого термина "стагнация", означающего застой. Следовательно, речь идет о застое межличностных отношений и способов взаимодействия субъекта к окружению. Однако такое определение страдает схематичностью и не раскрывает его конкретное содержание. Попытаемся в нем разобраться.

Способ взаимодействия личности с социумом при стагнации характеризуется неизменностью и повторяемостью. При этом главный признак заключается в том, что субъект не стремится вызвать какие-либо изменения в партнере общения. Более того, не только нет желания как-то преобразовать другого, но и есть стремление "законсервировать" его взгляды и установки, а также отношения к нему. Чем более партнер взаимодействия находится в состоянии застоя, чем более тот следует рутине и банальности, тем более субъект из этого извлекает определенные психологические выгоды. Он даже может приложить большие усилия, чтобы тот остался на прежнем уровне развития, не изменил взгляды, стиль поведения или работы. Сущность деятельности критикуемых ныне некоторых руководителей заключается именно в таком стагнирующем воздействии на людей, на коллектив; лишь формально выступав за конструктивную инновацию, на деле они действуют против нее, Поощряя стереотипность решения производственных задач. Безусловно, это приводит не только к застою, но и к более ощутимым отрицательным результатам.

Из нашей практики по семейной консультации мы можем сослаться на многочисленные примеры того, как один из супругов стремится "заглушить" импульсы саморазвития в спутнике жизни, требует от него рутинной повседневности, апеллируя к ежедневным бытовым проблемам и заботам. Сошлемся на один из таких примеров.

Случай 8. К нам обратилась молодая женщина Е. С., 34 лет, с невротическими симптомами страха, тревожности и подавленности. В ее родительской семье мать с отцом часто ссорились; мать – энергичная и гиперсоциализированная женщина, доминирующим образом относилась к ней, лишала её всякой инициативности и самостоятельности. Е. С. считала, что в детстве в ней подавлялись импульсы спонтанности, ею слишком манипулировали, не способствовали развитию ее отдельных способностей и т. д. В

дальнейшем, после окончания вуза, она и в профессиональном отношении ощутила себя неудачницей. Е. С. много читала и была в поисках путей самореализации. Вышла замуж, когда ей было 29 лет. Отношения мужа к ней с самого начала строились по принципу доминантности-субмиссии: муж доминировал над нею и требовал от нее подчиненности, исполнительности. Но дело не ограничилось его властолюбием. Он ежедневно проводил такую линию в общении с нею, что Е. С. постепенно лишалась всякой возможности саморазвития. Как только она пыталась высказать какое-то нестандартное мнение, или даже если в бытовых вопросах, относящихся к сфере компетенции женщин, она уклонялась от какого-то стандарта, которым, по мнению мужа, все должны были следовать, в её адрес следовали упреки со стороны мужа. После появления ребенка муж отстранил ее от работы, апеллируя к тому, что в семье много всяких дел. Она постепенно чувствовала, что отстала от жизни, утратила духовные интересы, погрузилась в рутину. Под влиянием такого стагнирующего воздействия мужа у нее актуализировались и усилились страхи и тревоги, связанные с потерей "Я", зафиксированные в ней еще в детстве в родительской семье.

Мы рассмотрели случай того, как человек таким образом влияет на других, что пытается вызвать в них определенный застой в образе жизни и в духовных устремлениях. Но можно сослаться и на многочисленные примеры стагнирующего взаимовлияния людей. Сущность действия многих традиций, вероятно, опирается на механизм консервирования стереотипов общения и способов видения мира. Более того, стагнация, которая возникает в рамках определенных научных школ с большими исследовательскими традициями, опирается на механизм поощрения ортодоксальности и критики всяких попыток отхода от теоретических представлений (или господствовавшей парадигмы), объединяющих членов данного научного сообщества в одно целое. Можно даже допустить, что взаимостагнирующее влияние, приводящее к общему застою, в некоторой степени сплачивает людей: повторяемость и стереотипность дает ощущение "почвы под собой" и устойчивости приобщенности друг к другу.

4. Внутриличностная стагнация

Совершенно очевидно, что застой может наступить не только в сфере межлюдских, но и внутриличностных отношений. В таком случае "работа" по самопреобразованию приостанавливается, человек укрывается в мире банальностей, собственные поступки оцениваются по шкале "застывших" стандартов, ригидность действий в адрес самого себя становится преобладающей чертой характера. Всякого рода риск, связанный с изменением стиля собственного поведения и видения мира, исключается из репертуара жизнедеятельности. Самодовольство в таком случае сопровождается принятием всех себе подобных и порицанием и неприятием всех "других", которые "не похожи на нас" (именно на нас, ибо ставка делается на приобщенность к себе подобным), и пытаются большими усилиями регулярно усовершенствовать самих себя. Нетерпимость к другим, занятым самоусовершенствованием, аргументируется предвзятостью тех ценностей, содержание которых заключается в "культивировании" обывательских вкусов и установок. Законсервировавшись в своем личностном становлении, индивид живет в фиксированном и никак не расширяющемся круге жизненного мира.

* * *

Мы рассмотрели исходные абстрактно-возможные виды взаимодействия в ракурсе оппозиции "преобразование – стагнация". Конкретно-возможными вариантами в этом плане являются: (А) стагнация отношений с другими – самопреобразование, (Б) преобразование социума – внутриличностная стагнация, (В) стагнация отношений с другими – внутриличностная стагнация, (Г) преобразование социума – стагнация

отношений с другими, (Д) самопреобразование – внутриличностная стагнация. Попытаемся наполнить эти перечисленные варианты конкретным содержанием.

А. Стагнация отношений с другими – самопреобразование. Данный паттерн социального и внутриличностного взаимодействия выражается в том, что личность стремится к самопреобразованию и самоусовершенствованию в условиях неизменности своего непосредственного социального окружения. Более того, личность в таком случае охвачена идеей, что работа над собою требует больших усилий и люди, окружающие ее, должны и обязаны в этом ей содействовать; поэтому чем более те скромны в своих интересах и не расширяют свой кругозор, не уклоняются от привычного образа жизни и следуют сложившимся стереотипам, тем более они могут обеспечить субъекту необходимый уют, тем более с него снимается ответственность за решение повседневных проблем и с большей силой он может отдаться внутренней "работе" по самоусовершенствованию. В качестве образа-прототипа, проводившего в жизни такую линию поведения, можно представить какого-то представителя аристократии, занятого исключительно своим духовным развитием и не только не считающего своим долгом просветить народ, но и реакционным образом проповедывающего, что народ должен оставаться в "темноте", что его не следует "будить" и т. д. Известны многочисленные примеры из жизни больших ученых, посвятивших жизнь постоянному духовному развитию и проявляющих консервативные взгляды относительно социальных перемен. Можно привести примеры и из обыденной семейной жизни. Семейная жизнь некоторых людей складывается таким образом, что супружеская психологическая совместимость имеет в своей основе действие данного паттерна: перспективный ученый или художник женится на ничем не выделяющейся в духовном отношении женщине. Муж полностью находится в духовных поисках, претерпевает внутриличностные и профессиональные метаморфозы, а жена остается на своем прежнем уровне развития, но взамен создает всяческие бытовые условия мужу для его продвижения и духовного прогрессирования.

Б. Преобразование социума – внутриличностная стагнация. Разбираемый на сей раз паттерн взаимодействия не так уж редко наблюдается в жизни людей. Свои мысли субъект навязывает другому с целью вызвать в нем желаемые изменения, тем временем сам же он испытывает застой и неизменность. Такое требование преобразования обычно носит жестко-директивный характер: не изменяясь самому и оставаясь все на прежнем уровне развития, можно вызвать желаемые изменения в других, лишь настойчиво заставляя их изменить образ жизнедеятельности. В качестве примера можно сослаться на одно из высказываний во время интервьюирования служащего одного из министерств, отметившего, что заведующий отделом упрекает сослуживцев: "Вы еще не преобразовали свою работу, нужно перестроить стиль работы, мыслить по-новому", – тогда как сам он мыслит стереотипно и не проявляет никаких признаков преобразования стиля собственной работы. Следующим примером может служить действие воспитателя; который преобразующим образом воздействует на воспитуемого, однако же сам не развивается и ригидно повторяется. Тот же паттерн взаимодействия можно наблюдать во многих случаях дето-родительских отношений.

В. Стагнация отношения с другими – внутриличностная стагнация. Тут говорится о том, что способ общения личности с другими и действия относительно самого себя характеризуются определенной ригидностью и неизменностью. Застой внутриличностного характера взаимосвязи с застоєм в отношениях человека с внешним миром. Внешний и внутренний мир жизни полностью очерчен, внутри такого жизненного мира все предельно ясно и зафиксировано: всему находится стандартный и с точки зрения здравого смысла ясный ответ. Личность сама укрывается в банальностях и параллельно способствует другим, чтобы и те укрылись в них.

Г. Преобразование социума – стагнация отношений с другими. Двойственный подход к социуму в данном случае имеет регрессирующе-воздействующий характер. Дело в том, что преобразовательное воздействие на других при данном образце взаимодействия с социумом отнюдь не имеет целью способствовать другому в развитии и самоусовершенствовании: напротив, цель взаимодействия здесь в том, чтобы другой уложился в те "застывшие" стереотипы, которые запрограммированы субъектом воздействия. В вышерассуждаемом случае 9 преобразующее воздействие мужа на жену было нацелено на то, чтобы та не стремилась к саморазвитию и самореализации, а ограничила себя теми фиксированными рамками повседневной жизнедеятельности, которые в качестве неизменяющихся программ действий фигурировали в сознании мужа.

Д. Самопреобразование – внутриличностная стагнация. Кажущаяся с первого взгляда умозрительность взаимосвязи самопреобразования и внутриличностной стагнации приобретает конкретный смысл, если примем во внимание одно наше наблюдение из психокоррекционной работы.

Случай 9. Молодой учитель Н. К., 34 лет, холостяк, с внутриличностными барьерами общения, стеснительный и застенчивый, рассказывал о том, насколько он был занят духовным самообогащением и изучением языков и насколько все это было бесплодным занятием, не избавляющим его от некоторого застоя "потока жизни" (слова Н. К.). Он жаловался на то, что его способности ничуть не развивались, он остался тем же, каким был, несмотря на информационное обогащение. Застой его беспокоил в трех отношениях: во-первых, в его личной жизни не было никаких существенных перемен в плане создания семьи (нужно отметить, что вместе с тем он оправдывал холостяцкую жизнь и перемену в этом отношении ассоциировал с нарушением покоя, с появлением новых забот и т. д.); во-вторых, он не видел перспектив продвижения вперед и смены педагогической работы, к которой он потерял интерес; в-третьих, как уже было сказано, в плане расширения своих способностей он не ощущал заметного прогресса. Н. К. следующим образом формулировал свою жизненную проблему: "чему служит такая увлеченность самоусовершенствованием, если в конечном итоге застой непреодолим?"

* * *

Итак, мы вкратце изложили конкретно-возможные варианты взаимодействия личности с социумом и самим собой по параметру модальностей активности, зафиксированных в оппозициях "адаптация – преобразование", "адаптация – дезадаптация" и "преобразование – стагнация". При этом наш анализ учитывал, к чему стремится субъект или что он испытывает в процессе решения жизненных задач. Однако мы не раз подчеркивали, что в анализе природы взаимодействия личности с социумом недостаточно исходить из момента субъективного стремления и следует учесть момент социально-нормативной регуляции индивидуального поведения, момент социальных требований, адресованных личности. Об этом мы писали в первой главе данной работы в связи с рассмотрением вопросов индивидуации и деиндивидуации, информативного и нормативного социального давления, норм "фактов" и норм "желательности", а во второй главе в связи с выделением конкретно-возможных статусных состояний по параметру "заданность статуса – создаваемость статуса" мы оперировали соотношением индивидуального стремления и социального требования. Логично поставить вопрос: что же мы получим, если адаптивную и преобразовательную деятельность рассмотрим в ракурсе соотношения стремления субъекта с нормативным требованием социального окружения? Сразу же хотелось бы отметить, что такая постановка вопроса переводит анализ на новую плоскость.

Начнем с адаптации. Адаптация к социуму относится не только к плоскости индивидуального стремления, но и к плоскости нормативного требования общества к отдельным своим членам. Можно перечислить несколько конкретно-возможных вариантов соотношения социального требования и индивидуального стремления в плане адаптации – дезадаптации. Например, социальное требование может заключаться в требовании адаптации к другим, а личность, находясь в унисоне с этим требованием, может проявлять активное стремление к такому приспособлению. Можно представить и такое соотношение, когда требованию социума к адаптации личность противопоставляет стремление к дезадаптации. Существуют и другие возможные варианты, однако их конкретное описание увело бы нас далеко в сторону. Если теперь под тем же углом зрения рассмотреть преобразовательную деятельность, то опять возникнет необходимость анализа соотношения социального требования и индивидуального стремления. Социальное требование может заключаться в преобразовательной деятельности и самопреобразовании, а конкретное лицо соответственно проявлять готовность к перестройке стиля работы и отношений к людям, к преодолению привычных стереотипов мышления и способов решения тех или иных задач. Напротив, при социальном требовании инновации и преобразования какое-то конкретное лицо может следовать все тем же старым и "застывшим" схемам жизнедеятельности. Мы здесь воздержимся от более конкретного описания всех подобных конкретно-возможных вариантов. Заинтересованный читатель может самостоятельно проделать такую работу. Нам же предстоит уже знакомый читателю способ психологического мышления приложить к выяснению природы источников активности личности.

3. ВОЗМОЖНЫЕ ПАТТЕРНЫ

СОЦИАЛЬНОГО И ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПО ПАРАМЕТРУ МОТИВАЦИОННОГО ИСТОЧНИКА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Положение IX. В качестве источников активности личности могут быть представлены стремления "быть" и "иметь" ("владеть"), направленные (1) на социум и (2) на "Я" личности, что отражается в четырех исходных динамических тенденциях: (1) быть как другие или быть с другими, быть для других, (2) быть самим собой, (3) владеть другими, (4) владеть самим собой; соотносясь между собой, а также с контрадикторными им парами, они образуют конкретно-возможные паттерны взаимодействия личности с социумом и с самим собой.

Проделанный в VII положении анализ показал, что в плане постановки вопроса "почему /зачем/?" выделяются контрадная оппозиция "быть-иметь /"владеть"/ и контрадикторные оппозиции "быть – не быть" и "владеть – не владеть"*. Конкретное содержание этих динамических тенденций раскрывается по мере соотношения этих оппозиций с осью "Я – другие". Начнем с анализа оппозиции "быть – владеть". * Так как "иметь" выражает стремление к овладению, то стремление "иметь" и "владеть" в данном контексте выступают синонимами. Для некоторого удобства в изложении мы преимущественно будем далее пользоваться словом "владеть".

"Быть – владеть"

в социальном и внутриличностном взаимодействии

Исходные варианты взаимодействия выделяются посредством взаимовращения осей "быть – владеть" и "Я – Другие".

В нашем распоряжении для анализа имеются четыре абстрактно-возможных варианта взаимодействия: (1) быть как другие (быть с другими, быть для других), (2) быть самим собой, (3) владеть другими и (4) владеть самим собой.

1. Быть как другие (быть с другими, быть для других)

Тенденция "быть" в данном случае содержательно определяется включенностью во взаимоотношения с социумом. Читатель может поставить вопрос: в чем различие между динамической тенденцией адаптации к социуму, рассмотренной выше и стремлением "быть как другие", обсуждаемым здесь? С первого взгляда сходство между ними настолько очевидно, что может показаться искусственным поиск различий. Однако на деле это не так. Во-первых, адаптация к другому указывает на ту жизненную задачу, которая поставлена перед индивидом и решается им, тогда как стремление "быть как другие" (и тем более "быть с другими" или "быть для других") указывает на ту мотивационно-потребностную сферу, которая выступает источником активности. Во-вторых, задача адаптации к социуму решается не только при наличии стремления "быть как другие", но и при других стремлениях, например, стремления "владеть другими" и "владеть самим собой". Более того, стремление "быть как другие" может следовать не цели адаптации, а напротив, преобразования другого. В последнем случае данное стремление может выступать в качестве механизма социальной "мимикрии" в деле решения задачи вызвать желаемые изменения в партнере социального взаимодействия. Короче говоря, тенденция адаптации к социуму и стремление "быть как другие" не перекрывают друг друга, они могут сливаться в одну и ту же деятельность субъекта и могут не сливаться.

Можно выделить три разновидности взаимодействия с другим (другими), основанные на стремлении "быть": (1) быть как другие, (2) быть с другими и (3) быть для других. Наиболее ярким выражением первого выступает феномен идентификации, впервые описанный в работах З. Фрейда [59; 61] и детально изучаемый как психоаналитиками, так и бихевиористами или когнитивистами ориентированными исследователями. В советской психологической науке изучению данного феномена посвящено немало интересных теоретико-эмпирических исследований. Описание стремления "быть с другими" дается в экзистенциально-философской литературе вслед за М. Хайдеггером, предложившим понятие "со-бытие" [89]. Что же касается стремления "быть для других", то оно лежит в основе альтруистического поведения.

Стремление "быть как другие", охватывает не только феномен идентификации, но и связь между социальным или характерологическим сходством и аттракцией, ставшей предметом обсуждения в одной из наших обзорных статей [46].

В контексте нашей работы хотелось бы высказать несколько соображений о механизме идентификации. Сам З. Фрейд его сущность рассматривал в связи с природой онтогенетического развития ребенка и социально-психологических процессов внутри социальной группы. Детальное критическое осмысление существующих психоаналитических представлений по поводу функционирования данного психологического механизма в данный момент не входит в нашу задачу. Мы ограничимся лишь критическими соображениями в адрес одной инвариантной идеи, лежащей в основе столь разноречивых толкований, которыми изобилуют работы психоаналитиков. Сущность этой идеи заключается в следующем: процесс идентификации, с одной стороны, связывается с процессом удовлетворения первичных витальных потребностей, например, потребности в пище, при этом допускается, что младенец "абсорбирует" вместе

с пищей образ кормилицы (т. н. анаклитическая идентификация), с другой стороны, он связывается либо с либидинозными стремлениями ребенка занять позицию родителя противоположного пола или символического отца, олицетворяющего определенную силу, либо же со снятием тревоги, вызванной тем, что индивид является объектом агрессии (идентификация с агрессором). Общим знаменателем всех этих разновидностей понимания является то, что идентификация представляется в некоторой степени вторичным процессом, служившим средством удовлетворения некоторой первичной (преимущественно биогенной) потребности. Мы предполагаем, что понимание, согласно которому процесс идентификации выступает средством для удовлетворения определенной потребности или снятия внутреннего напряжения, вызванного тревогой, частично правильно, однако необоснованна абсолютизация этой ее функции и ограничение исключительно ею. Дело в том, что потребность "быть" является, как мы уже отмечали, фундаментальным человеческим стремлением и ею (как и стремлением "иметь") могут быть "пронизаны" все виды человеческой активности, будут ли они биогенными, психогенными или социогенными. Однако стремление "быть" не беспредметно нужно быть и стать кем-то. Базальная потребность "быть" определяет то, что человек должен быть либо таким, каким является другой (другие), или же таким, каким он есть на самом деле. Между этими двумя крайностями находится средний пункт, отражающий то, каким человек в его понимании или в понимании социума должен стать ("сверх-Я") или же каким он желал бы стать ("желаемое" или "идеальное Я"). Это последнее стремление мы назвали средним пунктом, потому, что образ того, каким я должен стать или желал бы быть, является своеобразным "сплавом" образца, исходящего извне, и моего воображаемо-креативного участия по созданию или воссозданию данного образца: с одной стороны, опорным пунктом является эталон внешне-социального или культурного мира, но, с другой стороны, принятие такого эталона и его моделирование на себя зависит от меня самого и от моего проектирования способа собственной жизни. В итоге, стремление "быть как другие", выражающееся в идентификационном с социумом процессе, не является исключительно средством удовлетворения других потребностей, а представляется также самостоятельной движущей силой человеческой жизнедеятельности.

В социально-психологических исследованиях последних двух десятилетий интенсивно изучается феномен деиндивидуации [78; 107; 108]. При его определении перечисляется множество признаков, один из которых указывает на "растворяемость" индивида в социуме, который в нашей терминологии можно определить в качестве стремления "быть как другие". Прочие его признаки указывают на потерю контроля над собою, растормаживание импульсов и несдержанность, ведущих к нарушению принятых норм, на интрапсихический хаос и дезорганизацию поведения. Эти последние признаки прямо не относятся к рассматриваемому здесь стремлению "быть как другие", а отражают характеристики социального взаимодействия по другим параметрам, например, энтропии – негэнтропии.

Следовательно, эти стороны деиндивидуации будут нами рассматриваться при обсуждении вопросов организации и дезорганизации, энтропии и негэнтропии во взаимодействии личности с социальной средой. Пока же сконцентрируем наше внимание на тех сторонах феномена деиндивидуации, которые непосредственно относятся к характеристикам обсуждаемой здесь динамической тенденции.

Многие авторы считают, что стремление к деиндивидуации в смысле растворения индивида в других является либо средством для избегания социальной угрозы или персональной неудачи, либо же результатом того, что личность не воспринимает себя и не является воспринятой со стороны других в качестве своеобразного, необычного и сингулярного индивида [107]. Вместе с тем Р. С. Зиллер, чьи теоретические положения мы

еще раз затронем в связи с описанием стремления "быть самим собой", допускает в качестве изначального и самостоятельного стремление индивида к социальной зависимости и деиндивидуации в смысле слияния с другими [107].

Стремление "быть как другие" М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр и Э. Фромм рассматривают в качестве одной из разновидностей неаутентичного способа существования и неконструктивного решения человеком своих экзистенциальных проблем. М. Хайдеггер это стремление, имеющее свое крайнее выражение в растворении индивида в безличном "das Man", связывает со страхом смерти, а Ж. П. Сартр и Э. Фромм – с бегством от личной ответственности и свободы. Однако обнаруживается также большая разница между указанными авторами в понимании данного источника человеческой жизнедеятельности.

Если М. Хайдеггер помимо вышесказанного говорит о внутреннем стремлении к совместному бытию и с этой целью вводит понятия "со-бытие" (Mitsein) и "совместный мир" (Mitwelt), то Ж. П. Сартр критикует хайдеггеровскую идею "со-бытия", абсолютизируя взаимную чуждость людей ("ад – это другие", – говорит Сартр) и невозможность наличия между ними какой-либо подлинной общности и понимания. Э. Фромм во многих своих работах [84] настойчиво повторял мысль, согласно которой исходное состояние и стремление человека определялись слитностью с другими людьми и с социальной общностью, а последующий процесс сепарации людей от друг друга, наиболее крайним выражением которой является буржуазный индивидуализм, определил духовный кризис и болезненно-невротические симптомы, которыми страдает современный человек*. * Весьма далеким "предшественником" такого понимания соотношения слитности и сепарации является онтологическое учение Анаксимандра об "апейроне" как первичном состоянии неопределенности и недифференцированности сущего. Согласно Анаксимандру то, что выделяется от "апейрона", наказывается и возвращается к нему в силу закона.

Во многих неопределенно-психологически ориентированных теориях онтогенетического развития ребенка подчеркивается первостепенность потребности связи с социумом (сначала с родителями, далее со сверстниками и т. д.) в психическом развитии. В работах советских психологов и ученых из социалистических стран эта идея получила особое звучание. В основополагающих работах советских психологов по вопросам общения и совместной деятельности коллективного самоопределения и идентификации с группой, природы и функционирования социогенных потребностей и т. д. убедительно обосновывается положение о том, что стремления "быть с другими", "быть как другие" и "быть для других" являются важнейшими источниками человеческой жизнедеятельности.

2. Быть самим собой

Вторым модусом стремления "быть" является интенциональная направленность на "самость". Поиск личностной автономии и идентичности, стремление к самоопределению, испытание собственных возможностей и самореализация, феномен индивидуации, ощущение самобытности и индивидуальной неповторимости – вот неполный список отдельных сторон стремления личности "быть самой собой".

Огромна и разноречива литература о роли "самости" (self) в регуляции деятельности и в психическом развитии человека. Стремление "быть самим собой" выдвигалось в качестве центрального принципа человеческой экзистенции С. Кьеркегором и в качестве основного ядра аутентичного существования М. Хайдеггером, Ж. П. Сартром, К. Ясперсом и другими. Если автономность "Я" абсолютизировалась в идеалистических философских

учениях, например, в учении Фихте, то материалистическая мысль рассматривала ее сущность в рамках диалога между "Я" и "Ты" (Л. Фейербах). Марксистская позиция относительно "самости" и личностной автономии опирается на принцип социального детерминизма: феномены потери "самости" и личностной автономии, выражающиеся в самоотчуждении (равно как и в отчуждении от других людей и продуктов труда), рассматриваются как результат действия определенных сил социального устройства, противоречащего человеческим "сущностным силам".

Одним из выражений потребности "быть самим собой" является поиск личностной идентичности или, по определению Ю. Н. Емельянова [21], потребности в самоидентификации. Известно, что импульсом огромного количества психологических исследований, посвященных научению этой мотивационной силы, служили публикации Э. Эриксона [77]. Личностная идентичность определяется им как единство и самоидентификация во времени и пространстве, а потребность в идентичности как поиск и утверждение такого единства.

За последние годы множество исследований посвящено феноменам индивидуации, поиска своей неповторимости, сингулярности и отличия от других [82; 93; 97; 107]. Показательными в этом отношении являются идеи Р. С. Зиллера [107] о стремлении к индивидуации. Р. С. Зиллер определяет индивидуацию как субъективную дескрипцию социального мира, посредством которой собственное "Я" является более или менее дифференцированным от других объектов социального поля" [107, с. 345]. При этом индивидуация не ограничивается когнитивным моментом субъективной дескрипции, она имеет свое мотивационное измерение, заключающееся в стремлении к сепарации, рассмотрении себя в качестве своеобразной и неповторимой личности. Противопоставляя друг другу "сходство с самим собой" (self-sameness) или индивидуацию и "диффузное Я" (ego-diffusion) или деиндивидуацию, он рассматривает развитие этих тенденций в онтогенезе как конфликт между социальной зависимостью и независимостью. Автор указывает на факторы организации социальной среды, способствующие индивидуации и деиндивидуации. В частности, Р. С. Зиллер сформулировал две гипотезы: 1) при благоприятных социальных условиях и ситуации поддержки со стороны других индивид стремится утвердить свою идентичность и своеобразность, тогда как в условиях социальной угрозы и ситуации персональной неудачи отмечается стремление "растворения" в группе; 2) индивидуация и деиндивидуация последовательно сменяют друг друга: достигнув необходимого уровня индивидуации, человек стремится к деиндивидуации, а после "растворения" в группе снова стремится сепарироваться от неё и утвердить свою идентичность. Эти гипотезы автора экспериментально были подтверждены в исследовании С. Махлах [97].

3. Владеть другими

Овладение внешним миром – фундаментальное человеческое стремление. Человеческая производственная деятельность направлена на овладение природными силами и достижение определенных жизненных благ.

Стремление к обладанию образует особый слой в психическом аппарате и в ориентациях человека, названный У. Джемсом "свой".

Стремление к обладанию реализуется не только в отношениях человека с предметным миром, но и с другими людьми. В философско-антропологической и психологической литературе часто преувеличивается роль ориентированности на овладение в отношениях между людьми. Как уже отмечалось, примером такого преувеличения служат

представления Ж. П. Сартра. Этот лидер экзистенциалистского мировоззрения считал, что стремясь к познанию какого-то человека, мы стараемся тем или иным способом, "иметь его для себя" (для Сартра познание идентично овладению, присвоению себе предмета познания). Тем самым мы трактуем другого человека как орудие или средство для достижения собственных целей. Познаваемый человек перестает "быть для себя" (*pour soi*), он становится "для меня" (*pour moi*) как и прочие предметы. Следовательно, сущностью отношений между двумя людьми является, по Сартру, не совместная жизнь (*L'etre avec*), не хайдеггеровское "со-бытие" (*Mitsein*), а конфликт и взаимоовладение. Им не признается подлинность дружбы и товарищества. По выражению Сартра, "дать что-то кому-то – это означает взять его в плен" [105. с. 298]. В тех же категориях мыслится и любовь между женщиной и мужчиной, их эротическая связь. Несмотря на преувеличение роли стремления "владеть" и его превалирования над тенденцией "быть", что отражает способ взаимоотношения людей в условиях капитализма (остро практикуемый им же), Ж. П. Сартр, как и Э. Фромм и другие авторы, подмечает важный источник межчеловеческого взаимодействия.

По содержанию и степени интенсивности стремления "владеть другими" разными его проявлениями могут представиться как: власть над другим, доминирование, контроль или сверхконтроль поведения партнера социального взаимодействия, ассимилирующее воздействие, стремление ("абсорбировать" другого, обессиливание партнера (противника) и перехват инициативы или преимущества в общении (дискуссии) с ним и др. В психоконсультационной и психокоррекционной работе мы неоднократно имели возможность наблюдать и анализировать совместно с консультируемым то, как он выступал в качестве объекта овладения или стремился превратить, общающегося с ним лица в объект овладения.

Случай 10. Мы проводили пролонгированную психокоррекционную и психотерапевтическую работу с Ц. Ч., 24 лет, имеющей высшее педагогическое образование, страдающей тяжелой формой невроза анорексии. Ввиду того, что она активно пыталась изолировать себя от окружающего мира и остаться в болезни, результаты психотерапии впервые дали знать о себе лишь после 1,5 года работы с ней. Преимущественный способ общения с ней был недирективного, субъект-субъектного характера. В результате тщательного анализа её психобиографии выделились две линии этиопатогенеза: (1) либидонозное вытеснение в пубертатном возрасте и (2) сверхдоминирующее воздействие матери. Частичный отказ от пищи и в дальнейшем отказ от общения с окружающими (в первую очередь, с матерью и со старшей сестрой, субъективно олицетворяющей образ матери) одновременно символизировал два момента: (1) отказ от сексуальных и, тем самым, от всех биологически обусловленных импульсов и (2) уход от "поглощающего" воздействия матери, чтобы не быть объектом овладения с её стороны. Поверхностной мотивировкой отказа от пищи служили соображения, связанные с желанием похудеть для сохранения внешней привлекательности, однако такая мотивировка выступала "фасадом для других". На деле она мстила своей матери за её тяжелый, властолюбивый и назойливый характер (так Ц. Ч. характеризовала собственную мать) и пыталась занять по отношению к ней доминирующее положение; чем больше Ц. Ч. погружалась в болезнь, тем больше появлялся шанс приковать к себе ежедневные заботы и тревоги матери, а отказ от общения с нею способствовал жесткому и дистанционированному манипулированию ею. Таким образом Ц. Ч. из объекта овладения и манипулирования становилась субъектом овладения.

При этом перед нею ставилась другая внутриличностная задача – овладеть своими импульсами, ритмом жизни и всеми проявлениями собственного внутреннего мира. Об

этой стороне её болезненного состояния будет говорить ниже при рассмотрении стремления "владеть самим собой".

Для иллюстрации других проявлений стремления "владеть другими" можно сослаться на одну особенность все того же А. Т., внутренний мир которого был описан выше при анализе случаев 6 и 8.

Случай 11. Характерной свойственностью А. Т. было описание своей жажды познания как стремления "охватить все". Стремление "владеть другими", кроме прочего, выражалось еще и в том, что он обычно в малой степени был ориентирован на спокойную и диалогическую беседу, скорее пытался войти в спор, перехватить инициативу и "завладеть" сознанием партнера. При анализе его детских игр выяснилось, что в детстве он на протяжении 4 лет (от 6 до 10) постоянно и настойчиво играл в одну и ту же придуманную им игру из обыкновенных бумажек. А. Т. делал маленькие фигурки, похожие на людей, и игрой воображения "превращал" их то в "солдаты" и целые "армии", руководя ими, то в осужденных, находящихся в тюрьме и дисциплинарно подчиненных ему, то в школьников огромной школы, директором которой представлял себя, и т. д. От этой игры долго не мог отвыкнуть, она как бы господствовала над ним, хотя внутри игры сам он выступал неким "тираном".

4. Владеть самим собой

В литературе последних лет, посвященной критическим состояниям личности, уделяется большое внимание т. н. совладающему поведению, феноменология которого раскрывается Ф. Е. Василюком в рамках своей концепции психологии переживания [15]. Переживание в понимании Ф. Е. Василюка представляет своеобразную внутреннюю "работу" личности по "перевариванию" неудачи, горя и т. п., по преодолению возникших трудностей в жизненном мире человека. Однако, нам представляется, что "арена" действия стремления "владеть самим собой", хоть она и крайне наглядно манифестируется при острых эмоционально-личностных переживаниях, не ограничивается критическими (тем более кризисными) жизненными ситуациями. И в повседневной жизни, в относительно "спокойных" жизненных ситуациях, личность стремится владеть собой. Это проявляется и в самоконтроле, и в стремлении собраться, когда лень работать, или волнуешься взять слово в знакомой аудитории, и в упорядочении своей жизнедеятельности и подчинении своих действий установленному режиму дня, при обычных актах волевого решения и т. д. и т. п.

Как указывалось Л. С. Выготским [16], механизмом овладения своим внутренним миром служит интериоризация своих внешних действий, направленных на овладение внешне-предметным миром. Существуют определенные социально-культурные стереотипы, которыми люди, принадлежащие к той или иной социально-исторической общности, контролируют свои импульсы и поступки, "берут себя в руки" в тяжелых жизненных ситуациях (потеря близкого, крушение надежд, неудача и т. д.), упорядочивают свои действия и организуют время и пространство жизни, принимают ответственные решения и овладевают своими внутриспсихическими состояниями. Но кроме существующих стереотипов существуют индивидуальные способы совладения своим внутренним миром. В патологических случаях эти способы особым образом ритуализированы, чтобы из-под контроля не ускользнула та часть "Я", которая является объектом подавления. Так, например, больная неврозом анорексией Ц. Ч., о которой шла речь при описании случая 10, для овладения и жесткого контролирования своего состояния, выражающегося во внутренней пустоте, названной ею "психологическим голодом" и заключающегося в стремлении заполнения пробелов во времени жизни,

создала целую систему последовательности определенных действий, которым она четко и неукоснительно следовала. Четкой и ригидной, строго ритуализированной системе действий и движений следовал также А. Т. (о котором неоднократно упоминалось при описании случаев 5, 7 и 11), с целью полного подчинения себе своих физических и психических состояний и обуздания неконтролируемых мыслей и импульсов, с целью четкого контроля и овладения пространством и временем своей жизни: локомоция в пространстве четко отрабатывалась, что отражалось в своеобразной манере ходьбы, режим дня и действия во времени он настолько жестко регламентировал, что не допускал никакого спонтанного отвлечения от них. Однако, чем сильнее было стремление "владеть самим собой", тем сильнее было фиаско и ощущение, что он не владеет своим внутренним миром. (Этот паттерн внутриличностного состояния, когда стремление овладеть своим внутренним миром сопровождается или приводит к ощущению "не владею самим собой", будет описан ниже).

Стремление и умение "владеть самим собой" выступает важным моментом формирования личности. Существующие модели воспитания специально на нем ориентированы в плане формирования в воспитуемом волевых качеств, способности самоконтроля, дисциплины духа и тела. Не только личность может имманентно к нему стремиться, но и в социальных нормах и требованиях тоже заключено: "контролируй свои поступки", "возьми себя в руки", "попытайся пересилить себя", "воздерживайся от неблагих намерений" и т. д. Более того, стремление "владеть самим собой." не является по своему генезу имманентным качеством, оно представляется результатом интернализации указанных норм и требований. Правда, существует множество случаев противопоставления личностью себя этим нормам, однако их следует отдельно рассматривать методом соотношения оппозиций "социальное требование – стремление личности" и "владеть другими – владеть самим собой", в результате чего вырисовывается интересная "палитра" конкретно-возможных вариантов социального и внутриличностного взаимодействия.

* * *

Мы представили сущность исходных абстрактно-возможных мотивационных перемен полученных путем взаимовращения осей "Я – другие" и "быть – владеть". Для того чтобы приблизиться к конкретно-возможным паттернам социального и внутриличностного взаимодействия по указанным параметрам, продолжим анализ уже выбранным нами способом.

А. Быть самим собой – быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других. Здесь налицо три конкретно-возможных варианта: (а) "быть самим собой" и одновременно "быть как другие", (б) "быть самим собой" при одновременном стремлении "быть с другими", (в) "быть самим собой" совмещается с альтруистическим "быть для других". Краткое описание каждого из них представляется следующим образом:

а) быть самим собой – быть как другие. В данном случае речь идет о специфических видах координации указанных двух динамических тенденций. Первым возможным видом такой координации является тот способ социального и внутриличностного взаимодействия, когда личность сохраняет и развивает свою автономность и идентичность, одновременно вписываясь в свое социальное окружение, адекватным образом отвечая на запросы, требования и ожидания социума. Такой паттерн взаимодействия является одним из показателей психологической зрелости личности. Вторым возможным видом является последовательная смена указанных динамических тенденций, или индивидуации и деиндивидуации, как бы выразился Р. С. Зиллер [107].

б) быть самим собой – быть с другими. В данном случае речь идет о том способе взаимодействия, когда аффилиация, поддержка других и прочие просоциальные ориентации личности не идут вразрез со стремлением личностной идентичности и сопровождается им.

в) быть самим собой – быть для других. Имеется в виду альтруистическая направленность личности при бережном культивировании "самости".

Б. Быть самим собой – владеть другими. Речь идет о том паттерне взаимодействия, когда стремление к доминированию и власти над другими сопутствует спонтанность самовыражения и подчеркивание своей неповторимости.

В. Владеть самим собой – быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других. Поочередно рассмотрим три конкретно-возможных варианта:

а) владеть самим собой – быть как другие. Здесь говорится о том возможном способе взаимодействия, когда специфическим образом координируются указанные два стремления. С одной стороны, такая координация может заключаться в том, что личность усиленно пытается "взять себя в руки" и пересилить внутренние барьеры, чтобы вписаться в свое человеческое окружение, приобщиться к социуму и отвечать его предписаниям и ожиданиям. С другой стороны, как известно, формирование и функционирование самоконтроля связано с тем, насколько человек может действовать, как другие, приобщиться к социальным стереотипам и нормам, встать на позиции других и с точки зрения их ожиданий к себе строить линию поведения.

б) владеть самим собой – быть с другими. Речь идет о том возможном варианте социального и внутриличностного взаимодействия, когда властолюбие и доминирование над другими сопровождается с высоким уровнем самоконтроля и самообладания, с отличными волевыми качествами. Человек, с таким настроем с одинаковой требовательностью относится: к другим и себе, а в крайних случаях выступает тираном как относительно другого человека, так и относительно самого себя. В описанных случаях 6, 8, 12 описывались коллизии жизненного мира А. Т., импульсы "владеть" которого одинаково интенсивно были направлены как на других людей, так и на самого себя. Существует мнение, согласно которому умение внушать другому и контролировать (владеть) его внутренним состоянием, например, при гипнозе, связано с высокими возможностями самовнушения.

Перечисленные конкретно-возможные паттерны социального и внутриличностного взаимодействия дополняются еще двумя разновидностями, которые выделяются в результате сложения вышеуказанных исходных абстрактно-возможных вариантов по параметру "быть – владеть". Не перегружая текст табличными изображениями, прямо их обсудим.

Д. Быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других – владеть другими. В данном случае обсуждается тот способ взаимодействия с другими, когда импульсы "быть" и "владеть" одновременно направлены во вне – на другого (других) человека (людей):

а) быть как другие – владеть другими. Имеется в виду та хорошо известная в социальной психологии стратегия человека, поставившего целью стать лидером группы и руководить ею, преждевременно демонстрирующего, что он таков, как все остальные члены группы. Перехват инициативы в споре и навязывание своих мыслей удачнее осуществляется

тогда, когда в исходной точке подчёркивается сходство с партнером (или противником) во взглядах. Многие ораторы удачно пользовались этим способом для "овладения" аудиторией.

б) быть с другими – владеть другими. Во многих случаях активность субъекта, направленная на поддержку другого, преследует цели овладения им. Именно эту одну из возможных разновидностей межличностного взаимодействия имел в виду Ж. П. Сартр, неправомерно абсолютизируя её.

в) быть для других – владеть другими. Внешне демонстрируемое альтруистическое поведение в данном случае сопровождается доминированием и властью над другим. Множество житейских наблюдений показывают, насколько часто встречается данный паттерн социального взаимодействия в жизни тех или иных людей.

Е. Быть самим собой – владеть самим собой. Наконец, речь идет о том возможном способе внутриличностного взаимодействия, когда высокий уровень самоконтроля и самообладания гармонирует с личностной идентичностью и спонтанным самовыражением. Такой модус внутриличностного функционирования является одной из составляющих психологической зрелости индивида.

Итак, мы "высчитали" все возможные образцы взаимодействия личности с социумом и самой собой в рамках контрарной оппозиции "быть – владеть". Однако, как уже отмечалось, логический анализ привел нас к констатации противоречивых оппозиций (1) "быть – не быть" и (2) "владеть – не владеть". Приступим к их аналитическому обсуждению.

* * *

"Быть – не быть"

в социальном и внутриличностном взаимодействии

Известный нам способ анализа исходных абстрактно-возможных образцов взаимодействия позволяет выделить четыре варианта: (1) быть самим собой, (2) быть (а) как другие, (б) с другим, (в) для других, (3) не быть самим собой и (4) не быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других. Содержание первых двух образцов уже представлено выше, поэтому опишем лишь третье и четвертое.

3. Не быть самим собой

Состояние, характеризующееся отсутствием или отрицанием личностной идентичности и автономности, а также импульсов спонтанного самовыражения – одна из возможных разновидностей внутриличностного функционирования. В вышеупомянутой работе Р. С. Зиллера стремлению к индивидуации, понимаемой как сепарация от других и поиск своей неповторимости, противопоставляется лишь деиндивидуация, понимаемая как "растворение" в группе. В ней не учитывается другая альтернатива индивидуации – состояние "не быть самим собой". Такой недочёт упускает из виду ряд психологических феноменов, начиная от потери чувства идентичности и самостоятельности и кончая крайне патологическими их проявлениями при синдроме деперсонализации.

В психоконсультационной и психокоррекционной беседах указанное состояние часто отражается в речи клиента и подвергаются анализу внешние и внутренние условия, способствующие его возникновению. Из многочисленных случаев можно привести один.

Случай 12. С. Р., 30 лет, с высшим гуманитарным образованием, обратилась к нам по поводу невротических страхов смерти и определенных барьеров в общении с молодой женщиной, отношения с которым были не совсем определены, но за которого она хотела выйти замуж. При самоописании и рассказе своей психобиографии вырисовывались два момента: (1) она часто ощущала, что "я – это не я", "я реально может быть и не существую" и т. п.; отмечала, что такое ощущение появилось еще в пубертатном периоде, однако усилилось после окончания школы; она утверждала, что не может проявить элементарную самостоятельность, у неё нет собственного облика, "я" как бы замерло изнутри, всё время скована и не может проявить себя спонтанно; (2) отрицательно на её формирование повлиял аффективный, вспыльчивый и агрессивно-запрещающий (в некоторой степени циничный) подход отца к ней и к её матери. Отец ей часто внушал, что она ничего не может, что она, как выразилась С. Р. "лапша" и т. п. Любое проявление с её стороны самостоятельности и спонтанности либо высмеивалось им, либо подвергалось осуждению. В процессе анализа страхов смерти стало ясно, что они были связаны с ощущением потери или отсутствия "самости". Что же касалось личностных качеств мужчины, с которым она хотела связать свою судьбу, то они мыслились как антиподные чертам характера отца. В целом, в общении с этим желательным партнером жизни С. Р. могла свободно выразиться, он давал импульсы для того, чтобы она чувствовала себя самостоятельной и полноценной женщиной, однако в некоторых случаях, во время какого-либо спора, стоило ему в чем-то упрекнуть её, как тут же у неё актуализировались все те же симптомы состояния "не быть самой собой".

Как это видно из рассматриваемого случая, ощущение отсутствия "самости" может формироваться в подростковом возрасте, но его корни уходят в глубокое детство и во многом зависят от условий раннего семейного воспитания. В этом плане плохую услугу может оказать не только агрессивно-вспыльчивое отношение к ребенку, но и сверх-опека, основанная на недоверительном отношении к ребенку, находящемуся на ранней стадии развития физических и психических возможностей. Э. Эриксон правильно подметил значение фактора доверия-недоверия в развитии ребенка в раннем детстве [77].

4. Не быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других.

Состояние, характеризующееся отсутствием или отрицанием аффективной связи с социумом неиндивидуальных качеств социальности, является определенной помехой в становлении личности и её жизнедеятельности.

а) Не быть как другие. В социальной психологии интенсивно изучался вопрос значения фактора сходства с другим или поиска такого сходства во взаимном притяжении людей. Альтернативой стремления к сходству (во взглядах, аттитюдах, характерологических особенностях и т. д.) обычно выступает его контрарно-оппозиционное стремление "быть самим собой" и исследователями не всегда учитывается контрадикторно-противоположное состояние отрицания сходства с социумом. "Не быть как другие" может означать не только констатацию непохожести, но и активное отрицание сходства с другими или стремление к нему. Простая негация при акцентуировании данного качества может перерасти в своеобразный негативизм. Неконструктивность такого подхода к людскому окружению обычно является выражением внутри-личностных конфликтов.

Случай 13. Молодая замужняя женщина И. А. 26 лет, с высшим техническим образованием, имеющая двухлетнего сына, обратилась к нам по поводу напряженных внутрисемейных отношений. Стиль её общения с мужем и со своими родителями строился по принципу: "почему же я должна поступать так, как они того требуют, может быть они ошибаются", "почему я должна разделять их взгляды" и т. д. Отношения И. А. с

родителями были натянуты с детства и строились на негативизме. Манера общения по принципу – "не быть как другие" – в меньшей степени проявлялась в отношениях с одноклассниками в школе и однокурсниками в институте, но все же, время от времени давала о себе знать. В психокоррекционных беседах с нею была обсуждена тема "быть самим собой", в процессе которых она должна, была чётко аргументировать свои утверждения относительно "самости". Оказалось, что она знала "каким не быть" и в качестве примера приводила людей из своего окружения, но не могла сформулировать "какова она есть" или "какой ей быть". Внутренняя неопределенность и нечёткость личностной идентичности были связаны со стремлением "не быть самим собой"; отрицание другого оставалось "голым" отрицанием, оно не компенсировалось ничем, в том числе позитивным определением "самости".

б) Не быть с другими. Речь идет об отсутствии чувства сопричастности к окружающим людям. Такое состояние в разной степени мучительно для тех или иных лиц. Люди с высоким уровнем потребности в аффилиации при её фрустрации обычно подчёркнуто его манифестируют в психокоррекционных беседах.

в) Не быть для других. Фрустрация потребности к альтруистическом поведении, ощущение своей бесполезности и ненужности вызывают тяжелые душевные переживания у многих людей. В преклонном возрасте у лиц, в личностном опыте которых альтруистическая направленность имела значительный вес, такое ощущение жизни ассоциируется с малокомпенсированным чувством собственного бессилия.

Теперь постараемся на основе указанных четырех исходных абстрактно-возможных вариантов перейти к описанию конкретно-возможных паттернов социального и внутриличностного взаимодействия. Опуская соответствующие табличные изображения, перечислим эти конкретно-комбинаторные возможности: (А) Быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других – не быть самим собой; (Б) Не быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других – быть самим собой; (В) Не быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других – не быть самим собой; (Г) Быть самим собой – не быть самим собой; (Д) Быть и или не быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других.

А. Быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других – не быть самим собой. Качествам социальности в данных случаях сопутствует отрицание или отсутствие "самости".

а) Быть как другие – не быть самим собой. Речь идет о тех механизмах бегства от свободы, которые описаны Э. Фроммом. Приобщение к другим, "растворение" в определенном человеческом сообществе здесь происходит за счёт отрицания "самости" и личностной идентичности за счёт ликвидации состояния сепарированности от других, лежащего тяжелым бременем над индивидом в условиях тотального отчуждения людей друг от друга при капиталистическом образе жизни.

б) Быть с другими – не быть самим собой. Здесь обсуждается тот образец аффилятивного поведения, когда эмоциональная вовлеченность в межличностные отношения сопровождается самоотрицанием или базируется на нем.

Случай 14. Студент политехнического института К. М., 21 года, обратился к нам по поводу своих тяжелых переживаний, связанных с разочарованием в любви и с потерей друга детства. В его жизнеописании отмечалось: "Я всегда был дружелюбным. Я всегда был в окружении друзей, был готов прийти к другу на помощь в трудные минуты. Однако друзья настолько "поглощали" меня, что у меня не оставалось времени призадуматься

"кто я ?" Мне теперь кажется, что никогда не имел собственного "Я", никогда не принимал собственных решений. Может быть, они его у меня отнимали?"...

в) Быть для других – не быть самим собой. Сразу трудно себе представить альтруистически ориентированного человека без наличия личностной идентичности и кто-то может задать риторический вопрос: "что за альтруист тот, у кого нет собственного "Я"? Однако в жизни неоднократно можно наблюдать, как у того или иного индивида, ориентированного альтруистически, размыты границы "Я".

Б. Не быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других – быть самим собой. Личностная идентичность в данных случаях имеет своим фоном отсутствие или отрицание качеств социальности.

а) Не быть как другие – быть самим собой. Речь идет о том возможном способе взаимодействия, который является не простым олицетворением неконформизма, а утверждением собственной независимости и автономности за счёт отрицания сходства (во взглядах, attitudes и т. п.) с окружающими людьми.

б) Не быть с другими – быть самим собой. В обсуждаемом варианте взаимодействия эгоистическая направленность личности усиливается импульсами приобретения "самости", независимости и автономности.

в) Не быть для других – быть самим собой. Крайним выражением указанного возможного способа взаимодействия является открытый остракизм к другим или мизантропическая направленность индивида, одновременно демонстрирующего свою неповторимость и независимость.

В. Не быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других – не быть самим собой. Отрицание другого в данном случае сопровождается самоотрицанием.

а) Не быть как другие – не быть самим собой. В данном случае естественно спросить: "Если не быть ни как другие и не быть самим собой, то кем же быть?!" Ответ может быть коротким: быть "никем". Но опять за этим может последовать вопрос: "О чем же здесь идет речь?!" Ответ: о тех состояниях бытия человека, когда отчуждение от других сопровождается самоотчуждением. Классовым репрезентантом такого мироощущения был, вероятно, раб (вспомним, что раб действительно настолько был "никем", что обычно даже не имел персоналий; он определялся, как было отмечено, в качестве вещи). Средствами киноискусства состояние "никто" показано в фильме "Профессия репортёр". Во многих произведениях Ф. Кафки ("Процесс", "Метаморфоза" и др.) детально описывается указанное состояние.

б) Не быть с другими – не быть самим собой. Речь идет о том возможном образце взаимодействия, когда индивид несопричастен с социумом и фрустрированность аффилиативных тенденций сопровождается отсутствием чувства "самости".

в) Не быть для других – не быть самим собой. В данном возможном варианте нравственной несостоятельности индивида сопутствует отсутствие личностной идентичности и внутренней определенности.

Г. Быть самим собой – не быть самим собой. Двойственность самоотношения в данном случае выражается в том, что чем более личность добивается и стремится "быть самим собой", тем более она впадает в состояние отсутствия "самости".

Случай 15. Психокоррекционная работа с М. Х., разведенной с мужем 30-летней женщиной, испытывающей адаптационные трудности после развода, проходила под знаком определенной динамики "быть" и "не быть" самим собой. Оно выражалось в том, что с помощью психолога она все больше себе, в еще большей степени угнетена ощущением потери "Я", собственными усилиями планировать свое будущее, определить линию собственного поведения, взять ответственность за свою судьбу и т. д. Однако после очередного сеанса опять констатировала, что не находит в себе силы, не уверена в себе, в еще большей степени угнетена ощущением потери "Я". Это превратилось у неё в своеобразную игру в ситуации недирективного общения с психологом-консультантом. Преодолению этой "игры" способствовал переход в русло иного типа общения с акцентом на поведенческой драматизации моделируемых ею возможных жизненных ситуаций в условиях психокоррекционного сеанса.

Д. Быть и/или не быть (а) как другие, (б) с другими, (в) для других. В данных возможных вариантах межличностного взаимодействия речь идет о хорошо известных случаях, когда "Сциллой и Харибдой" стратегии поведения выступают, с одной стороны, просоциальные мотивы и отвержение социума – с другой стороны.

* * *

Рассмотрим результаты сопоставления контрадикторной пары "владеть – не владеть" с осью "Я – другие".

Получаем четыре исходных абстрактно-возможных варианта:

1. Владеть другими;	3. Не владеть другими;
2. Владеть самим собой;	4. Не владеть самим собой

Нам осталось описать третий и четвертый варианты.

3. Не владеть другими

Психологическое содержание состояния, к феноменологическому описанию которого мы приступаем, определяется тем, что индивид чувствует себя бессильным при контроле поведения партнера в социальном взаимодействии, потеряна власть над другим, инициатива в общении заблокирована. Такая ситуация межличностного общения по-разному формируется родителями, обратившимися к психологу-консультанту с возникшими проблемами в воспитании ребенка: "Ребенок стал непослушным, я ничего с ним не могу поделать", "Он всему противится и не подчиняется", "Мои слова до него не доходят, ни просьба, ни наказание на него не действуют", "Сколько за ним не следи, все же крутится среди тех ребят, которые мне не нравятся" и т. д. и т. п. В некоторых случаях, путем анализа запроса и жалоб консультируемых родителей, оказывается, что для них проблемой стала скорее потеря своего "могущества" в общении с ребенком, нежели реальное состояние дел. Манифестация тревог, связанных с поступками непослушного ребенка, может символизировать более глубинные психодинамические процессы, связанные с фрустрацией потребностей "иметь (владеть)" и "могу". Не только детско-родительские отношения могут быть "ареной" действия данного механизма, но и супружеские взаимоотношения часто определяются им. Из других видов отношений следует указать на отношения "руководитель – подчиненный", нередко строящиеся на страхе потери контроля над ситуацией и авторитета в глазах подчиненных. У некоторых лиц, пониженных в должности, состояние "не владеть другими" актуализирует глубокие внутриличностные переживания, имеющие выход в психосоматическую симптоматику.

4. Не владеть самим собой

Внутреннее переживание бессилия контролировать свое поведение – "не могу взять себя в руки, собраться, приложить волевые усилия и принять волевое решение, быть властелином собственной судьбы" – связано с поведенческой дезорганизацией, повышением уровня тревожности и, в крайних случаях, с внутренним смятением.

Доминантным составляющим такого переживания является состояние "не могу", вернее, разлад между "хочу" и "могу". Оставим в стороне патопсихологический аспект вопроса, тем более, что при описании случаев 10 (Ц. У. – невроз анорексии) и 5, 7, 11 (А.Т. – вегетоневротические нарушения) была показана динамика состояния "не владеть самим собой", побуждающая к неадекватным способам совладающего поведения. Отметим, что практически здоровые лица в совершенно разных жизненных ситуациях – при остром горе, неудаче, легком алкогольном опьянении, дефиците времени и прочих условиях – могут быть охвачены подобным состоянием, разной степени интенсивности, начиная с потери элементарного самоконтроля и кончая полным бессилием что-то поделать с самим собой или управлять своими поступками и эмоциональными состояниями.

Итак, мы имеем четыре исходных абстрактно-возможных варианта взаимодействия, из которых можно сложить его конкретно-возможные образцы. Ими являются: А) владеть самим собой – не владеть другими, Б) не владеть самим собой – владеть другими, В) не владеть самим собой – не владеть другими, Г) владеть самим собой – не владеть самим собой, Д) владеть другими – не владеть другими.

А. Владеть самим собой – не владеть другими. Перед нами тот конкретно-возможный способ межличностного и внутриличностного взаимодействия, когда субъект хорошо владеет своими внутренними состояниями, контролирует собственные поступки и импульсы поведения, внутренне собран и мобилизован, однако испытывает недостаток возможностей управлять другими, возможности взять власть над другими в свои руки, либо же прибегает к малоэффективным способам доминирования, которые в конечном итоге оборачиваются неудачей в плане управления коллективом. На практике неоднократно можно наблюдать, что когда человеку с высокими волевыми качествами, собранному и успешно управляющему собственной деятельностью поручают управлять трудовым или научным коллективом, то на этом поприще он проявляет определенное бессилие. Пока им решалась жизненная задача "владеть самим собой" и управлять своей жизнью, все шло хорошо, когда же он кроме этого обязан управлять другими, с этой задачей он не справляется.

Б. Не владеть самим собой – владеть другими. Этот возможный паттерн взаимодействия относится к тем случаям, когда импульсивный и в недостаточной мере самообладающий индивид стремится доминировать над другим человеком или группой людей. Обычно власть над другим в таких случаях осуществляется посредством малоконтролируемых аффективных вспышек. Требовательность к другим в таких случаях не координируется с требовательностью к себе.

В. Не владеть самим собой – не владеть другими. В данном случае речь идет о полном упадке сил, жизненная ситуация полностью выходит из-под контроля: ни внутренние, ни внешние условия не поддаются управлению со стороны индивида. Состояние "не могу" генерализовано: им охвачены и интраперсональная и интерперсональная плоскости бытия.

Г. Владеть самим собой – не владеть самим собой. Если опять сослаться на анализы случаев 10 и 11, то разбираемый конкретный вариант внутриличностного взаимодействия имеет отношение к тому психологическому механизму, сущность которого заключается в следующем: чем более переживается состояние "не владею самим собой" и акцентируется пробел в "полном охвате себя", тем более субъект не жалеет сил для жесткого самоконтроля и самоуправления, но достигнув определенных результатов в овладении самим собой, он опять и с не меньшей силой начинает ощущать собственное бессилие.

Д. Владеть другими – не владеть другими. Наконец, речь идет о том возможном варианте взаимодействия, когда стремление субъекта доминировать над другими и осуществление им соответствующих акций сопровождается внутренней неуверенностью или боязнью не потерять бразды правления и авторитет в глазах подчиненного (подчиненных).

Итак, завершая этот раздел нашей рабочей концепции, мы хотим подытожить, что существует множество конкретно-возможных комбинаторных вариантов взаимодействия личности с социумом и самим собой в плане рассмотрения мотивационной оппозиции "быть – иметь" и их контрадикторных пар. Однако анализ вопроса не может оставаться на достигнутом. Если идти "вширь", то можно констатировать: не только индивид может иметь стремление "быть" и "иметь" с соответствующими вариациями, но и требование социума тоже может включать в себя нормативы "быть как другие", "быть самим собой", "владеть другими" или "владеть самим собой". В таком случае можно задать вопрос: почему же не соотнести друг с другом оси "требование социума – стремление индивида" и "быть – иметь" с соответствующими вариациями? Такое соотношение дает нам богатый материал для осмысления возможных модусов взаимодействия личности с социальной средой в плане нормативной и потребностной регуляции человеческой деятельности. Желание проделать такую работу мы оставляем за собой, с надеждой на её осуществление в будущем, а пока предоставляем инициативу читателю (если он сочтет это ценным и важным) проделать её самостоятельно.

4. ЭНТРОПИЯ – НЕГЭНТРОПИЯ

В СОЦИАЛЬНОМ И ВНУТРИЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Положение X. Способ взаимодействия личности с социальной средой определяется тем, что социальная среда, с одной стороны, и личность – с другой могут включать в себя энтропийные и негэнтропийные тенденции, а их определенное соотношение образует комбинаторно-возможные модусы взаимодействия; их широкий диапазон дает возможность выхода за пределы ограниченного определения личности как стабильной системы, действующей в изменяющихся, условиях среды.

Если взять инвариантную в нашем концептуальном аппарате ось "личность – социальная среда" и представить её взаимовращение с осью "энтропия-негэнтропия", заключающей в себе ответ на вопрос "как проходит взаимодействие?", то в нашем распоряжении четыре исходных варианта: 1) негэнтропийные тенденции социальной среды; 2) энтропийные тенденции социальной среды; 3) негэнтропийные тенденции личности; 4) энтропийные тенденции личности. Необходимо коротко остановиться на описании каждого из них.

Негэнтропийные тенденций социальной среды. Еще Бэкон ставил вопрос, как человек может существовать в условиях социального порядка и, вообще, из чего складывается этот социальный порядок. Большинство современных социологических теорий посвящается выяснению его природы. Применительно к нашей задаче в них описания возможных параметров системы "личность – социальная среда", достаточно отметить: личность может быть включена в формальные и неформальные отношения, основным качеством которых является повторяемость, четкость и организованность, ритуальность и

стереотипность социальных условий – ситуаций индивидуального поведения. Известно, что социум не может эффективно воздействовать на отдельного индивида, включенного в группу, если стратегия социального влияния не будет последовательной, единодушной и консистентной.

Энтропийные тенденции социальной среды. Элементы хаоса и беспорядка, социальная дестабилизация и дезорганизация устройства на тех или иных этапах его развития Э. Дюркгейм даже считал необходимым условием развития общества, наличие в нем определенных элементов дезорганизации. Этот момент, как известно, он подчеркивал в связи с изучением природы социальной аномии и преступности. Не вдаваясь в подробности критического анализа взглядов Э. Дюркгейма, мы хотим подчеркнуть, что энтропийные тенденции особенно наглядно наблюдаются в функционировании малых социальных групп в микросоциальном климате некоторых формальных и неформальных человеческих объединений. Примером может служить пьяная компания, взволнованная толпа во время спортивного зрелища, ситуация в трудовом коллективе при нечетком распределении функций и ролей, случайное сборище людей, не объединенных общей нитью, и т. д.

Неэнтропийные тенденции личности. Имеется в виду консистентность взглядов и установок личности; её последовательность и организованность в действиях. Представляется излишним детальное рассмотрение механизмов обеспечения и достижения стабильности, консистентности организованности в жизнедеятельности личности, ибо этот вопрос широко обсуждается в психологической литературе и его изучению посвящены многочисленные работы. Можно лишь подчеркнуть, что ученики и последователи Д. Н. Узнадзе механизм стабильности индивидуального поведения и характерологических черт, мировосприятия и убеждений связывают с фиксацией установки, с определенной организацией фиксированных установок, их системным строением и внутренней, тенденцией к консолидации и совместимости.

Энтропийные тенденции личности. Поведенческие диссоциации, дезорганизованность, непоследовательность в поступках и убеждениях, эмоциональная неустойчивость являются проявлениями внутреннего хаоса и энтропийных тенденций личности. Не подлежит сомнению, что предельное состояние роста энтропии свойственно патологии, однако было бы неверно таким образом упрощать вопрос, якобы рост энтропии связан с патологией, а рост неэнтропии с психическим здоровьем. Более того, при многих невротических нарушениях отмечается сверхорганизованность, доведенная до патологических форм ритуализации и, напротив, у практически здоровых лиц в определенных условиях может наблюдаться рост энтропийных тенденций. Это хорошо демонстрируется в известных опытах Л. Фестингера, Т. Ньюкомба и А. Пепитона [78], Ф. Г. Зимбардо [108] в связи с изучением феномена деиндивидуации, о котором частично уже шла речь. Дело в том, что одним из показателей деиндивидуации, согласно этим авторам, является импульсивность и деструктивность поведения, понижение самоконтроля, хаотичность поведения и дезорганизация внутриличностных состояний. Ф. Г. Зимбардо лаконично и четко сформулировал борьбу двух моментов – хаоса и порядка – в человеческом существовании: "В вечной борьбе порядка и хаоса, мы надеемся на триумф индивидуации, однако таинственно мы в заговоре с внутренними силами, исходящих из неподвластных недр деиндивидуации" [108, с. 305].

* * *

Итак, мы рассмотрели исходные и предельные абстрактно-возможные характеристики личности и социальной среды по параметру "энтропия – неэнтропия". Теперь, используя знакомый нам способ, приступим к описанию конкретно-возможных паттернов

социального и внутриличностного взаимодействия. Сначала их просто перечислим: А) Негэнтропийные тенденции социальной среды – негэнтропийные тенденции личности; Б) Негэнтропийные тенденции социальной среды – рост энтропийных тенденций личности; В) рост энтропийных тенденций социальной среды – негэнтропийные тенденции личности; Г) рост энтропийных тенденций социальной среды – рост энтропийных тенденций личности; Д) сосуществование или противоборство энтропийных и негэнтропийных тенденций в функционировании социума; Е) сосуществование или противоборство энтропийных и негэнтропийных тенденций в жизнедеятельности личности.

А. Негэнтропийные тенденции социальной среды – негэнтропийные тенденции личности. Речь идет о том возможном варианте взаимодействия личности с социумом, который может иметь следующую формулировку: "организованная личность действует в социально-организованной и структурированной среде". Тенденции действия социума и личности в данном случае синергичны.

Б. Негэнтропийные тенденции социальной среды – рост энтропийных тенденций личности. В разбираемом варианте имеется в виду паттерн взаимодействия, сущность которого заключается в том, что организованному и четко структурированному способу функционирования социального организма противостоит поведенческая диссоциация, непоследовательность, неустойчивость, импульсивность, хаотичность и даже деструктивность со стороны индивида. Предельными выражениями такого взаимодействия являются психопатические реакции индивида, возникшие в ответ на требование социума уложиться в рамки установленных правил, функций и обязанностей.

В. Рост энтропийных тенденций социальной среды – негэнтропийные тенденции личности. Как уже отмечалось, этот вариант взаимодействия часто необоснованно универсализируется категорическим утверждением: "личность, как стабильная и устойчивая система, действует в постоянно изменяющихся условиях среды". На самом деле при такой трактовке мы имеем дело лишь с одной из возможных разновидностей способа взаимодействия личности с социумом. В качестве примера можно привести действия до педантичности организованного субъекта внутри трудового коллектива, в котором происходят существенные перемены, смена должностей и не установились четко определенные статусно-ролевые взаимоотношения, в котором царит неопределенность, доходящая до хаоса.

Г. Рост энтропийных тенденций социальной среды – рост энтропийных тенденций личности. В разбираемом случае, как и в варианте А, способы действия социума и личности синергичны. Разница заключается в том, что здесь хаос и беспорядок царят как во внешнем, так и во внутриличностном мире. Представим себе пьяную компанию и индивида с неконтролируемыми импульсами, включенного в эту компанию, чье поведение может служить одним из примеров обсуждаемого конкретно-возможного варианта социального взаимодействия.

Д. Сосуществование и противоборство энтропийных и негэнтропийных тенденций в функционировании социума. Это тот вариант функционирования социальной среды, когда в ней равномерно представлены тенденции к организации и дезорганизации порядка и хаоса. Такие ситуации часто возникают в условиях перестройки стиля работы трудового коллектива, в переломные моменты человеческого сообщества.

Е. Энтропийно-негэнтропийные тенденции личности. Сосуществование или противоборство равнодействующих противоположенных тенденций внутри личности

предельно ясно сформулировал Э. Фрейд в связи с утверждением об антагонизме между принципом удовольствия и принципом реальности [60]. Противоборствующими силами при таком понимании представляются асоциальные и плохо структурированные импульсы, берущие свое начало в бессознательной сфере, и сознательно усвоенные четкие правила и нормы, интернализированные в процессе воспитания.

Итак, в этой главе был рассмотрен вопрос о динамических тенденциях системы "личность – социум", и мы попытались выделить возможные образцы социального и внутриличностного взаимодействия с учетом задачи ("адаптация – преобразование"), мотивационного источника ("быть – иметь") и способа ("энтропия – неэнтропия") жизнедеятельности личности в социальном мире. В предыдущей главе была дана характеристика структурных единиц системы "личность-социум". Однако возникают вопросы: как именно возможность переходит в действительность в реальной жизнедеятельности конкретного индивида? Что является механизмом такого перевода и как им обеспечивается осуществление такой функции? Где и как хранится такое множество виртуальных состояний и образцов взаимодействия, каким образом личность является их носителем? Каковы перспективы составления конкретных методик эмпирического исследования тех характеристик системы "личность – социум", которые были затронуты в предложенном концептуальном аппарате? Поиску ответов на поставленные вопросы посвящается следующая глава.

Глава V

УСТАНОВКА – МЕХАНИЗМ ПЕРЕХОДА ВОЗМОЖНЫХ СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИХ СТОРОН СИСТЕМЫ "ЛИЧНОСТЬ – СОЦИУМ" В РЕАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

1. КАКОВЫ ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДЛОЖЕННОГО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АППАРАТА?

Попытаемся объединить в одну целостность все этапы наших рассуждений с тем, чтобы выяснить задачи и возможности предложенных теоретических конструкций. Через понимание личности как "совокупности всех общественных отношений" мы пришли к идее о целостности системы "личность – социум" и задались целью дать характеристики ее структурно-динамических сторон; это осуществлялось путем поэтапного выделения абстрактно- и конкретно-возможных образцов отношения человека к миру и его взаимодействия с социальным окружением. В результате этой работы было зарегистрировано определенное множество дифференцированных друг от друга состояний и образцов межличностного и внутриличностного взаимодействия. Мы вовсе не претендуем на то, что выделили все возможные грани и варианты отношений человека к миру и к себе. На этом этапе рассуждения важнее указать на те задачи и возможности, которые можно отнести к предложенному способу построения теоретической системы в области социальной психологии личности. Рефлексируя над изложенным, выделяем три группы таких задач и возможностей: 1) систематизация разнородных феноменов, установленных в психологии и социальной психологии личности; 2) эвристическая ценность концептуального аппарата; 3) описание характеристик конкретной личности.

Задачи и возможности систематизации

Предложенная теоретическая конструкция может объединить в единую систему знания, т. е. представления и сведения о конкретных феноменах или механизмах отношения человека к миру, которые столь разрозненно представлены в мощном потоке психологических исследований. Обоснованность притязания на такую системность определяется, во-первых, конструктивным применением таких основополагающих

категорий системного подхода, какими являются отношения, целостность (целостность системы "личность – социум"), структура, динамика, взаимодействие.

Во-вторых, оперируя понятиями, находящимися в противоположных полюсах, инвариантную единицу системы представляет ценность "личность – социум". Её можно представить как инвариантную ось с противоположными полюсами, относительно которой вращаются вариативные оси ("заданность – создаваемость" статуса, S—o и S—s отношения к людям и вещам, динамические тенденции "адаптация – преобразование", "быть – владеть" и "энтропия – неэнтропия"). В результате такого подхода внутри целостной системы "личность – социум" выделяются множества и подмножества классов, группы и подгруппы показателей возможных состояний и структурно-динамических сторон системы. Каждая единица анализа входит в какую-то подгруппу, та, в свою очередь, в более общую группу, а группы включены в определенные классы признаков и сторон системы "личность – социум".

Например, таким классом представляется динамическая сторона системы, она подразделяется на группы динамических тенденций (задача жизнедеятельности – "адаптация-преобразование", мотивационный источник активности – "быть-иметь" и способ функционирования – "энтропия-неэнтропия"). Эти последние включают определенные подгруппы единиц анализа (например, тенденция "быть как другие" или "быть самим собой").

В-третьих, в результате предложенного способа анализа появляется возможность указать конкретное место какого-либо конкретного психологического феномена (например, феномена индивидуации) в общей системе знания о личности и её взаимодействия с социальным миром.

Эвристическая функция

Поиск возможных способов отношения и взаимодействия человека с миром сам по себе ведет к тому, чтобы средство такого поиска было эвристически ценным. Это возможно лишь в том случае, если окажется, что методы анализа порождают модели таких возможных граней личности бытия, о существовании которых до такого анализа не имелось четких представлений. Если позволить себе провести аналогию, то подобно тому, как, применяя принцип периодической системы Менделеева, можно было открыть новые химические элементы, так и (не претендуя на совершенство метода рассуждения) предложенный концептуальный аппарат должен способствовать таким "открытиям". Примечательно, что в процессе работы над этим трудом мы наблюдали как поэтапно раскрывались все описанные в данном тексте возможные варианты отношения человека к миру.

Автор скорее следовал за логикой таких порождающих моделей рассуждения и одновременно пытался дать феноменологию каждого конкретного паттерна взаимоотношения личности и социума, нежели излагал заранее подготовленные соображения о функционировании системы "личность – социальная среда". Если так можно выразиться, работа над концептуальным аппаратом проходила в русле мыслительно-эвристического экспериментирования.

Описание характеристик конкретной личности

В работе был применен метод анализа отдельных случаев для иллюстрации и феноменологического описания какого-либо отдельного возможного способа

взаимодействия личности с окружением. Но каковы возможности применения данного теоретического аппарата для описания характеристик конкретной личности в её целостности с учетом её биографии и жизненного пути? Такой возможностью предложенная теоретическая конструкция несомненно обладает. Однако это утверждение будет голословным, если не ответить на следующие вопросы: каким образом является личность носителем вышеуказанных виртуальных состояний и образцов межличностного или внутриличностного взаимодействия? Где и как "хранятся" эта резервы и "возможные миры"? Каков модус перехода возможности в действительность в сфере человеческой жизнедеятельности? Попытаемся ответить на эти вопросы.

2. ГДЕ И КАК "ХРАНЯТСЯ" ВИРТУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЦЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С МИРОМ?

В памяти ли? Нет. Дело в том, что действие этих виртуальных образцов и состояний в плане их перехода в реальное поведение не является идентичным функции репродукции ранее воспринятого или пережитого, а репродуктивная функция образует один из основных признаков – память. Личность в процессе своей жизнедеятельности не вспоминает или припоминает эти образцы; а действует по ним. С другой стороны, как это убедительно показал Д. Н. Узнадзе [52], сама функция памяти "нуждается" в носителе-субъекте жизнедеятельности. Образы памяти не сами по себе следуют друг за другом или воспроизводятся, а "хранятся" в целостной системе установок субъекта и актуализируются в процессе самоосуществления установки, как готовности к тому или иному конкретному поведению. Сущность памяти заключается не столько в хранении той или иной информации в психическом аппарате человека, сколько в модификации целостного субъекта, а модусом такой модификации, как утверждает Д. Н. Узнадзе, является установка как психофизически целостное состояние.

Итак, не психическая функция памяти является носителем систем указанных возможных состояний и образцов взаимодействия, а субъект как целостная система, одним из "органов" которого является сама память. Это утверждение тем более убедительно, если учитывать, что здесь дело касается не сохранения и воспроизведения информации, а актуализации тех возможностей, которые присущи личности.

3. КАКИМ ОБРАЗОМ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИЧНОСТЬ НОСИТЕЛЕМ УКАЗАННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ?

Можно утверждать, что каждая сформировавшаяся личность в свернутом, потенциальном виде включает в себя все те возможные паттерны взаимоотношения и взаимодействия с миром, которые столь тщательно были представлены в предыдущих главах. В этом плане каждый человек потенциально, но не более, является носителем всех человеческих качеств. Это положение можно было бы на языке поэзии передать словами великого английского поэта Уильяма Блейка, с той оговоркой, что на месте материально-природных явлений в нижеприведенных поэтических образах следовало бы представить людей и их жизненный мир.

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность,
И небо – в чашечке цветка.

Идея о том, что каждый человек является потенциальным носителем огромного количества возможных разнообразных качеств и признаков, свойственных в целом роду человеческому, реализована во многих произведениях Ф. М. Достоевского, полифонические романы которого, как показал М. Бахтин [12], на основе применения

поэтического принципа контрапункта и показа диалогической сущности личности достигают вершин философского и психологического осмысления проблем человеческого бытия.

Мы отметили, что личность потенциально является носителем всех указанных возможных образцов взаимоотношения и взаимодействия с миром, но главный вопрос заключается в другом: каким образом является конкретная личность носителем столь разнообразного набора виртуальных состояний? Ведь не просто же "залегают" эти возможности в отдельной личности как в определенном "вместилище"? Вопрос "каким образом" приближает нас к кардинальному пункту в концепции. Ответ на поставленный вопрос кроется, по нашему мнению, в привлечении понятия организации, сущность которого в аспекте нашей задачи раскрывается как соподчинение и координация диспозиции личности.

Личность не простое "вместилище" указанных виртуальных состояний, а определенным образом организованная система, в которой одни паттерны взаимодействия с миром, т. е. диспозиции являются доминантными, другие – преходящими или заблокированными ("вытесненными"). Организация системы заключается в определенном соподчинении и координации диспозиций определяющих модус существования конкретного человека в мире.

Диспозиции

Во второй главе работы у нас шла речь о диспозициональном ядре личности, определяемом как единство структурных и динамических сторон личности, как точка "фокусировки" этих сторон. Однако определение отдельной диспозиции без выделения его основного признака – степени фиксированности – неубедительно.

Диспозиция личности, т. е. предрасположение к определенному действию, вернее, в контексте нашего концептуального аппарата – предрасположение к определенному взаимодействию личности с социумом и с самой собой, представляется как некоторая готовность или фиксированная установка субъекта жизнедеятельности. При таком понимании проблемы могут возникнуть вопросы о степени фиксированности и о том, что фиксируется. Степень фиксированности говорит нам об устойчивости, глубине и интенсивности проявления определенной диспозиции. Вопрос же что фиксируется предположительно можно решить в пользу утверждения о том, что степень фиксации относится не только к какому-то отдельному качеству субъекта социального и интрапсихического взаимодействия, но и связи определенных структурных и динамических признаков личности.

Например, в какой-то конкретной личности (назовем её условно – "руководитель с директивным стилем управления") может быть представлен в качестве доминантной, следующие статусно-ролевых функций преимущественно действовать по заданным предписаниям – устанавливая с сослуживцами отношения типа "субъект-объектным" – относиться к самому себе субъект-объектным способом – стремиться первоначальными актами адаптации к членам коллектива постепенно навязывать свои мысли и тем самым воздействовать на них – иметь побуждения владеть другими с одновременным нежеланием отличаться от общепринятых стандартов ("не быть самим собой") – строить свою жизнедеятельность стабильным и организованным (негэнтропия) способом. Из этого примера вытекает, что доминантная предрасположенность (диспозиция) определенного рода взаимодействию личности с миром является выражением не только какого-то отдельного фиксированного признака но и устойчивость связи между признаками,

объединенными в определенный комплекс. В нашем понимании диспозиция личности представлена как комплекс фиксированных связей отдельных паттернов взаимодействия внутри системы "личность – социальный мир". Этот пункт особо следует подчеркнуть, ибо понимая сущность личности исключительно через её взаимосвязи с социальным миром, отдельная диспозиция в свернутом виде включает в себя фиксированные связи между характеристиками социального статуса, аттитюда к миру вещей и людей, самоотношения и динамических тенденций (задача, мотивационный источник и способ жизнедеятельности). Однако посредством каких механизмов объединяются отдельные диспозиции в одну целостность? Вероятно посредством механизмов их соподчинения и координации.

Соподчинение диспозиции

Диспозиции личности определенным образом субординированы. Возможные паттерны социального и внутриличностного взаимодействия образуют систему соподчинения: одни из них образуют в личности доминантный слой, другие актуализируются изредка или же блокируются ("вытесняются") огромными усилиями субъекта. Если сослаться на приведенный пример руководителя с директивным стилем управления и продолжить описание функционирования возможных зафиксированных и доминантных паттернов его отношения к сотрудникам и коллегам, то можно прийти к следующему выводу: внутри коллектива этот руководитель действует преимущественно по заданному и предписанному образцу и субъект-объектным образом относится к сослуживцам, однако изредка может проявлять установку на субъект-субъектное и основанное на понимании (не манипуляторное) общение с некоторыми членами коллектива. Этот последний тип отношения будет соподчиненным доминантному способу общения внутри рабочей группы. Более того, тот же руководитель может иметь внутренние побуждения, выражающиеся в паттерне взаимодействия "не владеть другими – быть самим собой" и в стремлении к духовному самоусовершенствованию, однако в силу погруженности в повседневную деятельность и его прагматической малозначительности указанный паттерн может находиться в неактуализированном и латентном состоянии. Подобные прагматические малозначительные паттерны даже могут выступать помехой в осуществлении ведущей деятельности, в силу чего они будут блокироваться к "вытесняться" усилиями субъекта.

Соподчинение диспозиции определяется личностной значимостью каждого из них. Диспозиции с большим "личностным весом" имеют тенденцию актуализироваться непосредственно, что способствует выявлению доминантных характерологических черт конкретного человека. Периферийные, латентные и блокированные диспозиции образуют слои "потенциальных действий", однако допускается возможность того, что эти последние при определенной трансформации личности или её перехода в новое жизненное состояние могут занять ведущее место в жизнедеятельности субъекта.

Координация диспозиций

Частично уже отмечалась координация между отдельными возможными образцами отношения и взаимодействия конкретного человека с миром. Имеется в виду вышеуказанная связь между отдельными диспозициями. Вопрос о координации имеет отношение и к тому, что в разных социально-групповых ситуациях один и тот же человек может "пустить в ход" разные паттерны взаимодействия, находящиеся между собой во взаимоконплиментарных отношениях. Так, если опять сослаться на тот же пример руководителя с директивным стилем управления в сфере профессионально-трудовых отношений, то может оказаться, что в семейном кругу то же лицо – мягкий и понимающий

отец и даже "попослушный" своей жене супруг, а его доминантным паттерном общения с узким кругом друзей является "быть с другими – не иметь власти над ними".

Нельзя утверждать, что комплиментарность между диспозициями является единственным способом их координации. Напротив, это один из возможных его способов, так как можно наблюдать и такие случаи, когда у определенной категории лиц паттерны взаимодействия в совершенно разных социально-групповых ситуациях генерализованы и гомоморфны. Например, директивный стиль общения и субъект-объектные отношения к окружающим у такого индивида наблюдаются и на работе, и в семье, и в первичной неформальной группе, и в ситуации общения с незнакомыми людьми и т. д.

Итак, возможные паттерны отношения и взаимодействия человека с миром представлены как определенная организация его диспозиций. Однако эти диспозиции, как видно из всего хода рассуждения, являются виртуальными и в этом смысле латентными состояниями личности, рассматриваемой в рамках целостности "личность – социальный мир". Как же эти виртуальные состояния актуализируются в реальном поведении? Каков механизм перехода возможности в действительность в человеческой жизнедеятельности?

4. ПЕРВИЧНАЯ УСТАНОВКА – МЕХАНИЗМ АКТУАЛИЗАЦИИ ВИРТУАЛЬНЫХ ПАТТЕРНОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В этом разделе работы нам предстоит эксплицировать следующее положение:

Положение XI. Вышеописанные виртуальные паттерны отношения конкретного субъекта человека к миру и его взаимодействия с социумом являются частями личностного опыта, который представляется как система фиксированных установок, механизмом же их актуализации в конкретной, "здесь и теперь" деятельности, является первичная установка; эта последняя определяется как состояние готовности к определенному поведению, возникшее на основе единства трех факторов – (1) потребности, (2) соответствующей ситуации и (3) фиксированных установок или инструментальных возможностей субъекта.

В учении Д. Н. Узнадзе и в работах его учеников подчеркивается различие между первичной и фиксированной установками. С особой убедительностью эти понятия разграничиваются в исследованиях Ш. Н. Чхартишвили [66]. Первичная установка – это актуальное и "здесь и теперь" состояние готовности субъекта к определенной активности, в каждый конкретный момент жизни выступая в качестве действенного начала и модуса существования человека в мире. В этом смысле основной признак первичной установки – постоянная актуальность, в поток" жизнедеятельности одна установка сменяется другой, однако её основной признак – актуальность остается неизменной. Фиксированная же установка *in principle* может храниться в неактивном состоянии в опыте субъекта, а момент её актуализации может наступить в определенных внешне-внутренних условиях. Мы воздержимся от детального рассмотрения вопросов, связанных с разграничением первичной и фиксированной установок. Повторим лишь вслед за Ш. Н. Чхартишвили, что фиксированные установки субъекта входят в состав сложившегося опыта субъекта (опыт – это ведь нечто зафиксированное?!). Первичная установка, действующая согласно принципу актуальности, является трехфакторным образованием в плане её возникновения и функционирования. Этими факторами являются: (1) потребность субъекта, (2) соответствующая удовлетворению данной потребности ситуация и (3) фиксированные установки или инструментальные возможности поведения. Указанные факторы – не разрозненные, а самостоятельные части первичной установки и образуют единую и целостную систему; лишь путем научной абстракции их можно рассматривать отдельно друг от друга.

Виртуальные паттерны отношения человека к миру и взаимодействия с социумом, представленные в данной работе, образуют слой фиксированных установок и инструментальных возможностей личности. Они актуализируются в ходе реальной и конкретной жизнедеятельности субъекта механизмом первичной установки, являющейся единством внутренних (потребности и фиксированные установки или инструментальные возможности) и внешних (ситуация удовлетворения потребности и реализации фиксированных установок или инструментальных возможностей) факторов.

Послесловие

Итак, предметом нашей рефлексии выступал "возможный мир" межличностных и внутриличностных отношений. Методами исследования служили: 1) теоретический и методологический анализ проблем психологии личности, систематическое применение марксистского метода восхождения от абстрактного к конкретному; 2) выделение предельных состояний личности или предельных единиц анализа и составление комбинаторных матриц для выявления абстрактно- и конкретно-возможных образцов отношения и взаимодействия личности с окружающим миром и с самой собой; 3) анализ отдельных случаев из практики психологического консультирования и психокоррекции. Необходимость применения метода выделения предельных единиц анализа, служащих в качестве отправных абстрактных пунктов, а также метода составления комбинаторных матриц диктуется предметом и задачами исследования. В частности, осмысление "возможного мира" межличностных и внутриличностных отношений с логической необходимостью требует выделения сначала абстрактно-возможных, а на их основе конкретно-возможных образцов взаимодействия личности с социумом и с самой собой. Этот способ осмысления в работе выступает в качестве серии мыслительного эксперимента, который, вероятно, является единственно верным путем для доступа к "миру возможного". Следовательно указанный метод соответствует предмету изучения, что убеждает в методологической обоснованности разработанной теоретической конструкции. Следует добавить, что применение данного метода в работе отвечает двум важным условиям: а) выделенный абстракт должен отличаться максимальной обобщенностью и отражать предельно широкий круг феноменов; б) каждый абстракт должен соотноситься с контрарно и контрадикторно противоположным полюсом, чем и обеспечивается удовлетворение логической необходимости их выбора; на последующих этапах мыслительного моделирования возможно обнаружить диалектические взаимопереходы между противоположностями. Для подтверждения эмпирической достоверности выделенных конкретно-возможных образцов интер- и интраперсональных отношений в работе постоянно приводится фактологический материал из экспериментально-психологических исследований, а также из собственной практической работы в области психологического консультирования и психокоррекции.

Легко опровергается возможное критическое замечание оппонента: не являются ли вводимые в концептуальном аппарате вариативные оси с противоположными полюсами (напр., адаптация – преобразование и др.) результатами некоторого произвола авторского замысла? Следует подчеркнуть, что введение именно оперируемых в работе, а не каких-то других вариативных осей, настолько диктуется логико-методологической необходимостью, что произвол автора предельно минимализируется. Это обеспечивается систематическим соблюдением вышеуказанных условий о максимальной обобщенности выделенных абстрактов и логической обоснованности их выбора. Поэтому количество вводимых вариативных осей строго ограничено и нет никакой надобности добавления каких-то других, произвольно допускаемых оппозиций. Более того, любая вводимая на произвол ось не несет радикально новой информационной нагрузки и она сводится к уже известным нам абстрактно- и конкретно-возможным паттернам взаимодействия. Например, если дополнительно вводить вариативную ось "приближение – избегание" и

соотнести ее с инвариантной осью "личность – социум", то обнаружим, что тенденция "приближения" к социуму является частным выражением адаптации к социальному окружению, а "избегание" выражает социальную дезадаптированность. Однако эти последние динамические тенденции детально рассмотрены в работе.

Наконец, предложенная теоретическая конструкция может выступить основой практической работы в индивидуальном и групповом психологическом консультировании и психокоррекции.

Литература

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 1.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 3.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 12.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 13.

Абаев Н. В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. – Новосибирск, Наука, 1983.

Абашидзе Е. К. Персоналистическая психология (В. Штерн). – Тбилиси; Изд-во АН ГССР, 1962 (на груз. яз.).

Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. – М., Наука, 1980.

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человековедения. – М., Наука, 1977.

Аристотель. Метафизика. – М., Мысль, 1976, Соч. т. 1, с. 5-370.

Аристотель. Первая аналитика. – Мысль, 1978, Соч. т. 2, М., с. 117-254.

Багатурия Г. Возможность и действительность. – М., Философская энциклопедия, 1960, т. I, с. 268-272.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., Советская Россия, 1979.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., Искусство, 1979.

Бозрикова Л., Семенов А. Аттитюды и их связь с поведением. – В кн.: Социальная психология за рубежом. – М., ИНИОН СССР, 1974, вып. I, с. 55--100.

Васильюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – М., МГУ, 1984.

Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. – М., Изд-во АПН РСФСР, 1956.

Гелашвили М. А. Логика высказываний с пропозициональными установками и психологическая теория установки Д. Узнадзе. Авто-реф. канд. дисс. – М., 1985.

- Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – Киев, Наукова думка, 1984.
- Джемс В. Научные основы психологии. – П., С.-Петербургская электропечатная, 1902.
- Емельянов Ю. Н. Стремление к самоидентификации как социальная потребность индивида. – В кн.: Проблемы формирования социогенных потребностей. – Тбилиси, Мецниереба, 1981, с. 97-100.
- Емельянов Ю. И. Активное социально-психологическое обучение. – Л., ЛГУ, 1985.
- Захаров А. И. Психотерапия неврозов у детей и подростков. – М., Медицина, 1982.
- Ильенков Э. В. Что такое личность? – В кн.: Психология личности. Тексты – М., МГУ, 1982, с. 11-19.
- Кант И. Критика чистого разума. – М., Мысль, 1965, Соч. т. 3.
- Кант И. Критика способности суждения. – М., Мысль, 1966, Соч. т. 5, с. 161- 530.
- Кассирер Э. Рассуждение о человеке. – Тбилиси, Ганатлеба, 1983 (пер. с нем. яз. на груз. яз.).
- Кон И. С. Личность. – М., 1973, БСЭ, Т. 14, с. 578-580.
- Кон И. С. В поисках себя. Личность и самосознание. – М., Политиздат, 1984.
- Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс П. Уровень притязаний. – В кн.: Психология личности. Тексты. – М., МГУ, 1982, с. 86-92.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., Наука, 1984.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность – М., Политиздат, 1975.
- Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. – В кн.: Философия в современном мире. Философия и наука. – М., Наука, 1972, с. 28-94.
- Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. – Ереван, Изд-во АН АССР, 1973.
- Мейли Р. Структура личности. – В кн.: Экспериментальная психология (под ред. П. Фресс и Ж. Пиаже). – М., Прогресс, 1975.
- Мясищев В. Н. Личность и неврозы. – Л., ЛГУ, 1960.
- Надирашвили Ш. А. Психология установки. – Тбилиси, Мецниереба, 1983, 1985, т. 1, т. 2 (на груз. яз.).
- Норакидзе В. Г. Методы исследования характера личности. – Тбилиси, Мецниереба, 1975.

- Пиаже Ж. Психология интеллекта. – В кн.: Избранные психологические труды. – М., Просвещение, 1969.
- Пиаже Ж. Теория Пиаже. – В кн.: История зарубежной психологии. Тексты. – М., МГУ, 1986.
- Прангишвили А. С. Исследования по психологии установки. – Тбилиси, Мецниереба, 1967.
- Роджерс К. К науке о личности. – В кн.: История зарубежной психологии. Тексты. – М., МГУ, 1986, с. 200-231.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М., Учпедгиз, 1946.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М., Педагогика, 1976.
- Сарджвеладзе Н. И. Структура самоотношения личности и социогенные потребности. – В кн.: Проблемы формирования социогенных потребностей. – Тбилиси, Мецниереба, 1974.
- Сарджвеладзе Н. И. Исследование связи между социальным сходством и притяжением в зарубежной социальной психологии. – Ж. психолог., 1982, т. 3, №2, с. 147-151.
- Сарджвеладзе Н. И. Позиция личности и установка: опыт построения структурно-динамической концепции личности. – Известия АН ГССР, серия философии и психологии, 1985, №2, с 81-93.
- Столин В. В. Самосознание личности. – М., МГУ, 1983.
- Тернер Дж. Структура социологических теорий. – М., Прогресс, 1985.
- Тюхтин В. С. О природе образа. – М., Высшая школа, 1963.
- Узнадзе Д. Н. Основы экспериментальной психологии. – Тбилиси, Мецниереба, Труды, 1960 т. 2, (на груз. яз.).
- Узнадзе Д. Н. Общая психология. – Труды, т. 3-4, Тбилиси, Мецниереба, 1964 (на груз. яз.).
- Узнадзе Д. Н. Детская психология. – Тбилиси, Мецниереба, Труды, 1967. т. 5 (на груз. яз.).
- Узнадзе Д. Н. Формы поведения человека. – Тбилиси, Мецниереба, Труды, 1967 т. 5 (на груз. яз.).
- Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси, Мецниереба, Труды, 1977, т. 6 (на груз. яз.).
- Узнадзе Д. Н. Impersonalia. – Тбилиси, ТГУ, Философские труды, 1984, с. 367-387 (на груз. яз.).

- Узнадзе Д. Н. Восприятие и представление (с точки зрения биосферной психологии). – Тбилиси, Мецниереба, Труды, 1986, т. 9, с. 332-359 (на груз. яз.).
- Филмер П., Филипсон М., Силверман Д., Уолш Д. Новые направления в социологической теории. – М., Прогресс, 1978.
- Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. – М.-Пг., Госиздат, 1923.
- Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. – М., Современные проблемы, 1925.
- Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого "Я". – М., Современные проблемы, 1925.
- Фуко М. Слова и вещи. – М., Прогресс, 1977.
- Хекхаузен. Мотивация и деятельность. – М., Педагогика, 1986, т. 1, 2.
- Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. – М., Прогресс, 1980.
- Цинцадзе Г. И. Личность, время, установка. – Тбилиси, Мецниереба, 1981 (на груз. яз.).
- Чхартишвили Ш. Н. Установка и сознание. – Тбилиси, Мецниереба, 1975 (на груз. яз.).
- Шерозия А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщенной теории психологии. – Тбилиси, Мецниереба, 1979.
- Шибутани Т. Социальная психология. – М., Прогресс, 1969.
- Ярошевский М. Г. Специфика детерминизма психических процессов. – Вопросы философии, 1972, № 1, с. 94-105.
- Ярошевский Т. Личность и общество. – М., Прогресс, 1973.
- Allport G. Pattern and Growth in Personality – N. Y., Holt, Rinehart and Winston, 1964.
- Allport G. Structure et developpment de la personalite. Neuchatel/Suisse. – Delachaux et Niestle, 1970.
- Angyal A. The Holistic Theory of Personality – In: Psychology of Personality: readings in the theory (Ed. by W. S. Sahakian). – Chicago, Illinois: Rand McNall, 1965, pp. 319-341.
- Berne E. Transactional Analysis in Psychotherapy. – N. Y, Ballantine Books, 1976.
- Codol J. P. Semblables et differents. Recherches sur la quete de la similitude et la differenciation sociale. – Aix-en-Provence: Université de Provence, 1979.
- Duval S, Wicklund R. A. A Theory of Objective Self Awareness – N. Y., Academic Press, 1972.
- Erikson E. H. Adolescence et crise. La quete de l'identite. – Paris, Flammarion, 1972.
- Festinger L., Pepitone A., Newcomb T. Some Consequences of Deindividuation in a Group. – J. of Abnormal and Social Psychology, 1952, 47, pp. 382-389.

- Fishbein M., Ajzen I. The Prediction of Behavior from Attitudinal and Normative Variables – J. of Experimental Social Psychol., 1970, v. 6, pp. 466-487.
- Frankl V. E. Self-Transcendence as a Human Phenomenon. – In: Readings in Humanistic Psychology (Ed. by A. Sutich and M. A. Vich). – N. Y., Free Press, 1969, pp. 113-125.
- Freud A. The Ego and Mechanisms of Defence. London. – Hogarth Press, 1948.
- Fromkin H. L. Effects of Experimentally Aroused Feelings at Undistinctiveness upon Valuation of Scarce and Novel Experiences. – J. of Personality and Social Psychology, 1970, 16, pp. 521-529.
- Fromm E. The Art of Loving. – N. Y., Evanston, Harper Row, 1962.
- Fromm E. Humanistic Psychoanalysis. – In: Psychology of Personality: readings in theory (Ed. by W. S. Sahakian). – Chicago, Illinois, Rand McNally, 1965, pp. 117-133.
- Fromm E. To Have or to Be? – N. Y., 1976.
- Goffman E. The Presentation of Self to Others. – In: Symbolic Interaction. A Reader in Social Psychology (Ed. by J. G. Manis and B. N. Meltzer). – Boston, Allyn and Bacon, 1972, pp. 234-244.
- Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie. – Paris, PUF, 1968, v. 1.
- Hartman H. Ego Psychology and Problem of Adaptation. – N. Y., 1958.
- Heidegger M. Being and Time. – Oxford, Blackwell, 1967.
- Husserl E. Meditations Cartésiennes. – Paris, Librairie Armand Colin, 1931.
- Krech D., Crutchfield R. S. and Balachey E. L. Individual in Society. – N. Y., McGraw Hill, 1969.
- Lacan J. Ecrits. – Paris, Seuil, 1966.
- Lemaine G., Carstensen J. Recherches sur l'originalité sociale, la différentiation et l'incomparabilité. – Bulletin de Psychol., 1972, 25, pp. 673-693.
- Lewin K. The Dynamic Theory of Personality. – N. Y., McGraw Hill, 1935.
- Lewis N., Brooks-Gunn J. Social Cognition and Acquisition of Self. – N. Y., London, Plenum Press, 1979.
- Marchi L. D., Wilhelm Reich. – Paris, Fayard, 1973.
- Maslach C. Social and Personal Bases of Individuation. – J. of Personality and Social Psychol., 1974, 29, 411-425.
- Maslow A. H. Notes on Being Psychology. – In: Readings in Humanistic Psychology (Ed. by A. Sutich and M. A. Vich). – N. Y., Free Press, 1969, pp. 51-80.

- McGuire W. J. Nature of Attitudes and Attitude Change. – In: Handbook of Social Psychology (Ed. by G. Linzey and E. Aronson). Addison-Wosley, Reading, Mass, 1968.
- Ostorum T. M. The Emergence of Attitude Theory: 1930-1950. In: Psychological Foundation of Attitudes (Ed. by Greewald and al.). N. Y., 1968.
- Parain-Vial J. Gabriel Marcel et les niveaux de l'experiences. – Paris-PUF, 1966.
- Piaget J. La representation du monde chez l'enfants. – Paris, Librairie Felix Alcan, 1926.
- Rocheblave-Spenle A. M. La notion de role en psychologie sociale – Paris, PUF, 1969.
- Rogers C. R, Client-Centered Therapy. Its Current Practice, Implications and Theory. Boston, Houghton Mifflin Company, 1965.
- Sartre J. P. L'etre et le neant. – Paris, Gallimard, 1943.
- Sullivan H. S. The Interpersonal Theory. – In: Psychology of Personality: readings in theory (Ed. by W. S. Sahakian). – Chicago, Illinois, 1965, pp. 150-168.
- Ziller R. C. Individuation and Socialization. – Human Relations, 1964, 17, pp. 341-360.
- Zimbardo P. G. The human Choice: Individuation, Reason and Orders Deindividuation, Impulse and Chaos. – In: Nebraska Symposium on Motivation. – Lincoln, Univers. of Nebraska Press, 1969, v. 17.